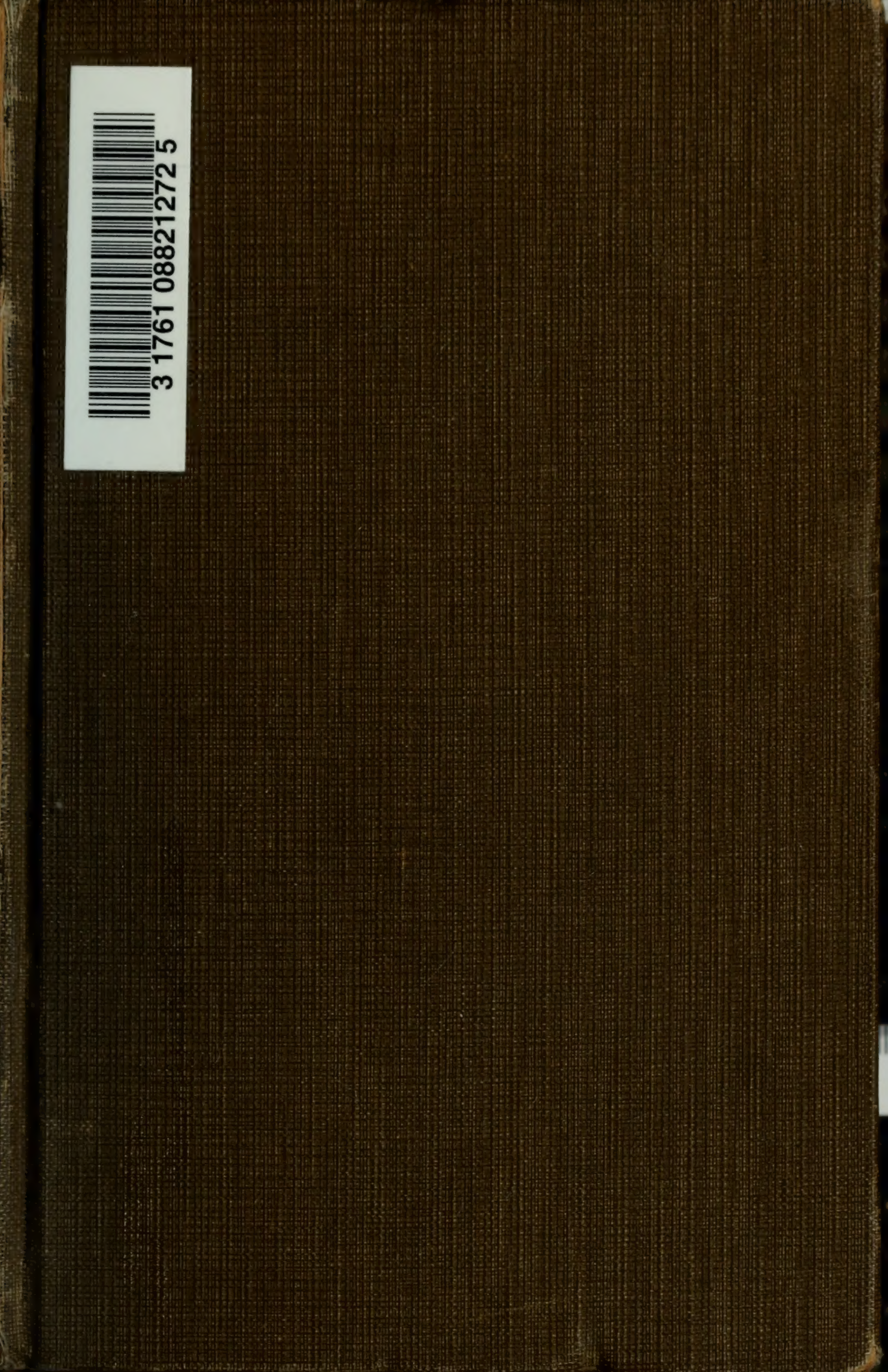
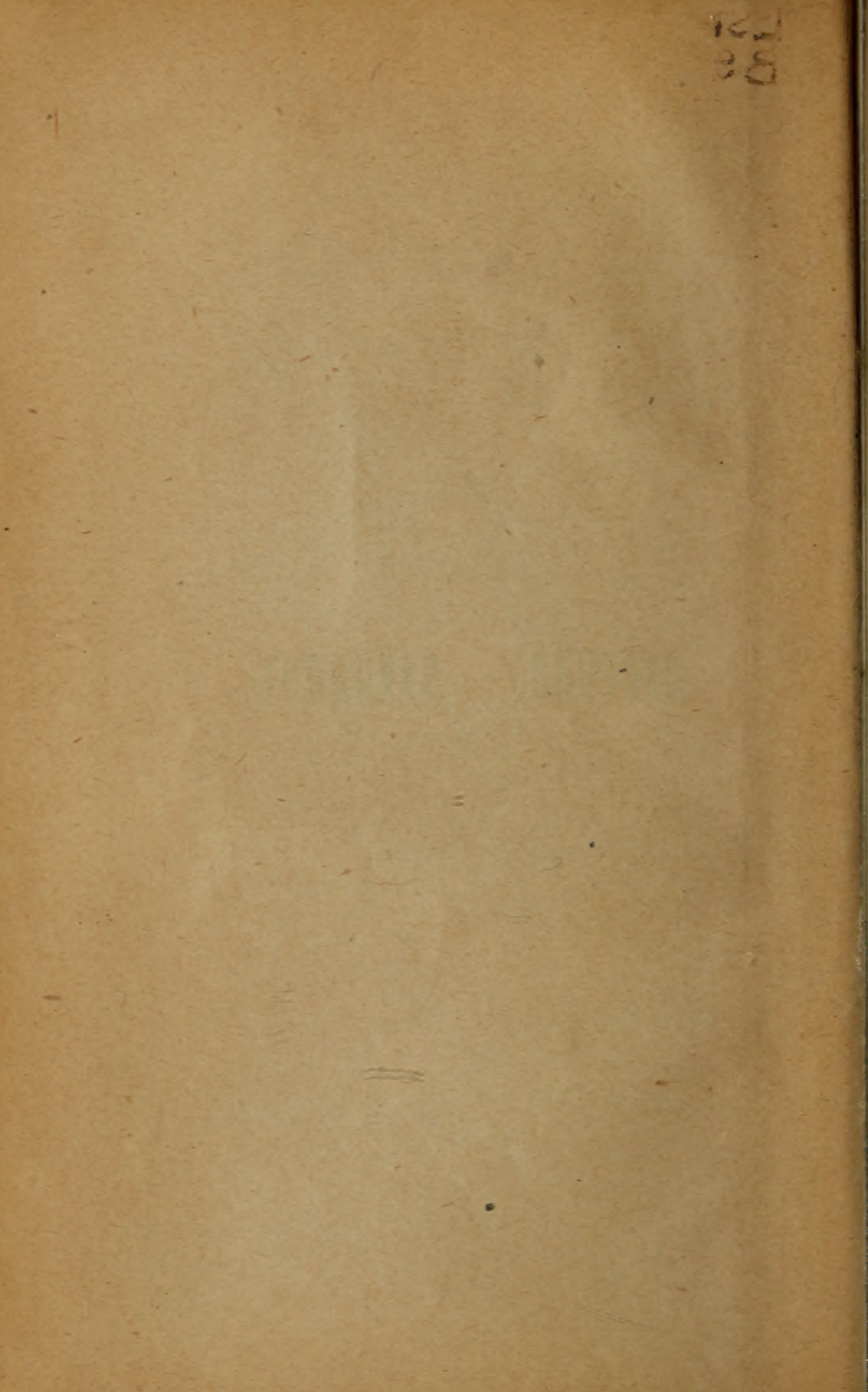

3 1761 08821272 5

ДЕРЕВНЯ. — СУХОДОЛЪ.

И. А. БУНИНЪ.

ДЕРЕВНЯ

ПАРИЖЪ

1921.

ДЕРЕВНЯ.

ПОЭМА.

1.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворнѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми ротмистръ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести Цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: «Ату его!» Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣніи, кинулся бѣжать. А бѣгать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ почему-то дали вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ — и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воромъ. Нанялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести на продажу кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщаниномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губерніи грабить церкви. Года черезъ два его поймали. Но и на судѣ онъ велъ себя такъ, что долго повторяли его отвѣты судьямъ: стоитъ себѣ,будто бы,въ плисовомъ кафтанѣ, при серебряныхъ часахъ, въ козловыхъ сапожкахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почтительнѣйше сознается даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ. Ѣздилъ по уѣзду, жилъ одно время въ Дурновкѣ,— завелъ-было шинокъ и лавочку,— но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и вскорѣ умеръ. Послуживъ по лавкамъ, торгашили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма, почти однолѣтки. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ съ рѣзнымъ передкомъ, съ рундукомъ посередкѣ, и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ — зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — въ рундукѣ. А въ телѣгѣ все, что добыто: дохлыя кошки, яйца, холсты, тряпки...

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались,— по слухамъ, изъ-за барышей,— и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику, Тихонъ снялъ постоялый дворишко на шоссе при станціиВорголъ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки, и открылъ кабакъ и «черную» лавочку, «торговлю мелочного товару чаю сахору тобаку сигаръ и протчего.»

Годамъ къ сорока борода Тихона уже походила на серебро съ чернью. Но красивъ, высокъ, строенъ былъ онъ попрежнему: лицомъ строгъ, смуглъ, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали

сдвигаться все чаще да глаза блестѣть еще острѣй, чѣмъ прежде: дѣло того требовало!

Неутомимо гонялъ онъ за становыми — къ тѣ глухія осеннія поры, когда взыскиваютъ подати и идутъ по деревнѣ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помѣщиковъ хлѣбъ на корню, снималъ у нихъ и у мужиковъ землю — по частямъ, не гребуя даже полнивой. Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой, — «нѣмая-то ничего не разбрешетъ!» — имѣлъ отъ нея ребенка, котораго она приспала, задавила во снѣ, потомъ женился на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А женившись, взявъ приданаго, «доконалъ» потомка обнищавшихъ Дурново, полнаго, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятомъ году, но съ великолѣпной каштановой бородой, — «прогрессиста», какъ острили помѣщики, намекая на прогрессивный параличъ. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣньице: вѣдь чуть не вся Дуровка состоитъ изъ Красовыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрялся онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣньи, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли... Ахали и говорили:

— Да вѣдь съ нами, чертями, добромъ-то и не подѣлаешь ничего! Зато и хозяинъ! Нѣту справедливѣе!

А убѣждалъ ихъ въ этомъ самъ же Тихонъ Ильичъ. Въ добрую минуту наставлялъ:

— Живемъ — не мотаемъ, попадешься — обротаемъ. Но по справедливости. Я, братъ, человѣкъ русскій.

Въ злую, блестя глазами, отрѣзалъ:

— Свинья! Справедливѣй меня человѣка нѣтъ!

«Свинья, да не я», — думалъ мужикъ, отводя глаза отъ его взгляда.

И покорно бормоталъ:

— Господи! Да ай мы не знаемъ?

— Знаешь, да забылъ. Мнѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ трынки не отдамъ! Вонъ у меня братъ: злодѣй мнѣ, пьянчужка, а и то бы помогъ, кабы пришелъ да поклонился. Передъ истиннымъ Богомъ, помогъ бы! Но баловать,— нѣтъ, замѣть, не побалую. Я, братъ, не хохолъ безмозглый.

А Настасья Петровна, ходившая по-утиному, носками внутрь, переваливаясь,— отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками,— желтая, опухшая, съ рѣдкими бѣлесыми волосами, стонала, поддакивала:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Что ты съ нимъ, глупымъ, трудишься? Компанъ-онъ онъ тебѣ? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставилъ, — эмирскій бухаръ какой!

«Страшная охотница» до свиней и птицы была она, и Тихонъ Ильичъ сталъ выкармливать поросятъ, индюшекъ, куръ, гусей: за станціей былъ казенный прудъ. Пуще же всего пристрастился онъ къ ссыпкѣ хлѣба. Осенью возлѣ двора его, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи, стономъ стоналъ скрипъ колесъ: обозы сворачивали и сверху и снизу. А на дворѣ ночевали лошадники, шибаи, птичники, крендельщики, косники, богомолки: И поминутно визжалъ блокъ то на двери въ кабакъ, гдѣ отпускала Настасья Петровна, то на двери въ лавку, —темную, грязную, крѣпко пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятнымъ пряникомъ, хомутиной, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакѣ:

— У-ухъ! И здорова же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышелъ дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще люднѣе:

— Ильичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, нонѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпеченъ, такъ обезпеченъ!

— А почемъ?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почемъ?

И казалось, что никогда и не было у Красовыхъ иного разговору, кромѣ толковъ, что почемъ: почемъ ветчинка, почемъ тесъ, почемъ крупа, почемъ деготь...

Потеря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями. Тихонъ Ильичъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣнія, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добьюсь, — говорилъ онъ знакомымъ. — Безъ дѣтей человѣкъ — не человѣкъ. Такъ, обсѣвокъ какой-то...

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: что же это, — одна приспала, другая мертвыхъ рожаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было тяжкимъ временемъ. Тихонъ Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Прежде она передъ сномъ надѣвала туфли, кофточку, молилась разсѣянно, а помолясь, любила перебрать

знакомыхъ, поругать ихъ. Теперь передъ образомъ стояла простая баба въ короткой бумазейной юбкѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ рубашкѣ, не закрывавшей шеи и по-старушечьи полныхъ рукъ. Съ дѣтства, не рѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка, — такъ смирно и ласково-грустно, — чуть двигались тѣни отъ цѣпей ея, было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднявъ острый носъ и сложивъ на груди большія лилово-восковыя руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной тряпкой, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладъ орущими гармониками, проходили годные... Теперь лампадка горѣла постоянно. И Тихонъ Ильичъ чувствовалъ, что ведетъ Настасья Петровна какое-то таинственное дѣло съ невѣдомыми силами.

Кормили возлѣ постоялаго двора лошадей владимирскіе коробочники — и въ домѣ появился «Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать на картахъ, бобахъ и кофе». И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала

изъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги оракула. А Тихонъ Ильичъ искоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщіе или безсмысленные.

— «Любитъ ли меня мой мужъ?» — спрашивала Настасья Петровна.

И оракулъ отвѣчалъ:

— «Любитъ, какъ собака палку».

— «Сколько дѣтей будетъ у меня?»

— «Судьбой назначено тебѣ умереть, худая трава изъ поля вонъ».

Тогда Тихонъ Ильичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину...

И загадывалъ:

— «Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ извѣстною мнѣ особою?»

Но и ему выходила чепуха:

— «Считай во рту зубы».

И оракула смѣнилъ Чугунокъ.

Дурновскій мужикъ Чугунокъ, — небольшой, кряжистый, съ необыкновенно высокой и плотной грудной клѣткой, съ живыми коричневыми глазами на широкомъ смугломъ лицѣ, — былъ мужикъ хорошій и хозяйственный, но со странностями: онъ теноромъ пѣлъ пѣсни, и пѣлъ чаще всего съ бабами и по-бабьи, былъ большой балагуръ и сплетникъ, лѣчилъ заговорами и настоями, могъ сбѣгать обыденкой въ городъ — «не отставалъ отъ тройки!» — и велъ знакомство съ

колдунами, которыми спокон вѣку полна Басовка, деревушка верстахъ въ трехъ отъ Дурновки. И вотъ этого-то Чугунка и заставалъ Тихонъ Ильичъ на какихъ-то таинственныхъ переговорахъ съ Настасьей Петровной, сразу обрывавшихся при его появленіи. Заставалъ—и мгновенно дѣлалъ видъ ничего не замѣтившаго человѣка, прикидывался, что ничего не знаетъ о бутылочкахъ съ наговорной водой, которыя то и дѣло доставлялъ Чугунокъ Настасьѣ Петровнѣ. Въ глубинѣ-то души и онъ надѣялся, что Чугунокъ поможетъ.

Но и отъ Чугунка мало было проку. Разъ, заглянувъ въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидалъ жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, попискивая, бродилъ по подоконнику, стучалъ клювомъ въ стекла, ловя мухъ, а она сидѣла на нарахъ, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежитъ?
Гдѣ постелюшка его?
Онъ въ высокомъ терему,
Въ колыбелькѣ расписной.
Не ходите къ намъ никто,
Не стучите въ терему!
Онъ уснулъ, започивалъ,
Темнымъ пологомъ покрытъ,
Расцвѣченою тафтой...

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ

эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла, — только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня, Христа ради, къ угоднику...

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорогой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый день бываетъ въ церкви, —живетъ, какъ татаринъ. Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то — глупѣй его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аѳона: «Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія, св. горы Аѳонской! Я имѣлъ счастіе слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовію удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на келліи иноческія. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе...» И Тихонъ Ильичъ послалъ на поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ наивной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аѳона дошли слухи о немъ, хорошо зналъ, что ужъ слишкомъ много аѳонскихъ хи-

жпнъ пришло въ ветхость — и все-таки посл̆алъ. Но не помогло и это, закончилась беременность прямо мукою: передъ тѣмъ, какъ родить послѣдняго мертваго ребенка, стала Настасья Петровна, засыпая, вздрагивать, стонать, взвизгивать и разражаться воплемъ и слезами. Ею, по ея словамъ, мгновенно овладѣвала во снѣ какая-то дикая веселость, соединенная съ невыразимымъ страхомъ: то видѣла она, что идетъ къ ней по полямъ, вся сіяя золотыми ризами, Царица Небесная и несется откуда-то стройное, все растущее пѣніе; то выскакивалъ изъ-подъ кровати чертенокъ, неотличимый отъ темноты, но ясно видимый зрѣніемъ внутреннимъ, и начиналъ такъ звонко, лихо, съ перехватами, отжаривать на губной гармоникѣ плясовую, что сердце отрывалось и летѣло куда-то въ бездну, въ пропасть... Легче было бы спать не въ духотѣ, на перинахъ, а на воздухѣ, подъ навѣсомъ амбаровъ. Но Настасья Петровна боялась:

— Подойдутъ собаки и голову нанюхаютъ...

Монополія была солью на рану. Когда пропала надежда на дѣтей, все чаще стало приходить Тихону Ильичу въ голову: «Да для кого же вся эта каторга, пропади она пропадомъ?» И стали трястись отъ злобы руки, болѣзненно сдвигаться и подниматься брови, косить верхнюю губу — особенно при фразѣ, не сходившей съ языка: «имѣйте въ виду». Попрежнему онъ молодился—

носилъ щеголеватые опойковые сапоги и расшитую косоворотку подъ двубортнымъ пиджакомъ. Но борода сѣдѣла, рѣдѣла, путалась...

А лѣто, какъ нарочно, выдалось жаркое, засушливое. Совсѣмъ пропала рожь. И наслажденіемъ стало жаловаться покупателямъ.

— Прекращаемъ-съ, прекращаемъ-съ! — съ радостью, отчеканивая каждый слогъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ о своей винной торговлѣ. — Какъ же-съ! Министру захотѣлось поторговать!

— Охъ, посмотрю я на тебя! — стонала Настасья Петровна. — Договоришься ты! Загонятъ тебя, куда воронъ костей не таскалъ!

Не испугаете-съ! — отсѣкалъ Тихонъ Ильичъ, вскидывая бровями. — Нѣтъ-съ! На всякій ротокъ не накинешь платокъ!

И опять, еще рѣзче чеканя слова, обращался къ покупателю:

— И ржица-съ радуетъ! Имѣйте въ виду: всѣхъ радуетъ! Ночью-съ,—вѣрите ли: ночью-съ! — и то видать. Выйдешь на порогъ, глянешь по мѣсяцу въ поле: сквозитъ-съ, какъ лысина! Выйдешь, глянешь: блистаетъ!

— А ты судись!— крикнулъ однажды случившійся при такомъ разговорѣ дурновскій Трифонъ, старикъ, извѣстный своей дерзостью, злостью и тѣмъ,что онъ неустанно, всю жизнь судился съ кѣмъ попало и по самымъ ничтожнымъ поводамъ, — очень худой и высокій, съ бѣгающими

зелеными глазами, съ рѣденькой сѣдой бородкой, въ длинной рубахѣ и большихъ лаптяхъ на тонкихъ ногахъ, крѣпко искрещенныхъ оборками по онучамъ.

И это было такъ неожиданно, что Тихонъ Ильичъ слегка опѣшилъ.

— Съ кѣмъ же это я судиться-то буду? — спросилъ онъ, поднявъ брови.

— Съ обидчиками! — крикнулъ Трифонъ и стукнулъ палкой въ землю.— Съ злодѣями! Съ пахарями!

Тихонъ Ильичъ покачалъ головою.

— Охъ, мало тебя, чорта двужильнаго, драли! — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Брешешь!— крикнулъ Трифонъ.— Много! На десятерыхъ хватитъ! Да не поддамся! До царя дойду! Ну, вотъ и норови по-моему...

Въ Петровки Тихонъ Ильичъ пробылъ четверо сутокъ въ городѣ на ярмаркѣ и разстроился еще больше — отъ думъ, отъ жары, отъ безсонныхъ ночей. Обычно отправлялся онъ на ярмарку съ большой охотой. Въ сумерки подмазывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; къ одной, въ которой ѣхалъ староста, привязывали лошадей или коровъ, назначенныхъ къ продажѣ; въ другую, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили,

разсказывали другъ другу страшныя старинныя исторіи о купцахъ, убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ; потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать — и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ зыбко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузъ и холодитъ голову ночная свѣжесть; хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ, среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидать вдали, въ голубой низменности, весело бѣлѣющій городъ, блескъ его церквей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго какъ мѣлъ при свѣтѣ зари... Теперь Тихонъ Ильичъ отослалъ телѣги со старостой, а самъ поѣхалъ на бѣгункахъ. Ночь была теплая, свѣтлая, розово-лунная; ѣхалъ онъ шибко, но сильно усталъ; огоньки на ярмаркѣ, въ острогѣ и больницѣ, что при въѣздѣ въ городъ, видны въ степи верстъ на десять, и казалось, что до нихъ никогда не доѣдешь, до этихъ дальнихъ, сонныхъ огоньковъ. А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби и побѣлѣло за открытыми окнами, что

онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и слипались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ — и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова...

— Каторга! — поминутно приходило въ голову за эти дни и ночи. — Бьюсь, путляюсь, гибну въ пустякахъ, въ безтолочи!

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Грудами лежали метла, косы, жбаны, лопаты, колеса. Стоялъ нестройный гомонъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулекъ, марши и польки гремящихъ на каруселяхъ оркестріоновъ. Бездѣльная, говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до-вечеру по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съѣстными, откуда несло вонючимъ чадомъ сальныхъ жаровенъ. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и

въ шапочкѣ съ павлиньими перьями... Покупателей у Тихона Ильича было много. Но все кончалось лишь пустословіемъ. Подходили сизые цыгане, евреи изъ Юго-Западнаго края, — сѣролицые, рыжіе, запыленные, въ парусиновыхъ балахонахъ и сбитыхъ сапогахъ, — загорѣлые мелкопомѣстные дворяне въ поддевкахъ и картузахъ, становой съ урядникомъ, богачъ-купецъ Сафоновъ, — старикъ въ чуйкѣ, тучный, бритый, съ сигарой; подходилъ красавецъ-гусаръ князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ, или дряхлый севастопольскій герой Хвостовъ, — высокій и костистый, съ крупными чертами темнаго морщинистаго лица, въ длинномъ мундирѣ и обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носками и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, изъ-подъ котораго были начесаны на виски крашеные волосы мертваго бураго цвѣта... Всѣ корчили изъ себя знатоковъ, толковали о мастяхъ, ладахъ, разсказывали о своихъ лошадяхъ. Мелкопомѣстные врали и хвастались; Бахтинъ не унижался до разговора съ Тихономъ Ильичемъ, хотя тотъ почтительно вставалъ передъ нимъ и говорилъ: «подходящая-съ лошадка для вашего сіятельства». Бахтинъ только откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подусниками и намеками перекидывался съ женой, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. А Хвостовъ, до-

шаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ, поднималъ костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего не выражающимъ голосомъ:

— Сколько просишь?

И всѣмъ надо было отвѣчать. Отъ скуки Тихонъ Ильичъ купилъ книжечку: «Ой, Шмуль до Ривке, сборникъ модныхъ сценокъ, каламбуровъ и разсказовъ изъ похожденій нашихъ еврейчиковъ» — и, сидя на телѣгѣ, много разъ принимался за нее. Но только-что онъ начиналъ: «Каздому, гишпада, жвѣстна, што мы, жидочки, вжасно любимъ гешефтъ...», какъ кто-нибудь окликалъ. И Тихонъ Ильичъ поднималъ глаза и отзывался, но черезъ силу, стискивая челюсти.

Онъ очень загорѣлъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, запылился, чувствовалъ смертельную тоску и слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ разстроилъ желудокъ, да такъ, что начались корчи. Пришлось сходить въ больницу. Но тамъ онъ часа два ждалъ очереди, сидѣлъ въ гулкомъ коридорѣ, нюхая противный запахъ карболки, и чувствовалъ себя не Тихономъ Ильичемъ, а такъ, какъ будто онъ былъ въ прихожей хозяина или начальника. И, когда докторъ, похожій на дьякона, красный, свѣтлоглазый, въ кургузомъ черномъ сюртукѣ, пахнущемъ мѣдью, сопя, приложилъ холодное ухо къ его груди, онъ поспѣшилъ

сказать, что «животъ почти прошелъ», и только по робости не отказался отъ касторки. А воротясь на ярмарку, проглотилъ стаканъ водки съ перцемъ, съ солью и опять сталъ ѣсть колбасу и подрукавный хлѣбъ, пить чай, сырую воду, кислыя щи — и все не могъ утолить жажды. Звали знакомые «пивкомъ освѣжиться» — и онъ шелъ. Оралъ хромой квасникъ:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! По копейкѣ бокалъ, самый главный лимонадъ!

И онъ останавливалъ квасника.

— Во-отъ мороженó! — теноромъ кричалъ лысый потный мороженщикъ, брюхатый старикъ въ красной рубахѣ.

И онъ — какъ мальчишка! — ѣлъ съ костяной ложечки мороженое, почти снѣгъ, отъ котораго жестоко ломило въ вискахъ.

Пыльный, истолченный ногами, колесами и копытами, засоренный и унавоженный выгонъ уже пустѣлъ, — ярмарка разъѣзжалась. Но Тихонъ Ильичъ, точно на зло кому-то, все держалъ и держалъ на жарѣ и въ пыли непроданныхъ лошадей, все сидѣлъ на телѣгѣ. Точно не болѣзнью былъ подавленъ онъ, а картиной великой нищеты и великаго убожества, спокон вѣку владѣвшихъ и городомъ этимъ и всѣмъ уѣздомъ его. Господи Боже, что за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію сла-

венъ хлѣбной торговлей, — ѣсть же этотъ хлѣбъ досыта сто человѣкъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дурачковъ, слѣпыхъ и калѣкъ, — такихъ безобразныхъ, что смотрѣть страшно и тошно, — прямо полкъ цѣлый!

Домой Тихонъ Ильичъ ѣхалъ въ солнечное жаркое утро по Старой большой дорогѣ. Ѣхалъ сперва городомъ, базаромъ, мимо собора, черезъ мелкую и кисло-вонючую отъ кожевенныхъ заводовъ рѣчку, а за рѣчкой — въ гору, черезъ Черную Слободу. На базарѣ онъ когда-то служилъ вмѣстѣ съ братомъ въ лавкѣ Маторина. Теперь на базарѣ всѣ кланялись ему. Въ Слободѣ прошло его дѣтство: тутъ, на полугорѣ, среди вросшихъ въ землю мазанокъ съ прогнившими и почернѣвшими крышами, среди навоза, который сушатъ на солнцѣ для топки, среди мусора, золы и тряпокъ, великою радостью было для него съ крикомъ, свистомъ гоняться за нищимъ, давно выгнаннымъ со службы учителемъ уѣзднаго училища, злымъ старичкомъ-онанистомъ, что зиму и лѣто ходилъ въ валенкахъ, подштаникахъ и короткомъ пальто съ облѣзлымъ бобровымъ воротникомъ, будучи извѣстенъ городу подъ странной кличкой: «Собачій Пистолетъ». Теперь и слѣда не было той мазанки, гдѣ родился и росъ Тихонъ Ильичъ. На ея мѣстѣ стоялъ новый тесовый домикъ со ржавой вывѣской надъ входомъ: «Духовный портной Соболевъ». Все про-

чее было въ Слободѣ по-старому: свиньи и куры по переулочкамъ; высокіе шесты у воротъ, а на шестахъ — бараньи рога; бѣлыя большія лица кружевницъ, выглядывающихъ изъ-за горшковъ съ цвѣтами, изъ крохотныхъ окошечекъ; босые мальчишки съ одной помочей черезъ плечо, запускающіе бумажнаго змѣя съ мочальнымъ хвостомъ; бѣлобрысыя тихія дѣвочки, играющія возлѣ завалинокъ въ любимую игру — похороны куколъ... А на горѣ, въ полѣ, онъ перекрестился на кладбище, за оградой котораго, среди старыхъ деревьевъ, была когда-то страшная могила богача и скряги Зыкова, провалившаяся въ ту же минуту, какъ только засыпали ее. И, подумавъ, повернулъ лошадь къ воротамъ кладбища.

У этихъ большихъ бѣлыхъ воротъ постоянно сидѣлъ и позванивалъ въ колокольчикъ съ ручкой и мѣшечкомъ косой монахъ въ черной рясѣ и рыжихъ сапогахъ, — очень сильный, лохматый и свирѣпый на видъ, пьяница, съ необыкновеннымъ мастерствомъ ругавшійся матерно. Теперь монаха не было: на его мѣстѣ сидѣла и вязала чулокъ старуха, похожая на старуху изъ сказки, — въ очкахъ, съ клювомъ, съ провалившимися губами, — одна изъ вдовъ, живущихъ въ пріютѣ при кладбищѣ.

— Здорово, бабка! — ласково крикнулъ Ти-

хонъ Ильичъ, привязывая лошадь къ столбу у воротъ. — Можешь мою лошадь постеречь?

Старуха встала, низко поклонилась и прошамкала:

— Могу, батюшка.

Тихонъ Ильичъ снялъ картузъ, еще разъ, подкатывая глаза подъ лобъ, перекрестился на картину Успенія Богородицы надъ воротами и прибавилъ:

— Много васъ тутъ теперь?

— Цѣлыхъ двѣнадцать старушекъ, батюшка.

— Что жъ, часто ругаетесь?

— Часто, батюшка...

И Тихонъ Ильичъ не спѣша пошелъ среди деревьевъ и крестовъ, по аллеѣ, ведущей къ старой деревянной церкви, когда-то крашеной охрой. На ярмаркѣ онъ постригъ волосы, подровнялъ и укоротилъ бороду — и очень помолодѣлъ. Молодили его и худоба, загаръ, — бѣлѣли нѣжной кожей только выстриженные треугольнички на вискахъ. Молодили воспоминанія дѣтства и молодости, новый парусиновый картузъ. Лицо его было задумчиво. Онъ съ грустью глядѣлъ по сторонамъ... Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Горячій вѣтеръ проносился по верхушкамъ свѣтлыхъ деревьевъ, сквозившимъ на безоблачномъ небѣ, до времени порѣдѣвшимъ

отъ зноя, волновалъ по камнямъ, памятникамъ ихъ прозрачную, легкую тѣнь. А когда затихалъ, жарко пригрѣвало солнце цвѣты и травы, сладко пѣли птицы въ кустахъ, въ сладкой истомѣ замирали на горячихъ дорожкахъ пышноцвѣтныя бабочки... На одномъ крестѣ Тихонъ Ильичъ прочелъ:

Какіе страшные оброки
Смерть собираетъ отъ людей!

Но ничего страшнаго не было вокругъ. Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ мавзолеевъ среди тѣхъ старинныхъ камней въ видѣ гробовъ на ножкахъ, тяжкихъ чугунныхъ плитъ и огромныхъ, грубыхъ и уже гніющихъ крестовъ, которыми полно оно. «Скончалась 1819 года Ноября 7 въ 5 часовъ утра» — такія надписи было жутко читать, нехороша смерть на разсвѣтѣ ненастнаго осенняго дня, въ старомъ уѣздномъ городѣ! Но рядомъ свѣтилъ среди деревьевъ своей бѣлизной мраморный ангелъ, съ очами, устремленными въ голубое небо, и на черно-зеркальномъ гранитѣ подъ нимъ были выбиты золотыя буквы: «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ!» На желѣзномъ, радужномъ отъ непогоды и времени, памятникѣ какого-то коллежскаго ассесора можно было разобрать стихи:

Царю онъ честно послужилъ,
Сердечно ближняго любилъ,
Былъ уважаемъ отъ людей...

И стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми. Но здѣсь и ложь трогала. Ибо — гдѣ правда? Вотъ въ кустахъ валяется человѣческая челюсть, точно сдѣланная изъ грязнаго воска, — все, что осталось отъ человѣка... Но все ли? Гніютъ цвѣты, ленты, кресты, гробы и кости въ землѣ, — все смерть и тлѣнъ! Но шелъ далѣе Тихонъ Ильичъ и читалъ: «Такъ и при воскресеніи мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи»... «Милый сынъ нашъ, память о тебѣ не умретъ въ сердцахъ нашихъ вовѣки!..»

Все строже сдвигая брови, онъ снималъ картузъ и крестился. Онъ былъ блѣденъ и еще слабъ послѣ болѣзни, онъ вспоминалъ свое дѣтство, молодость, Кузьму... Онъ шелъ въ тотъ дальній уголъ кладбища, гдѣ были похоронены всѣ его близкіе — отецъ, мать, сестра, умершая еще дѣвочкой... Надписи трогательно и мирно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ на землѣ, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущую и свиданіе въ иной, блаженной странѣ, которымъ вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что даетъ только смерть, — тѣ минуты,

когда мертваго нищаго цѣлуютъ въ уста послѣднимъ цѣлованіемъ, какъ брата, сравниваютъ его съ царями и владыками, говорятъ надъ нимъ самыя мудрыя, самыя великія и торжественныя слова... А тамъ, въ дальнемъ углу ограды, въ кустахъ бузины, дремлющихъ на припекѣ, тамъ, гдѣ когда-то были могилы, а теперь только холмы и впадины, заросшіе травой и бѣлыми цвѣтами, увидалъ Тихонъ Ильичъ свѣжую дѣтскую могилку, крестъ, а на крестѣ — двустишіе:

тише, листья, не шумите,
мово Костю не будите! —

и, вспомнивъ своего ребенка, задавленнаго во снѣ нѣмой кухаркой, заморгалъ отъ навернувшихся слезъ...

По шоссе, идущему мимо кладбища и пропадающему среди волнистыхъ полей, никто никогда не ѣздитъ. Шагаетъ по шоссе только какой-нибудь легконогій босякъ, малый въ розовой слинявшей рубахѣ, въ порткахъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ. Ѣздятъ же по пыльному проселку, рядомъ. По проселку поѣхалъ и Тихонъ Ильичъ. Навстрѣчу ему пронеслась сперва ободранная извозчичья пролетка, — лихо носятся уѣздные извозчики! — а въ пролеткѣ — охотникъ изъ банковскихъ чиновниковъ: у ногъ — пѣгая легавая собака, на колѣняхъ — ружье въ чехлѣ, на ногахъ — высокіе болотные сапоги, хотя болотъ

въ уѣздѣ никогда и не бывало. Потомъ проныpялъ по пыльнымъ ухабамъ молодой почтарь, высоко взгромоздившійся на старинный велосипедъ съ двумя колесами, изъ которыхъ одно было огромное, а другое, то, что сзади, крохотное. Онъ испугалъ лошадь, и Тихонъ Ильичъ сердито стиснулъ зубы: въ работники бы этого лодаря! Полдневное солнце палило, вѣтеръ дулъ горячій, безоблачное небо становилось грифельнымъ. И, думая о краткости и безтолковости жизни, все сердитѣе отвертывался Тихонъ Ильичъ отъ пыли, летѣвшей по дорогѣ, все озабоченнѣе косился на тощіе, до времени подсыхающіе хлѣба.

Мѣрнымъ шагомъ, съ высокими посошками, шли толпы замученныхъ усталостью и зноемъ богомолокъ. Онѣ отвѣшивали Тихону Ильичу низкіе, смиренные поклоны, но поклоны эти казались ему жульническими.

— Смиренницы! А грызутся, небось, на ночевкахъ, какъ собаки! — бормоталъ онъ.

Подымая тучи пыли, гнали лошаденокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки, — чуть не по десятку на каждой подводѣ, — рыжіе, сивые, черные, бѣлобрысые, но всѣ одинаково безобразные, тощіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталъ головой:

— У, нищеброды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спалъ, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задравъ окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся — и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопатъ и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, набивъ ротъ калачомъ, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу:

— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержалъ лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу...

За заставой, гдѣ свернуло шоссе въ сторону, гдѣ отстали гремящія телѣги и охватила тишина, просторъ и зной степи, опять почувствовалъ онъ, что все-таки самое главное на свѣтѣ — «дѣло». Съ великимъ презрѣніемъ подумалъ онъ о помѣщикахъ, форсившихъ на ярмаркѣ жалкими троечками... Эхъ, и нищета же кругомъ! До тла разорены мужики, трынки не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, раскиданныхъ по уѣзду... Хозяина бы сюда, хозяина!

— Да не ты, братъ, хозяинъ-то! — зло ухмылялся онъ самому себѣ. — Самъ нищій, шальной, неудѣльный!

На полпути было Ровное, большое однодворческое село. Суховѣй проносился вдоль пустыхъ улицъ, по лозинкамъ, спаленнымъ жарою. У пороговъ ерошились, зарывались въ золу куры. Грубо торчала на голомъ выгонѣ церковь дикаго цвѣта. За церковью блестѣлъ на солнцѣ мелкій глинистый прудъ подъ навозной плотиной — густая желтая вода, въ которой стояло стадо коровъ, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливалъ голову голый мужикъ. Онъ тоже по поясъ вошелъ въ воду, на груди его блестѣлъ мѣдный крестикъ, шея и лицо были черны отъ загара, а тѣло поразительно блѣдно и бѣло.

— Разнуздай-ка лошадь-то, — сказалъ Тихонъ Ильичъ, въѣзжая въ прудъ, пахнущій стадомъ.

Мужикъ кинулъ мраморно-синеватый обмылокъ на черный отъ коровьяго помета берегъ и, съ сѣрой головой, стыдливо закрываясь, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Лошадь жадно припала къ водѣ, но вода была такъ тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихонъ Ильичъ покачалъ картузомъ:

— Ну, и водица у васъ! Ужли пьете?

— А у васъ-то ай сахарная? — ласково и весело возразилъ мужикъ. — Тыщу лѣтъ пьемъ! Да вода что — вотъ хлѣбушка нѣтути...

И пришлось промолчать: вѣдь и въ Дурновкѣ вода не лучше и тоже нѣтъ хлѣбушка... Да и не будетъ... За Ровнымъ дорога опять пошла среди ржей, но какихъ! Тощихъ, слабыхъ, почти безъ колоса, переполненныхъ васильками... А возлѣ Выселокъ, подъ Дурновкой, тучей сидѣли на дуплистой корявой ракитѣ грачи съ раскрытыми серебристыми клювами: отъ Выселокъ осталось въ этотъ день только одно званіе — только черные остовы избъ среди мусора! Мусоръ курился молочно-синеватымъ дымкомъ, кисло воняло гарью.... И мысль о пожарѣ молніей пронизала Тихона Ильича. «Бѣда!» — подумалъ онъ, блѣднѣя. Ничего-то у него не застраховано, все можетъ въ одинъ часъ слетѣть...

Съ этихъ Петровокъ, съ этой памятной поѣздки на ярмарку Тихонъ Ильичъ началъ попивать — и таки частенько, не допьяну, но до порядочной красноты лица. Однако это ничуть не мѣшало дѣламъ, да не мѣшало, по его словамъ, и здоровью. «Водка кровь полируетъ»,—говорилъ онъ; и, правда, видъ у него сталъ еще болѣе крѣпкій, чѣмъ прежде. Жизнь свою онъ и теперь нерѣдко называлъ каторгой, петлей, золотою клѣткой. Но шагалъ онъ по своей дорогѣ все увѣреннѣе, не обращая вниманія на погоду и дорогу. Будни воцарились въ его домѣ, и нѣсколько лѣтъ прошло такъ однообразно, что все слилось въ одинъ рабочій день. А новыми крупными событіями ока-

залось то, чего и не чаяли, — война съ Японіей и революція.

Слухи о войнѣ начались, конечно, бахвальствомъ. «Казакъ желтую-то шкуру скоро спуститъ, братъ!» Но оно тлѣло такъ недолго, это слабое подобіе прежнихъ бахвальствъ. Скоро послышались иныя рѣчи.

— Своей земли дѣвать некуды! — строгимъ хозяйственнымъ тономъ говорилъ Тихонъ Ильичъ, кажется, впервые за всю свою жизнь разсуждая не о дурновской, а о всей русской землѣ. — Не война-съ, а прямо безсмыслица!

Сказывалось и другое, исконное — быть на сторонѣ тѣхъ, кто одолѣваетъ. И въ восхищеніе приводили вѣсти о страшныхъ разгромахъ русской арміи:

— Ухъ, здорово! Такъ ихъ, мать ихъ такъ!

Восхищали и побѣды революціи, восхищали убійства:

— Какъ далъ этому самому министру подъ жилу, — говорилъ иногда Тихонъ Ильичъ въ пылу восторга: — какъ далъ — праху отъ него не осталось!

Но нарастала и тревога. Какъ только заговорили о землѣ, стала просыпаться злоба. «Все жиды работаютъ! Все жиды-съ, да вотъ еще лохмачи эти — студенты!» Болѣе всего раздражало Тихона Ильича то, что соціалъ-демократомъ называетъ себя сынъ дьякона въ Ульяновкѣ, се-

минаристъ, околачивавшійся безъ дѣла у отца. И непонятно было: всѣ говорятъ — революція, революція, а вокругъ — все прежнее, будничное: солнце свѣтитъ, въ полѣ ржи цвѣтутъ, подводы тянутся на станцію... Непонятенъ былъ въ своемъ молчаніи, въ своихъ уклончивыхъ рѣчахъ народъ.

— Скрытенъ-съ онъ, народъ-то! Прямо жуть, какъ скрытенъ! — говорилъ Тихонъ Ильичъ.

И, забывъ о «жидахъ», прибавлялъ:

— Положимъ, что и музыка-то вся эта не хитрая-съ. Правительство смѣнить да земелькой поровнять — это вѣдь и младенецъ пойметъ-съ. И, значитъ, дѣло ясно, за кого онъ гнетъ,—народъ-то-съ. Но, конечно, помалкиваетъ. И надо, значитъ, слѣдить, да такъ норовить, чтобъ помалкивалъ. Не давать ему ходу! Не то держись: почуетъ удачу, почуетъ шлею подъ хвостомъ — въ дребезги расшибетъ-съ!

Когда онъ читалъ или слышалъ, что будутъ отнимать землю только у тѣхъ, у кого больше пяти сотъ десятинъ, онъ и самъ становился «смутьяномъ». Даже съ дурновцами въ споръ пускался. Случалось — стоитъ возлѣ его лавки мужикъ: купилъ на станціи водки, купилъ въ лавкѣ тарань и кренделей, снялъ шапку; но все оттягиваетъ наслажденіе и говоритъ:

— Нѣтъ, это ты, Ильичъ, не толкуй. По спра-

ведливой оцѣнкѣ — это можно, взять-то ее. А такъ — нѣтъ, не хорошо...

Пахнетъ сосновымъ тесомъ, сваленнымъ возлѣ амбаровъ, напротивъ двора. Раздражающе пахнетъ таранью и мочалой, на которой нанизаны крендели. Слышно, какъ за деревьями и за постройками станціи сипитъ, разводитъ пары горячій паровозъ товарнаго поѣзда. Безъ шапки стоитъ возлѣ лавки, щурясь и хитро улыбаясь, Тихонъ Ильичъ. Улыбается и отвѣчаетъ:

— Толкушка! А если онъ не хозяинъ, а бродяга?

— Кто? Баринъ-то?

— Нѣтъ,— задница!

— Ну, это дѣло особая. У такого-то и со всѣми потрохами отнять не грѣхъ!

— Ну вотъ то-то и оно-то!

Но приходила другая вѣсть — будутъ и меньше пятисотъ брать! — и сразу овладѣвала душой разсѣянность, подозрительность, придирчивость. Все, что дѣлается по дому, начинало казаться отвратительнымъ.

Выносилъ изъ лавки Егорка, подручный, мучные мѣшки и начиналъ вытрясать ихъ. И голова его напоминала голову городского дурачка «Мотя-Утиная-Головка». Макушка клиномъ, волосы жестки и густы — «и отчего это такъ густы они у дураковъ?» — лобъ вдавленный, лицо — какъ яйцо косое, глаза выпуклые, а вѣки съ бѣ-

лыми, телячьими рѣсницами точно натянуты на нихъ: кажется, что не хватило кожи, что, если малый сомкнетъ ихъ, нужно будетъ ротъ разинуть, если закроетъ ротъ — придется широко раскрыть вѣки. И Тихонъ Ильичъ злобно кричалъ:

— Далдонъ! Дулѣбъ! Что жъ ты на меня-то трясешь?

Выносила кухарка какой-то сундучокъ, раскрывала его, клала нутромъ наземь и начинала стучать въ дно кулакомъ. И, понявъ, въ чемъ дѣло, Тихонъ Ильичъ медленно качалъ головой:

— Ахъ, хозяйки, мать вашу такъ! Прусаковъ выбиваешь?

— Ихъ тутъ — прямо туча! — радостно отвѣчала кухарка. — Глянули, а тамъ страсти Божіи!

И, скрипнувъ зубами, Тихонъ Ильичъ выходилъ на шоссе и долго глядѣлъ въ волнистыя поля, въ сторону Дурновки.

Горницы его, кухня, лавка и амбаръ, гдѣ прежде была винная торговля, — все это составляло одинъ срубъ, подъ одной желѣзной крышей. Съ трехъ сторонъ вплотную примыкали къ нему навѣсы скотнаго варка, крытые соломой — и получался уютный квадратъ. Крыльцо и всѣ окна глядѣли на югъ. Но видъ загораживали хлѣбные амбары, стоявшіе противъ оконъ, черезъ дорогу Направо была станція, налѣво шоссе. За шоссе

—березовый лѣсокъ. И когда Тихону Ильичу было не по себѣ, онъ выходилъ на шоссе. Бѣлой извилистой лентой, съ перевала на перевалъ, убѣгало оно къ югу, все понижаясь вмѣстѣ съ полями и снова поднимаясь къ горизонту только отъ далекой будки, гдѣ его пересѣкала идущая съ юго-востока чугунка. И если случалось, что ѣхалъ въ Ульяновку кто-нибудь изъ дурновскихъ мужиковъ,— конечно, кто подѣльнѣе, поразумнѣе, напримѣръ, Яковъ, котораго всѣ зовутъ Яковомъ Микитичемъ за то, что онъ жаденъ, бережетъ второй годъ кладушку хлѣба и владѣетъ тремя справными лошадьми,— Тихонъ Ильичъ останавливалъ его.

— Хоть бы картузишко-то купилъ!— кричалъ онъ съ усмѣшкой.

Яковъ, въ шапкѣ, въ замашной рубахѣ, въ короткихъ тяжевыхъ порткахъ и босой, сидѣлъ на грядкѣ телѣги. Онъ натягивалъ веревочныя вожжи, останавливая сытую кобылу.

— Здорово, Тихонъ Ильичъ, — сдержанно говорилъ онъ.

— Здорово! Шапку-то, говорю, пора пожертвовать на галчиныя гнѣзда!

Яковъ, съ хитрой усмѣшкой въ землю, кивалъ головой.

— Это... какъ сказать?... не плохо бы. Да капиталъ-то, къ примѣру, не дозволяетъ!

— Будетъ толковать-то! Знаемъ мы васъ, ка-

занскихъ сиротъ! Дѣвку отдалъ, малаго женилъ, деньги есть... Чего тебѣ еще отъ Господа Бога желать?

Это льстило Якову, но сдерживало еще болѣе.

— О, Господи!— вздыхая, бормоталъ онъ дрожащимъ, какъ бы похохатывающимъ голосомъ.— Деньги... У меня ихъ, къ примѣру, и въ заведеньи-то не бывало... А малый... что жъ малый? Малый не радуетъ... Прямо надо сказать— не радуетъ! Молодые теперь не радуютъ!

Былъ Яковъ, какъ многіе мужики, очень нервенъ и особенно тогда, когда доходило дѣло до его семьи, хозяйства. Былъ очень скрытенъ, но тутъ нервность одолѣвала, хотя изобличала ее только отрывистая, дрожащая рѣчь. И, чтобы уже совсѣмъ растревожить его, Тихонъ Ильичъ участливо спрашивалъ:

— Не радуетъ? Скажи, пожалуйста! И все изъ-за бабы?

Яковъ, озираясь, скребъ ногтями грудь:

— Изъ-за бабы, родимецъ ее расшиби...

— Ревнуетъ?

— Ревнуетъ... Въ снохачи меня записали.

— Хм! — участливо отзывался Тихонъ Ильичъ, хотя отлично зналъ, что не безъ огня тутъ дымъ.

А у Якова уже бѣгали глаза:

— Тамъ нажалилась мужу, тамъ нажалилась! Да что — отравить хотѣла! Иной разъ, къ при-

мѣру, остудишься... покуришь маленько, чтобъ на груди полегчало... Ну, и запримѣтила... да и сунула мнѣ подъ подушку цыгарку... Кабы не глянулъ — пропалъ бы!

— Что жъ за цыгарка такая?

— Костей мертвыхъ натолкла да замѣсто табаку и всыпала...

— То-то малый-то дуракъ! Поучилъ бы ее, анаѳему, по-русски!

— Куда тебѣ! Мнѣ же, къ примѣру, на грудь полѣзъ! А самъ какъ змѣй вьется... Ухвачу за голову, анъ голова-то стриженая! Ухвачу за пельки... рубаху драть жалко!

Тихонъ Ильичъ качалъ головой, молчалъ минуту и наконецъ рѣшался:

— Ну, а какъ у васъ тамъ? Все бунту ждете?

Но тутъ скрытность сразу возвращалась къ Якову. Онъ усмѣхался и махалъ рукой.

— Ну! — скороговоркой бормоталъ онъ. — Какого тамъ рожна — бунту! У насъ народъ смирный... Смирный народъ...

И натягивалъ вожжи, будто не стоитъ лошадь.

— А сходка-то зачѣмъ въ воскресенье была? — вдругъ злобно кидалъ Тихонъ Ильичъ.

— Сходка-то? А чума ихъ знаетъ! Погалдѣли, къ примѣру...

— Знаю, о чемъ галдѣли-то! Знаю!

— Да что жъ, я не таюсь... Болтали, къ примѣру, что вышла, молъ, распоряженіе... вышла

будто распоряженіе — никакъ не работать по прежней цѣнѣ...

Очень обидно было думать, что изъ-за какой-то Дурновки руки отваливаются отъ дѣла. И дворовъ-то въ этой Дурновкѣ всего три десятка. И лежитъ-то она въ чортовой яругѣ: широкій оврагъ, на одномъ боку — избы, на другомъ — усадьбишка. И переглядывается эта усадьбишка съ избами и со дня на день ждетъ какого-то «распоряженія»... Эхъ, взять бы нѣсколько казаковъ съ плетьми!

Но «распоряженіе» таки-вышло. Пронесся въ одно изъ воскресеній слухъ, что въ Дурновкѣ — сходка, вырабатывается планъ наступленія на усадьбу. Съ злобно-радостными глазами, съ ощущеніемъ необычной силы и дерзости, съ готовностью «самому чорту рога сломать», Тихонъ Ильичъ крикнулъ «запречь въ бѣгунки жеребчика» и черезъ десять минутъ уже гналъ его вдоль шоссе къ Дурновкѣ. Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березовомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжелъ. Съ ляжекъ жеребчика, со шлеи, ерзавшей по нимъ, падала розовая пѣна. Но не до жеребчика было. Крѣпко шелкая по немъ вожжами, Тихонъ Ильичъ свернулъ отъ чугунки, взялъ направо полевой дорогой и, увидавъ Дурновку, на минуту усомнился

въ правдивости слуховъ о бунтѣ. Мирная тишина была вокругъ, мирно пѣли свои вечернія пѣсни жаворонки, просто и спокойно пахло влажной землей и сладостью полевыхъ цвѣтовъ... Но вдругъ взглядъ его упалъ на пары возлѣ усадьбы, густо усѣянные желтымъ донникомъ: на парахъ пасся мужицкій табунъ! Началось, значитъ! И, передернувъ вожжи, Тихонъ Ильичъ пролетѣлъ мимо табуна, мимо риги, заросшей лопухами и крапивой, мимо низкорослаго вишневаго сада, полнаго воробьями, мимо конюшни и людской избы и вскочилъ во дворъ...

А потомъ творилось что-то несуразное: въ сумеркахъ, замирая отъ злобы, обиды и страха, Тихонъ Ильичъ сидѣлъ въ полѣ на бѣгункахъ. Сердце его колотилось, руки дрожали, лицо горѣло, слухъ былъ чутокъ, какъ у звѣря. Онъ сидѣлъ, слушалъ крики, доносившіеся изъ Дурновки, и вспоминалъ, какъ толпа, показавшаяся огромной, повалила, завидя его, черезъ оврагъ къ усадьбѣ, наполнила дворъ галдой и бранью, сгрудилась у крыльца и прижала его къ двери. Въ рукахъ у него былъ только кнутъ. И онъ махалъ имъ, то отступая, то отчаянно кидаясь въ толпу. Но еще шире и смѣлѣе махалъ палкой наступавшій шорникъ, — злой, поджарый, съ провалившимся животомъ, востроносый, въ сапогахъ и лиловой ситцевой рубахѣ. Онъ отъ лица всей толпы, — дико было видѣть въ ней Никол-

ку Сѣраго, самаго нищаго мужичонку во всей Дурновкѣ, Чугунка и даже Якова! — оралъ, что вышло распоряженіе «пошабашить это дѣло» — пошабашить въ одинъ и тотъ же день и часъ по всей губерніи: согнать изъ всѣхъ экономій постороннихъ батраковъ, заступить на ихъ работу мѣстнымъ, — по цѣлковому на день! — а хозяевъ турить въ три шеи, куда ихъ глаза глядятъ. И Тихонъ Ильичъ оралъ еще неистовѣе, стараясь заглушить шорника:

— А-а! Вотъ какъ! Навострился, бродяга, у дьяконова сына? Насобачился?

И шорникъ цѣпко, на лету ловилъ его слова:

— Ты бродяга-то! — до сипоты вопилъ онъ, наливаясь кровью. — Ты, дуракъ сѣдой! Ай я безъ дьяконова-то сына не жилъ? Ай я не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкодеръ? Двѣсти? А у меня — чортъ! — у меня ее и всей-то съ твое крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Изъ какихъ такихъ квасовъ?

— Ну, помни-и, Митька! — крикнулъ наконецъ Тихонъ Ильичъ безпомощно и, чувствуя, что голова его мутится, кинулся сквозь толпу къ бѣгункамъ. — Помни ты это себѣ!

Но никто не боялся угрозъ — и дружный гоготъ, ревъ и свистъ понеслись ему вослѣдъ... А потомъ онъ колесилъ вокругъ усадьбы, замиралъ, слушалъ. Онъ выѣзжалъ на дорогу, на пе-

рекрестокъ и становился лицомъ къ зарѣ, къ станціи, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было очень тихо,тепло,сыро и темно. Земля,поднимаясь къ горизонту, гдѣ еще тлѣлъ красноватый слабый свѣтъ, была черна, какъ пропасть.

— С-стой, стерва! — сквозь зубы шепталъ Тихонъ Ильичъ шевелившейся лошади.—Сто-ой!

А издали доносились то крики, то пѣсни. И изо всѣхъ голосовъ выдѣлялся голосъ Ваньки Краснаго, уже два раза побывавшаго на Донецкихъ шахтахъ... А потомъ надъ усадьбой вдругъ поднялся темно-огненный столбъ: мужики отрясли въ саду всю завязь, зажгли шалашъ — и пистолетъ, забытый въ шалашѣ сбѣжавшимъ мѣщаниномъ-садовникомъ, сталъ палить изъ огня...

Впослѣдствіи узнали, что, и правда, совершилось чудо: въ одинъ и тотъ же день взбунтовались мужики чуть не по всему уѣзду. И гостиницы города долго были переполнены помѣщиками, искавшими защиты у властей. Но впослѣдствіи Тихонъ Ильичъ съ великимъ стыдомъ вспоминалъ, что искалъ и онъ ея: со стыдомъ потому, что весь бунтъ кончился тѣмъ, что поорали дурновцы, побезобразничали, да и смолкли. Шорникъ вскорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять сталъ появляться въ лавкѣ на Верглѣ и почтительно снималъ шапку на порогѣ, точно не замѣчая, что Тихонъ Ильичъ въ лицѣ темнѣетъ

при его появленіи. Однако еще ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича .И онъ побаивался запаздывать на пути изъ Дурновки, ощупывалъ въ карманѣ бульдогъ, надоѣдливо оттягивавшій карманъ шароваръ, давалъ себѣ клятву сжечь до тла Дурновку въ одну прекрасную ночь... отравить воду въ дурновскихъ прудахъ... Потомъ прекратились и слухи. Но Тихонъ Ильичъ сталъ твердо подумывать развязаться съ Дурновкой. «Не тѣ деньги, что у бабушки, а тѣ, что въ пазушкѣ!» Да и посмѣлѣли мужики въ обращеніи, появилась у нихъ какая-то загадочная освѣдомленность...

— Да ты въ газетахъ это, что ли, читалъ? — спросилъ разъ Тихонъ Ильичъ заику Кобыляя, прославившагося тѣмъ, что его однажды «поймали» въ табунѣ.

— Въ ггазетахъ? — удивился Кобыляй. — А ккто ихъ ннамъ ддавалъ?

И правда: никто не давалъ. Но знали дурновцы прямо-таки «всю подноготную», и ужъ по одному этому глупо было поручать надзоръ и веденіе дѣлъ въ усадьбѣ работникамъ изъ дурновцевъ... Да и старостой-то былъ Родька.

Въ этотъ годъ, — самый тревожный изъ всѣхъ послѣднихъ, — Тихону Ильичу сровнялось уже пятьдесятъ. Но мечта стать отцомъ не покидала его. И вотъ она-то и столкнула его съ Родькой.

Родька, долговязый, хмурый малый изъ Ульяновки, пошелъ назадъ тому два года во дворъ къ брату Якова, Ѳедоту; женился, схоронилъ Ѳедота, умершаго съ перепоя на свадьбѣ, и отбылъ въ солдаты. А молодая, — стройная, съ очень бѣлой, нѣжной кожей, съ тонкимъ румянцемъ, съ вѣчно опущенными рѣсницами, — стала работать въ усадьбѣ, на поденщинѣ. И эти рѣсницы волновали Тихона Ильича страшно. Носятъ дурновскія бабы «рога» на головѣ: какъ только изъ-подъ вѣнца, косы кладутся на макушкѣ, покрываются платкомъ и образуютъ нѣчто дикое, коровье. Носятъ старинныя темно-лиловыя паневы съ позументомъ, бѣлый передникъ въ родѣ сарафана и лапти. Но Молодая,— за ней такъ и осталась эта кличка, — была и въ этомъ нарядѣ хороша. И однажды вечеромъ, въ темной ригѣ, гдѣ Молодая одна дометала колосъ, Тихонъ Ильичъ, оглянувшись, быстро подошелъ къ ней и быстро сказалъ:

— Въ полсапожкахъ ходить будешь, въ платкахъ шелковыхъ... Четвертного не пожалѣю!

Но Молодая молчала, какъ убитая.

— Слышишь, что ли? — шопотомъ крикнулъ Тихонъ Ильичъ.

Но Молодая точно окаменѣла, склонивъ голову и кидая граблями.

И такъ онъ и не добился ничего. Какъ вдругъ явился Родька: раньше срока, кривой. Было это

вскорѣ послѣ бунта дурновцевъ, и Тихонъ Ильичъ тотчасъ же нанялъ Родьку вмѣстѣ съ женой въ дурновскую усадьбу, ссылаясь на то, что «безъ солдата теперь не обойдешься». Подъ Ильинъ день Родька уѣхалъ въ городъ, а Молодая мыла полы въ домѣ. Шагая черезъ лужи, Тихонъ Ильичъ вошелъ въ комнату, глянулъ на склонившуюся къ полу Молодую, на ея бѣлыя икры, забрызганныя грязной водой, на все ея раздавшееся и пополнѣвшее тѣло... И вдругъ щелкнулъ ключомъ въ двери и, какъ-то особенно ловко владѣя своей силой и желаніемъ, шагнулъ къ Молодой. Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, раскраснѣвшееся лицо и, держа въ рукѣ мокрую ветошку, странно крикнула:

— Такъ и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, горячимъ тѣломъ, потомъ... И, схвативъ руку Молодой, звѣрски стиснувъ ее, тряхнувъ и выбивъ ветошку, Тихонъ Ильичъ правой рукой поймалъ Молодую за талію, прижалъ къ себѣ, да такъ, что хрустнули кости, — и понесъ въ другую комнату, гдѣ была постель. И, откинувъ голову, расширивъ глаза, Молодая уже не билась, не противилась...

Стало послѣ этого мучительно видѣть жену, Родьку, знать, что онъ спитъ съ Молодой, что онъ свирѣпо бьетъ ее — ежедневно и еженощно. А вскорѣ стало и жутко. Неисповѣдимы пути, по которымъ доходитъ до правды ревнивый чело-

вѣкъ. И Родька дошелъ. Худой, кривой, длиннорукій и сильный, какъ обезьяна, съ маленькой, коротко стриженой черной головой, которую онъ всегда гнулъ, глядя глубоко запавшимъ блестящимъ глазомъ исподлобья, онъ сталъ страшенъ. Въ солдатахъ онъ нахватался хохлацкихъ словъ и удареній. И если Молодая осмѣливалась возражать ему на его краткія, жесткія рѣчи, онъ спокойно бралъ ременный кнутъ, подходилъ къ ней съ злой усмѣшкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивалъ, ударяя на «во»:

— Вы что говорите?

И такъ вытягивалъ ее, что у нея въ глазахъ темнѣло.

Разъ наткнулся на эту расправу самъ Тихонъ Ильичъ и, не выдержавъ, крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ ты этакій?

Но Родька спокойно сѣлъ на лавку и только глянулъ на него:

— Вы что говорите?— спросилъ онъ.

И Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ хлопнуть дверью...

Стали мелькать уже дикія мысли: отравить жену,— напримѣръ, угаромъ,— подстроить такъ, чтобы Родьку гдѣ-нибудь придавило крышей или землей... Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой,— и надежда, та надежда, которая и опьянила-то этими мыслями, жестоко обманула: Молодая не забеременѣла! Всѣ въ Дурновкѣ были убѣжде-

ны, что виноватъ въ ея безплодіи Родька. Былъ убѣжденъ въ этомъ и Тихонъ Ильичъ — и надѣялся крѣпко. Но однажды въ серединѣ сентября, неожиданно явившись въ усадьбу, когда Родька былъ на станціи, Тихонъ Ильичъ такъ и ахнулъ, глянувъ на перекосившееся отъ испуга женственно-прекрасное лицо Молодой.

— Ай опять готова? — крикнулъ онъ, взбѣгая на крыльцо.

И у Молодой побѣлѣли губы, восковымъ сталъ носъ, до столбняка почернѣли и расширились глаза: да,опять оказалось, что она не беременна. Она ожидала смертельнаго удара въ голову и невольно откинула ее. Но Тихонъ Ильичъ сдержался — онъ только простоналъ отъ боли и бѣшенства.

Черезъ минуту онъ уѣхалъ обратно — и съ тѣхъ поръ Родькѣ не было повода ревновать. И, почувствовавъ это, Родька сталъ робѣть Тихона Ильича. А у того таилось теперь лишь одно желаніе: прогнать его съ глазъ долой да поскорѣе... Но кѣмъ было замѣнить его?

Съ дурновцами Тихонъ Ильичъ держался еще на чеку. Станового, урядника зазывалъ въ гости, подпаивалъ. А какая была отъ нихъ польза? Урядникъ Орловъ только и дѣлалъ, заѣхавъ, что пилъ,— «за здоровье глубокоуважаемой Анастасіи Петровны!»— закусывалъ, форсилъ своимъ свободомысліемъ,очень развязно критикуя «при-

мѣръ-министра» и не давая хозяину и двухъ словъ сказать о своихъ дѣлахъ. А, ночуя, спалъ себѣ до десяти часовъ, да еще одѣвался хозяйской чуйкой, выставляя изъ-подъ нея грязныя ноги съ длинными, какъ у собаки, ногтями...

Выручилъ случай. Неожиданно Тихонъ Ильичъ помирился съ братомъ и уговорилъ его взять на себя управленіе Дурновкой.

Узналъ онъ отъ знакомаго въ городѣ, что Кузьма бросилъ пить, долго служилъ конторщикомъ у помѣщика Касаткина и, что всего удивительнѣе, — сталъ «авторомъ». Да, напечатали будто бы цѣлую книжку его стиховъ и на оборотѣ обозначили: «складъ у автора».

— Та-акъ-съ! — протянулъ Тихонъ Ильичъ, услыхавши это.— Онъ Кузьма, а ничего! И что же, позвольте спросить, такъ и напечатали: сочиненіе Кузьмы Красова?

— Все честь честью, — отвѣтилъ знакомый, твердо вѣрившій, впрочемъ, — какъ и многіе въ городѣ,—что стихи свои Кузьма «сдираетъ» изъ книгъ, изъ журналовъ.

Тогда Тихонъ Ильичъ, не сходя съ мѣста, за столомъ въ трактирѣ Даева, написалъ брату твердую и краткую записку: пора старикамъ помириться, покаяться. Въ трактирѣ же произошло и примиреніе— почти безмолвное и быстрое. А на другой день и дѣловой разговоръ.

Было утро, въ трактирѣ еще пусто. Солнце свѣ-

тило въ запыленныя окна, озаряло столики, крытые сыроватыми красными скатертями, темный, только-что вымытый отрубями полъ, пахнущій конюшней, половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Въ клѣткѣ на всѣ лады, какъ не живая, какъ заведенная, заливалась канарейка. Рядомъ, у Михаила Архангела, звонили къ обѣднѣ, и важный густой звонъ сотрясалъ стекла, дрожа, гудѣлъ надъ головой. Тихонъ Ильичъ, съ нервнымъ и серьезнымъ лицомъ, сѣлъ за столъ, потребовалъ сперва только пару чаю, но не утерпѣлъ и взялся за карточку,— новость, смѣшившую всѣхъ посѣтителей Даева. На карточкѣ было напечатано:«Графинчикъ водки съ закуской — 25 к. Съ приличной закуской— 40к.». И Тихонъ Ильичъ потребовалъ графинчикъ за сорокъ копеекъ; съ жадностью выпилъ двѣ рюмки и уже хотѣлъ выпить третью, какъ надъ его ухомъ раздался давно знакомый голосъ:

— Ну, еще здравствуй.

Одѣвался Кузьма такъ же, какъ братъ. Былъ онъ ниже его ростомъ, костистѣе, суше, въ плечахъ чуть шире. Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо умнаго старика-лавочника изъ мужиковъ, насупленныя сѣрыя брови, небольшіе зеленоватые глаза. Началъ онъ не просто:

— Спервоначалу изложу я тебѣ, Тихонъ Ильичъ,— началъ онъ, какъ только Тихонъ Ильичъ

налилъ ему чаю,— изложу тебѣ, кто я такой, чтобъ ты зналъ... — Онъ усмѣхнулся: — съ кѣмъ ты связываешься...

И у него была манера отчеканивать слоги, поднимать брови, разстегивать и застегивать при разговорѣ пиджакъ на верхнюю пуговицу. И, застегнувшись, онъ продолжалъ:

— Я, видишь ли, — анархистъ...

Тихонъ Ильичъ вскинулъ бровями.

— Не бойся. Политикой я не занимаюсь. А думать никому не закажешь. И вреда тебѣ тутъ — никакого. Буду хозяйствовать исправно, но, прямо говорю, — драть шкуръ не буду.

— Да и времена не тѣ, — вздохнулъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, времена-то все тѣ же. Можно еще, — драть-то. Да нѣтъ, не годится. Буду хозяйствовать, свободное же время отдамъ саморазвитію... Чтенію, то-есть.

— Охъ, имѣй въ виду: зачитаешься — въ карманѣ не досчитаешься! — сказалъ, тряхнувъ головой и дернувъ кончикомъ губы, Тихонъ Ильичъ. — Да, пожалуй, и не наше это дѣло.

— Ну, я такъ не думаю, — возразилъ Кузьма. — Я, братъ, — какъ бы это тебѣ сказать? — странный русскій типъ!

— Я и самъ русскій человѣкъ, имѣй въ виду, —вставилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да иной. Не хочу сказать, что я лучше те-

бя, но — иной. Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ! Много баять не подобаетъ, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы — русскіе! Дикій мы народъ, расхлябистый. Ни Богу свѣча ни чорту кочерга... Да мы еще потолкуемъ объ этомъ впослѣдствіи времени.

Тихонъ Ильичъ, нахмуриваясь, побарабанилъ пальцами по столу.

— Это-то, пожалуй, правильно, — сказалъ онъ и медленно налилъ рюмку. — Дикій народъ. Шальной.

— Ну, вотъ то-то и есть. Я, могу сказать, довольно-таки пошатался по свѣту, — ну и что жъ? —прямо нигдѣ не видалъ скучнѣе и лѣнивѣе типовъ. А кто и не лѣнивъ, — покосился Кузьма на брата, — такъ и въ томъ толку нѣтъ. Рветъ, гандобитъ себѣ гнѣздо, а толку что?

— Какъ же такъ — толку что? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да такъ. Вить его, гнѣздо-то, тоже надо со смысломъ. Совью, молъ, да и поживу по-человѣчески. Вотъ этимъ-то да вотъ этимъ-то.

И Кузьма постучалъ себя пальцемъ въ грудь и въ лобъ.

Тихонъ Ильичъ налилъ себѣ другой стаканъ чаю. Кузьма, надѣвъ серебряное пенснэ, хлебалъ съ блюдечка горячую янтарную водицу, а

онъ пристально поглядѣлъ на него блестящими глазами и, что-то соображая, сказалъ:

— Намъ, братъ, видно, не до этого. «Поживи-ка у деревни, похлебай-ка сѣрыхъ щей, поноси худыхъ лаптей!»

— Лаптей! — ѣдко отозвался Кузьма. — Вторую тыщу лѣтъ, братъ, таскаемъ ихъ, будь они трижды прокляты! Вторую тыщу живемъ, губы растрепавши. На чорта воду возимъ. А кто виноватъ? На это такъ скажу: пора бы и постыдиться все на сосѣда да на сосѣда вину валить! Татаре, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ-то, тоже давили не мало — монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговоръ особый!

— Вѣрно! — сказалъ Тихонъ Ильичъ. — Давай-ка лучше объ дѣлѣ поговоримъ.

Кузьма опрокинулъ пустой стаканъ на блюдечко, закурилъ и сталъ договаривать:

— Въ церковь я не хожу...

— Значитъ, ты молоканъ? — спросилъ Тихонъ Ильичъ и подумалъ: — «Пропалъ я! Видно, надо развязываться съ Дурновкой!»

— Въ родѣ молокана, — усмѣхнулся Кузьма. — Да а ты-то ходишь? Кабы не страхъ да не нуждишка, — и совсѣмъ забылъ бы.

— Ну, это не я первый, не я послѣдній, — возразилъ Тихонъ Ильичъ, опять нахмуриваясь.

— Всѣ грѣшны. Да вѣдь сказано: за одинъ вздохъ все прощается.

Кузьма покачалъ головою.

— Говоришь привычное! — сказалъ онъ строго. — А ты остановись да подумай: какъ же это такъ? Жилъ-жилъ свиньей всю жизнь, вздохнулъ — и все какъ рукой сняло! Есть тутъ смыслъ, ай нѣтъ?

Разговоръ становился тяжелымъ. «Правильно и это», — подумалъ Тихонъ Ильичъ, глядя въ столъ блестящими глазами. Но, какъ всегда, хотѣлось уклониться отъ думъ и разговора о Богѣ, о жизни, и онъ сказалъ первое, что подвернулось на языкъ:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — подхватилъ Кузьма, стуча ногтемъ по столу. — Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово—одно, а дѣло — другое! Русская, братъ, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!.. Типъ, братъ, ты! Типъ!.. Ну, а теперь говори дѣло...

Звонъ смолкъ, канарейка стихла. Въ трактиръ набирался народъ, за столиками разрастался говоръ. Половой открылъ одно окно, — послышался говоръ и съ базара. Гдѣ-то въ лавкѣ удивительно четко и звонко билъ перепелъ. И пока шелъ дѣловой разговоръ, Кузьма все прислушивался къ нему и порою вполголоса

подхватывалъ: «Ловко!» А договорившись, хлопнулъ по столу ладонью, энергично сказалъ:

— Ну, значитъ, такъ, — не стать перетакивать! — и, запустивъ руку въ боковой карманъ пиджака, вынулъ цѣлую кипу бумагъ и бумажекъ, нашелъ среди нихъ въ мраморно-сѣрой обложкѣ книжечку и положилъ ее передъ братомъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ.—Уступаю твоей просьбѣ да своей слабости. Книжонка плохая, стихи необдуманные, давнишніе... Но дѣлать нечего. На, бери и прячь.

И опять Тихона Ильича, уже сильно раскраснѣвшагося отъ водки, взволновало сознаніе, что братъ его — авторъ, что на этой мраморно-сѣрой обложкѣ напечатано: «Стихотворенія К. И. Красова». Онъ повертѣлъ книжку въ рукахъ и несмѣло сказалъ:

— А то бы прочиталъ что-нибудь... А? Ужь сдѣлай милость, прочти стишка три-четыре!

И, опустивъ голову, слегка волнуясь, далеко отставивъ отъ себя книжку и строго глядя на нее сквозь стекла, Кузьма сталъ читать то, что обычно читаютъ самоучки: подражанія Кольцову, Никитину, жалобы на судьбу и нужду, вызовы заходящей тучѣ-непогодѣ... Вѣрно, и самъ чувствовалъ онъ, что старо все это и фальшиво. Но за чужой, фальшивой формой была правда,— то, что когда-то сильно и остро переживалось,—

и на худыхъ скулахъ выступали розовыя пятна, голосъ порою дрожалъ. Блестѣли глаза и у Тихона Ильича. Не важно было, хороши или дурны стихи, — важно то, что сочинилъ ихъ его родной братъ, бѣднякъ, простой человѣкъ, отъ котораго пахло махоркой и старыми сапогами...

— А у насъ, Кузьма Ильичъ, — сказалъ онъ, когда Кузьма смолкъ и, снявъ пенснэ, потупился: — а у насъ одна пѣсня...

И непріятно, горько дернулъ губою:

— У насъ одна пѣсня: почемъ щетина?

Водворивъ брата въ Дурновкѣ, онъ однако принялся за эту пѣсню еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Передъ тѣмъ, какъ сдать брату на руки Дурновку, онъ придрался къ Родькѣ изъ-за новыхъ гужей, съѣденныхъ собаками, и отказалъ ему. Родька дерзко усмѣхнулся въ отвѣтъ и спокойно пошелъ въ избу собирать свое добро. Молодая выслушала отказъ тоже какъ будто спокойно, — она, разойдясь съ Тихономъ Ильичомъ, опять взяла манеру молчать и не глядѣть ему въ глаза. Но черезъ полчаса, уже собравшись, Родька пришелъ вмѣстѣ съ ней просить прощенія. Молодая стояла на порогѣ, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ вѣками, и молчала; Родька гнулъ голову, мялъ картузъ и тоже пытался плакать, — противно гримасничалъ, а Тихонъ Ильичъ сидѣлъ за столомъ, косилъ бровями, и, мотая головою, щелкалъ на счетахъ. Всѣ трое не могли поднять

глазъ, — особенно Молодая, чувствовавшая себя виноватой больше всѣхъ, — и мольбы остались тщетны: смилостивился Тихонъ Ильичъ только въ одномъ — не вычелъ за гужи.

Теперь онъ былъ твердъ. Отдѣлываясь отъ Родьки и передавая дѣла брату, онъ чувствовалъ себя бодро, ладно. «Ненадеженъ братъ, пустой, кажись, человѣкъ, ну, да покуда сойдетъ!» И, возвратясь на Ворголъ, безъ устали хлопоталъ весь октябрь. Настасья Петровна все прихварывала — у нея пухли и желтѣли ноги, руки, лицо, — и Тихонъ Ильичъ уже подумывалъ порою о ея смерти и все снисходительнѣе относился къ ея слабости, къ ея безполезности въ дѣлахъ по дому и въ лавкѣ. И, какъ бы въ ладъ съ его настроеніемъ, весь октябрь стояла чудесная погода. Но вдругъ она переломилась, — смѣнилась бурей, ливнями, а въ Дурновкѣ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Родька работалъ въ октябрѣ на линіи чугунки, а Молодая безъ дѣла жила дома, терпѣла попреки матери, только изрѣдка зарабатывала пятиалтынный, двугривенный въ саду при усадьбѣ. Но вела себя странно: дома молчала, плакала, а въ саду была рѣзко-весела, хохотала, пѣла пѣсни съ Донькой Козой, очень глупой и красивой дѣвкой, похожей на египтянку. Коза жила съ мѣщаниномъ, снимавшимъ садъ, а Молодая, почему-то подружившаяся съ ней, вызывающе поглядывала

на его брата, нахальнаго мальчишку, и, поглядывая, намекала въ пѣсняхъ, что она по комъ-то сохнетъ. Было ли у нея съ нимъ что-нибудь, неизвѣстно, но только кончилось все это большой бѣдой: уѣзжая подъ Казанскую въ городъ, мѣщане устроили у себя въ шалашѣ «вечерокъ», — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двухъ ливенкахъ, распѣвали пѣсни, кормили подругъ жамками, поили чаемъ и водкой, а на разсвѣтѣ, когда уже запрягли телѣгу, внезапно, съ хохотомъ, повалили пьяную Молодую на-земь, связали ей руки, подняли юбки, собрали ихъ въ жгутъ надъ головою и стали закручивать верезкой. Коза кинулась бѣжать, забилась со страху въ мокрые бурьяны, а когда выглянула изъ нихъ, — послѣ того, какъ телѣга съ мѣщанами шибко покатила вонъ изъ сада, — то увидѣла, что Молодая, по поясъ голая, виситъ на деревѣ. Былъ печальный туманный разсвѣтъ, по саду шепталъ мелкій дождикъ, Коза плакала въ три ручья, зубъ на зубъ не попадала, развязывая Молодую, клялась отцомъ-матерью, что скорѣе ее, Козу, громомъ убьетъ, чѣмъ узнаютъ на деревнѣ, что случилось въ саду... Но не сровнялось и недѣли, какъ пошли по Дурновкѣ слухи о позорѣ Молодой.

Провѣрить эти слухи, было, конечно, невозможно: «видѣть — никто не видалъ, ну, а Коза-то и сбрехать недорого возьметъ». Да и сама Мо-

лодая, постарѣвшая за эту недѣлю лѣтъ на пять, отвѣчала на нихъ столь наглою бранью, что даже мать пугалась ея лица въ такія минуты. Однако разговоры, вызванные слухами, не прекращались, и всѣ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода Родьки и его расправы съ женой. Волнуясь, — опять выбившись изъ колеи!—ожидалъ этой расправы и Тихонъ Ильичъ, узнавшій исторію въ саду отъ своихъ работниковъ: вѣдь исторія-то могла кончиться убійствомъ! Но кончилась она такъ, что еще неизвѣстно, что поразило бы Дурновку сильнѣе, — убійство или такой конецъ: въ ночь на Михайловъ день Родька, пришедшій домой «рубаху смѣнить» и пальцемъ не тронувшій Молодую, умеръ «отъ живота»! НаВорглѣ стало извѣстно объ этомъ поздно вечеромъ, но Тихонъ Ильичъ тотчасъ же приказалъ запрячь лошадь и въ темнотѣ, подъ дождемъ понесся къ брату. И сгоряча, выпивъ за чаемъ бутылку наливки, въ страстныхъ выраженіяхъ, съ бѣгающими глазами, покаялся ему:

— Мой грѣхъ, братъ, мой грѣхъ!

Кузьма долго молчалъ, выслушавъ его, долго ходилъ по комнатѣ, перебирая пальцы, ломая ихъ и хрустя суставами. Наконецъ сказалъ:

— Вотъ ты и подумай: есть ли кто лютѣе нашего народа? Въ городѣ за воришкой, схватившимъ съ лотка лепешку грошевую, весь обжорный рядъ гонится, а нагонитъ — мыломъ его

кормитъ. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжитъ, да вѣдь какъ жалѣетъ-то, что пожаръ али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалѣетъ! А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку деретъ, какъ сидорову козу, али потѣшается надъ нимъ? Это-то ужъ самая что ни на есть веселая тема.

Тихонъ Ильичъ спросилъ:

— Да ты это къ чему?

— Къ празднику! — сердито отозвался Кузьма и продолжалъ: — Вотъ тутъ по Дурновкѣ дурочка Ѳеша шляется. Такъ ребята послѣдніе трынки несутъ, — посадятъ ее на выгонѣ и давай лупить по стриженой головѣ щелчками: по трынкѣ десять щелчковъ! И по злобѣ, что-ли, это? По злобѣ-то, по злобѣ, да по дурацкой какой-то, будь она проклята!.. Ну, вотъ такъ и съ Молодой.

— Имѣй въ виду, — горячо перебилъ Тихонъ Ильичъ:—охальниковъ и дураковъ всегда и вездѣ было много.

— Такъ. А ты самъ не привозилъ этого... ну, какъ его?...

— Мотю-Утиную-Головку, что-ли? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Не привозилъ ты его къ себѣ на потѣху?

И Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: привозилъ. Разъ

даже по чугункѣ доставили къ нему Мотю — въ бочкѣ сахарной. До города рукой подать, начальство знакомое—ну, и доставили. А на бочкѣ написали: «Осторожно. Дуракъ битый».

— И учатъ этихъ самыхъ дураковъ для потѣхи рукоблудству! — горько продолжалъ Кузьма. — Мажутъ бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ! Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли, — грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой, видите ли, голубиный образъ принимаетъ!

Самоваръ давно остылъ, свѣчка оплыла, въ комнатѣ тускло синѣлъ дымъ, вся полоскательница полна была вонючими размокшими окурками. Вентиляторъ, — жестяная труба въ верхнемъ углу окна, — былъ открытъ, и порою въ немъ что-то начинало визжать, кружиться и скучно-скучно ныть — «какъ въ волостномъ правленіи» — думалъ Тихонъ Ильичъ. Но накурено было такъ, что не помогли бы и десять вентиляторовъ. А по крышѣ шумѣлъ дождь, а Кузьма ходилъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ и говорилъ:

— Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неописанная! Исторію почитаешь — волосы дыбомъ станутъ: братъ на брата, сватъ на свата, сынъ на отца, вѣроломство да убійство, убійство да вѣроломство... Былины — тоже одно удоволь-

ствіе:«распоролъ ему груди бѣлыя», «выпускалъ черева на землю»... Илья, такъ тотъ своей собственной родной дочери «ступилъ на лѣву ногу и подвернулъ за праву ногу»... А пѣсни? Все одно, все одно: мачеха — «лихая да алчная», свекоръ — «лютый да придирчивый», «сидитъ на палатѣ, ровно кобель на канатѣ», свекровь опять-таки «лютая», «сидитъ на печи, ровно сука на цѣпи», золовки — непремѣнно «псовки да кляузницы», деверья — «злые насмѣшники», мужъ— «либо дуракъ, либо пьяница», ему«свекоръ-батюшка вялитъ жану больнѣй бить, шкуру до пятъ спустить», а невѣстушка этому самому батюшкѣ «полы мыла — во щи вылила, порогъ скребла — пирогъ спекла», къ муженьку же обращается съ такой рѣчью:«встань, постылый, пробудися, вотъ тебѣ помои — умойся, вотъ тебѣ онучи —утрися, вотъ тебѣ обрывокъ — удавися»... А прибаутки наши, Тихонъ Ильичъ! Можно ли выдумать грязнѣй и похабнѣе! А пословицы! «За битаго двухъ не битыхъ даютъ»... «Простота хуже воровства»...

— Значитъ, по-твоему, дуракомъ-то распоясаннымъ лучше жить? — насмѣшливо спросилъ Тихонъ Ильичъ.

И Кузьма радостно подхватилъ его слова:

— Ну, вотъ, вотъ! Нѣту во всемъ свѣтѣ голѣе насъ, да зато и нѣту охальнѣе на эту самую голь. Чѣмъ позлѣй уязвить? Бѣдностью! «Чортъ! Те-

бѣ лопать нечего...» Да вотъ тебѣ примѣръ: Дениска... ну, этотъ... сынъ Сѣраго-то... сапожникъ... на-дняхъ и говоритъ мнѣ...

— Стой, — перебилъ Тихонъ Ильичъ: — а какъ поживаетъ самъ Сѣрый?

— Дениска говоритъ —«съ голоду околѣваетъ».

— Стерва мужикъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ убѣжденно.— И ты мнѣ про него пѣсенъ не пой.

— Я и не пою,—сердито отвѣтилъ Кузьма.—А слѣдовало бы. Фамилія-то его вѣдь Красовъ... Ну, да это разговоръ особый... Слушай лучше про Дениску-то. Вотъ онъ и разсказываетъ мнѣ: «Бывало, въ голодный годъ, выйдемъ мы, подмастерья, подъ кладбище на Черной Слободѣ, а тамъ этихъ приститутокъ — видимо-невидимо. И голодныя, шкуры, преголодныя! Дашь ей полхунта хлѣба за всю работу, а она и сожретъ его весь подъ тобой... То-то смѣху было!..» Замѣть! — строго крикнулъ Кузьма, останавливаясь: — «То-то смѣху было!»

— Да постой ты, Христа ради, — опять перебилъ Тихонъ Ильичъ: — дай мнѣ про дѣло-то слово сказать!

Кузьма остановился.

— Ну, говори, — сказалъ онъ. — Только что говорить-то? Какъ быть тебѣ? Да никакъ! Денегъ имъ дать — вотъ и вся недолга. Вѣдь ты подумай: топить нечѣмъ, ѣсть нечего, хоронить

не на что! Значитъ, самое святое дѣло — денегъ дать... ну, и еще чего-нибудь: картошекъ, соломки возъ, другой... А Молодую — нанять. Ко мнѣ, въ кухарки...

И у Тихона Ильича сразу точно камень съ души свалился. Онъ торопливо вынулъ кошелекъ, выхватилъ десятирублевку, радостно согласился и на все прочее... И вдругъ опять страдальчески и скороговоркой спросилъ:

— А не отравила она его?

Но Кузьма только плечами пожалъ въ отвѣтъ.

Отравила, нѣтъ ли, объ этомъ страшно было и думать. И домой уѣхалъ Тихонъ Ильичъ чѣмъ свѣтъ, холоднымъ туманнымъ утромъ, когда еще пахло мокрыми гумнами и дымомъ, сонно пѣли пѣтухи на деревнѣ, скрытой туманомъ, спали собаки у крыльца, спала старая палевая индюшка, взгромоздясь на сукъ полуголой, расцвѣченной мертвыми осенними листьями яблони возлѣ дома. Въ полѣ въ двухъ шагахъ ничего не было видно за густой сѣрой мглой, гонимой вѣтромъ. Спать Тихону Ильичу не хотѣлось, но чувствовалъ онъ себя измученнымъ и, какъ всегда, шибко гналъ лошадь, большую гнѣдую кобылу съ подвязаннымъ хвостомъ, намокшую и казавшуюся худѣй, щеголеватѣй, чернѣе. Онъ отвернулся отъ вѣтра, поднялъ справа холодный и влажный воротникъ чуйки, серебрившейся отъ мельчайшаго дождевого бисера, сплошь покрывшаго ее,

глядѣлъ сквозь холодныя капельки, висѣвшія на рѣсницахъ, какъ все толще навертывается липкій черноземъ на бѣгущее колесо, какъ стоитъ передъ нимъ и не проходитъ цѣлый фонтанъ высоко толкущихся комьевъ грязи, уже залѣпившихъ его сапоги и колѣни, косился на работающую ляжку лошади, на ея прижатыя затуманенныя уши... А когда онъ, съ пестрымъ отъ грязи лицомъ, подлетѣлъ наконецъ къ дому, первое, что кинулось ему въ глаза, была лошадь Якова у коновязи. Быстро замотавъ вожжи на передокъ, онъ соскочилъ съ бѣгунковъ, подбѣжалъ къ отворенной двери лавки — и въ испугѣ остановился.

— Далдо-онъ! — говорила за стойкой Настасья Петровна, видимо подражая ему, Тихону Ильичу, но больнымъ, ласковымъ голосомъ, и все ниже склонялась къ ящику съ деньгами, роясь въ гремящихъ мѣдякахъ и не находя въ темнотѣ монеты для сдачи. — Далдонъ! Гдѣ онъ нынче дешевле-то?

И, не найдя, разогнулась, поглядѣла на стоящаго передъ ней въ шапкѣ и армякѣ, но босого Якова, на его слегка приподнятое лицо и косую бороду неопредѣленнаго цвѣта и прибавила:

— А не отравила она его?

И Яковъ поспѣшно пробормоталъ:

— Не наша дѣло, Петровна... Чума ее знаетъ... Наша дѣло — сторона... Сторона, къ примѣру...

И весь день у Тихона Ильича дрожали руки

при воспоминаніи объ этомъ бормотаньи. Всѣ, всѣ думаютъ, что отравила!

Къ счастью, тайна такъ и осталась тайной: Родьку причастили передъ смертью. Молодая голосила, провожая гробъ, такъ искренно, что была даже неприлична, — вѣдь эта голосьба должна быть не выраженіемъ чувствъ, а исполненіемъ обряда, — и мало-по-малу тревога Тихона Ильича улеглась. Но еще долго ходилъ онъ темнѣе тучи.

Хлопотъ было по горло, — какъ всегда, — а помощниковъ — нѣтъ. Отъ Настасьи Петровны помощи было мало. Въ батраки Тихонъ Ильичъ нанималъ только «полѣтчиковъ» — до осеннихъ заговѣнъ. И они уже разошлись. Остались только годовые, — кухарка, старикъ-караульщикъ, прозванный Жмыхомъ, да малый лѣтъ семнадцати, Оська, лѣнивый и злой, «олухъ царя небеснаго». А сколько заботы требовала одна скотина! Овецъ рѣзали и солили, но двадцать штукъ зазимовало-таки. Въ закутѣ сидѣло шесть черныхъ, вѣчно угрюмыхъ и чѣмъ-то недовольныхъ кабановъ. На варкѣ стояло три коровы, бычокъ, красная телушка. На дворѣ — одиннадцать лошадей, а на стойлѣ — сивый жеребецъ, злой, тяжелый, гривастый, грудастый, — мужикъ, по рублей въ четыреста: отецъ аттестатъ имѣлъ, полторы тысячи стоилъ. И все это требовало

глаза да глаза. А въ свободныя минуты ѣла тоска, скука.

Настасья Петровна раздражала его однимъ своимъ видомъ, онъ все уговаривалъ ее поѣхать погостить къ знакомымъ въ городъ. И наконецъ она собралась и уѣхала. Но, когда уѣхала, стало какъ будто еще скучнѣй. Проводивъ ее, Тихонъ Ильичъ безцѣльно побрелъ въ поле. По шоссе проходилъ съ ружьемъ за плечами начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ульяновкѣ, Сахаровъ, извѣстный своей страстью къ выпискѣ безплатныхъ прейскурантовъ — ружейныхъ, сѣменныхъ, музыкальныхъ — и такимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ мужиками, что они говорили: «Подаешь письмо — руки-ноги трясутся!» Тихонъ Ильичъ вышелъ къ нему подъ дорогу. Приподнявъ бровь, онъ глянулъ на почтаря и подумалъ:

«Дуракъ старикъ. Ишь, слоны слоняетъ по грязи».

И дружелюбно крикнулъ:

— Съ полемъ, что ли, Антонъ Маркычъ?

Почтарь остановился. Тихонъ Ильичъ подошелъ и поздоровался.

— Съ полемъ, говорю, ай нѣтъ? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, какое тамъ поле! — сумрачно отвѣтилъ почтарь, огромный, сутулый, съ густыми сѣрыми волосами, торчавшими изъ ушей и ноздрей, съ большими бровными дугами и глубоко запавши-

ми глазами, — настоящая горилла. — Такъ, прошелся ради геморроя, — сказалъ онъ, особенно старательно выговаривая последнее слово.

— А имѣйте въ виду, — съ неожиданной горячностью отозвался Тихонъ Ильичъ, протягивая руку съ растопыренными пальцами: — имѣйте въ виду: совсѣмъ опустѣли наши палестины! Званія не осталось — что птицы, что звѣря-съ!

— Лѣса вездѣ вырубили, — сказалъ почтарь.

— Да еще какъ-съ! Какъ вырубили-то-съ! Подъ гребеночку!— подхватилъ Тихонъ Ильичъ.

И неожиданно прибавилъ:

— Линяетъ-съ! Все линяетъ-съ!

Почему сорвалось съ языка это слово, Тихонъ Ильичъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ, что сказано оно все-таки не даромъ. «Все линяетъ, — думалъ онъ: — вотъ, какъ скотина послѣ долгой и трудной зимы»... И, простившись съ почтаремъ, долго стоялъ на шоссе, недовольно поглядывалъ кругомъ. Опять накрапывалъ дождь, дулъ непріятный мокрый вѣтеръ. Надъ волнистыми полями — озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелѣсками — темнѣло. Сумрачное небо все ниже спускалось къ землѣ. Оловомъ поблескивали залитыя дождемъ дороги. На станціи ждали почтоваго поѣзда на Москву, опаздывавшаго каждый день часа на полтора. Только по звонкамъ, гудкамъ, грохоту, запаху каменнаго угля и самоваровъ узнавали на дворѣ Тихона

Ильича, что онъ приходитъ и уходитъ, — станцію загораживали постройки. Пахло и теперь самоваромъ, и это будило тоскливое желаніе уюта, теплой чистой комнаты, семьи, или отъѣзда куда-нибудь... Но вдругъ чувство это смѣнилось удивленіемъ: изъ голаго Ульяновскаго лѣса вышелъ и направился къ шоссе человѣкъ въ котелкѣ и одномъ пиджакѣ, — и, приглядѣвшись, Тихонъ Ильичъ узналъ Жихарева, давно спившагося съ круга сына богатаго помѣщика. Сердце непріятно сжалось. «Да все равно ужъ, — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ тоской: — лучше поболтать съ нимъ, дать, въ крайности, полтинникъ... Не стоитъ злить бродягу, злого человѣка»...

Однако Жихаревъ подошелъ на этотъ разъ довольно гордо, ежась, но закинувъ голову въ своемъ босяцкомъ котелкѣ и играя сжатыми челюстями — жуя мундштукъ давно потухшей и выкуренной папиросы. Лицо его было сизо отъ холода, припухло отъ пьянства, глаза красны, усы взъерошены. Поднявъ воротникъ наглухо застегнутаго пиджачка и засунувъ кончики пальцевъ въ карманы, онъ бодро шлепалъ по грязи растрепанными желтыми ботинками, торчавшими изъ-подъ короткихъ, съ вытянутыми колѣнками панталонъ.

— А-а! — протянулъ онъ сквозь зубы, жуя окурокъ. — Кого я вижу! Самъ Тихонъ Ѳомичъ обозрѣваетъ свои владѣнія!

И хрипло засмѣялся.

— Здравствуйте-съ, Левъ Львовичъ, — степенно отозвался Тихонъ Ильичъ. — Поѣзда ждете?

— Да, жду и не дождусь никакъ! — пожалъ плечами Жихаревъ. — Ждалъ, ждалъ, — побрелъ отъ скуки къ лѣснику. Поболтали, покурили... Но ждать еще, вѣроятно, цѣлую вѣчность! Не встрѣтимся на станціи? Вы вѣдь, кажется, любите... за воротникъ-то заложить?

— Богъ миловалъ, — отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ прежнимъ тономъ. — Выпить отчего не выпить, да на все время надо знать.

— Толкуйте! — хрипло сказалъ Жихаревъ, довольно легко перепрыгнулъ лужу и гуляющимъ шагомъ пошелъ къ станціи.

Видъ у него былъ жалкій, и Тихонъ Ильичъ недолго съ брезгливостью смотрѣлъ на его панталончики, кулькомъ торчавшія изъ-подъ короткаго пиджачка.

Ночью опять лилъ дождь, темь была хоть глазъ выколи. Спалъ Тихонъ Ильичъ плохо, мучительно скрипѣлъ зубами. Его знобило, — вѣрно, простылъ, стоя вечеромъ на шоссе, — чуйка, которой онъ одѣлся, сползала на полъ, и тогда снилось то, что преслѣдовало съ самаго дѣтства, когда по ночамъ зябла спина: сумерки, какіе-то узкіе переулки, бѣгущая толпа, скачущіе на тяжкихъ телѣгахъ, на злыхъ вороныхъ битю-

гахъ пожарные... Разъ онъ очнулся, зажегъ спичку, глянулъ на тикающіе часы, — они показывали три, — поднялъ чуйку и, засыпая, опять съ тоской вспомнилъ о Жихаревѣ. И, сквозь сонъ, стала тревожить неотступная мысль: обворуютъ лавку, сведутъ лошадей...

Иногда казалось, что онъ на постояломъ дворѣ въ Данковѣ, что ночной дождь шумитъ по навѣсу воротъ и поминутно дергается, звонитъ колоколецъ надъ ними,— пріѣхали воры, привели въ эту непроглядную темь его жеребца и, если узнаютъ, что онъ тутъ, убьютъ его... Иногда же возвращалось сознаніе дѣйствительности. Но и дѣйствительность была тревожна. Старикъ ходилъ подъ окнами съ колотушкой, но то казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко, то овчарка, захлебываясь, рвала кого-то, съ бурнымъ лаемъ убѣгала въ поле и вдругъ снова появлялась подъ окнами и будила, упорно брехала, стоя на одномъ мѣстѣ. Тогда Тихонъ Ильичъ собирался выйти, глянуть, — что такое, все ли въ порядкѣ. Но какъ только доходило до того, чтобы рѣшиться, встать, какъ гуще и чаще начиналъ стрекотать въ темныя окошечки крупный косой дождь, гонимый вѣтромъ изъ темныхъ безпредѣльныхъ полей, и милѣй отца-матери казался сонъ...

Наконецъ стукнула дверь, понесло сырымъ холодомъ, — и караульщикъ, Жмыхъ, шурша, втащилъ въ прихожую вязанку соломы. Тихонъ

Ильичъ открылъ глаза: было шесть, мутно, водянисто свѣтало, окошечки были потныя.

— Протопи, протопи, братуша, — сказалъ Тихонъ Ильичъ сиплымъ со сна голосомъ. — Да пойдемъ кормочку дадимъ, да и иди себѣ спать.

Старикъ, похудѣвшій за ночь, весь синій отъ холода, сырости и усталости, глянулъ на него провалившимися мертвыми глазами. Въ мокрой шапкѣ, въ мокромъ короткомъ чекменишкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ, насыщенныхъ водой и грязью, онъ что-то глухо заворчалъ, съ трудомъ становясь на колѣни передъ печкой, набивая ее холодной пахучей старновкой и вздувая сѣрникъ.

— Ай языкъ-то корова отжевала? — сипло крикнулъ Тихонъ Ильичъ, слѣзая съ постели и подпимая съ полу чуйку. — Что подъ носъ-то бубнишь?

— Цѣльную ночь шатался, теперь — кормочку давай, — пробормоталъ старикъ, не подпимая головы, какъ бы самъ съ собою.

Тихонъ Ильичъ покосился на него:

— Видѣлъ я, какъ ты шатался!

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, но все-таки надѣлъ поддевку и, пересиливая мелкую дрожь въ животѣ, вышелъ на истоптанное собаками крылечко, на ледяную свѣжесть блѣднаго ненастнаго утра. Всюду налило свинцовыхъ лужъ, всѣ стѣны потемнѣли отъ дождя...

«Работнички!» — подумалъ онъ злобно.

Чуть моросило, «но, вѣрно, къ обѣду опять польетъ», подумалъ онъ. И съ удивленіемъ глянулъ на лохматаго Буяна, кинувшагося къ нему изъ-подъ амбара: лапы въ грязи, но самъ—какъ кипень, глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, здоровое горячее дыханіе такъ и пышетъ псиной... И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!

Онъ взялъ Буяна за ошейникъ и, шлепая по грязи, обошелъ, оглядѣлъ всѣ замки. Потомъ привязалъ его на цѣпь подъ амбаромъ, вернулся въ сѣни и заглянулъ въ большую кухню, въ избу. Въ избѣ противно и тепло воняло; кухарка спала на голомъ коникѣ, подъ святыми, закрывъ лицо фартукомъ, выставивъ крестецъ и подогнувъ къ животу ноги въ старыхъ большихъ валенкахъ съ толсто натоптанными по земляному полу подошвами; Оська лежалъ на нарахъ, внизъ лицомъ, въ полушубкѣ, въ лаптяхъ, уткнувъ голову въ сальную тяжелую подушку.

«Связался чортъ съ младенцемъ!— подумалъ Тихонъ Ильичъ съ отвращеніемъ.— Ишь, всю ночь распутничала, а подъ утро — на лавочку».

И, оглянувъ черныя стѣны, маленькія оконечки, лохань съ помоями, громадную плечистую печь, громко и строго крикнулъ:

— Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать!

Пока кухарка, почесываясь и зѣвая, затапли-

вала печку, варила кабанамъ картошки и раздувала самоваръ, Оська, безъ шапки, спотыкаясь отъ дремоты, таскалъ хоботье лошадямъ и коровамъ. Тихонъ Ильичъ самъ отперъ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ унавоженъ варокъ. Навозъ, моча, дождь — все слилось и образовало густую коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой волнующейся массой сбились въ одинъ уголъ. Старый бурый меринъ одиноко дремалъ возлѣ пустыхъ яслей, измазанныхъ тѣстомъ. Съ неприветливаго ненастнаго неба надъ квадратомъ двора моросило и моросило, но меринъ ничего не замѣчалъ. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли и урчали въ закутѣ.

«Скука!» — подумалъ Тихонъ Ильичъ и тотчасъ же свирѣпо гаркнулъ на старика, тащившаго вязанку старновки:

— Куда въ грязь-то валишь, старая транда?

Старикъ бросилъ старновку на-земь, поглядѣлъ на него и вдругъ спокойно сказалъ:

— Отъ транды слышу.

Тихонъ Ильичъ быстро оглянулся, — вышелъ ли малый, — и, убѣдившись, что вышелъ, быстро и тоже какъ будто спокойно подошелъ къ старику, далъ ему въ зубы, да такъ, что тотъ

головой мотнулъ, схватилъ его за шиворотъ и изо всей силы пустилъ къ воротамъ.

— Вонъ! — крикнулъ онъ, задохнувшись и поблѣднѣвъ, какъ мѣлъ. — Чтобъ твоего и духу здѣсь не пахло больше, рвань ты этакая!

Старикъ вылетѣлъ за ворота — и черезъ пять минутъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, уже шагалъ по шоссе, къ Ульяновкѣ, домой. А Тихонъ Ильичъ трясущимися руками напоилъ жеребца, самъ засыпалъ ему свѣжаго овса, — вчерашній онъ только перерылъ, пересшонявилъ, — и, широко шагая, утопая въ жижѣ и навозѣ, пошелъ въ избу.

— Готово, что ли? — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Поспѣешь! — огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна, отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слыхалъ отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголъ, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызганный кусочекъ кокосоваго мыла. Гремя рукомойникомъ, онъ косилъ, двигалъ бровями, раздувалъ

ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-съ? Сладу съ ними нонче не стало! Скажи ты ему слово — онъ тебѣ десять! Скажи ему десять — онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь, — придешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка, служившая и хозяевамъ и постояльцамъ, висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ!—сказалъ онъ, закрывая глаза и тряся головой. — Охъ, Мати Царица небесная!

И, швырнувъ утирку на полъ, утерся шитымъ подоломъ рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета.

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво, —въ комнату для пріѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на варокъ: стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами: портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: «Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ

смѣлый. Сулеймань-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари». Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной — и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго худого человѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью высилась двуспальная постель; надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязаной скатертью, на скатерти—вѣнчальная шкатулка Настасьи Петровны; въ шкатулкѣ лежали условія съ работниками, пузырьки съ давно испортившимися лѣкарствами, спички...

— Въ лавку! — крикнула, пріотворивъ дверь, кухарка.

— Успѣется съ козами на базаръ!— сердито отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ—и поспѣшно вышелъ.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять становилось похоже на сумерки, моросилъ дождь, но вѣтеръ повернулъ, дулъ съ сѣвера—и воздухъ посвѣжѣлъ. Веселѣе и звончѣй, чѣмъ за всѣ послѣдніе дни, крикнулъ на станціи отходившій товарный поѣздъ.

— Здорово, Ильичъ, — сказалъ, кивая мокрой манджурской папахой, трегубый мужикъ, державшій у крыльца мокрую пѣгую лошадь.

— Здорово, —кинулъ Тихонъ Ильичъ, косо глянувъ на бѣлый крѣпкій зубъ, блестѣвшій изъ-за раздвоенной губы мужика.—Что надо?

И, торопливо отпустивъ соли и керосину, торопливо вернулся въ горницы.

— Лба не дадутъ перекреститъ, собаки! — бормоталъ онъ на ходу.

Самоваръ, стоявшій на столѣ возлѣ простѣнка, бурлилъ, клокоталъ, зеркальце, висѣвшее надъ столомъ, подернулось налетомъ бѣлаго пара. Отпотѣли окна и олеографія, прибитая подъ зеркаломъ,—великанъ въ желтомъ кафтанѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ россійскимъ стягомъ въ рукахъ, изъ-за котораго глядѣлъ башнями и главами московскій кремль. Фотографическія карточки въ рамкахъ изъ раковинъ окружали эту картину. На самомъ почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ іерея въ муаровой рясѣ, съ рѣденькой бородкой, съ припухшими щеками и маленькими пронзительными глазками. И, взглянувъ на него, Тихонъ Ильичъ истово перекрестился на икону въ углу. Потомъ снялъ съ самовара закопченный чайникъ, налилъ стаканъ чаю, крѣпко пахнущаго распареннымъ вѣникомъ, и сѣлъ.

«Лба не дадутъ перекреститъ, — думалъ онъ,

страдальчески морщась. — Зарѣзали, будь они прокляты!»

Казалось, что нужно что-то вспомнить, сообразить, или просто лечь и выспаться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось тепла, покоя, ясности, твердости мысли. Онъ всталъ, подошелъ къ горкѣ, задребезжавшей стеклами и посудой, взялъ съ полки бутылку рябиновки, кубастенькій стаканчикъ, на которомъ было написано: «его же и монаси пріемлютъ»...

— Ай не надо? — сказалъ онъ вслухъ.

Но твердости не было. Въ головѣ, противъ воли, мелькнула прибаутка: «пить — умереть и не пить — умереть». И онъ налилъ и выпилъ, еще налилъ и еще выпилъ. И, закусывая толстымъ кренделемъ, опять сѣлъ за столъ.

Онъ почувствовалъ пріятный ожогъ внутри, жадно хлебалъ съ блюдечка горячій чай, сосалъ, держа на языкѣ, кусочекъ сахару. Тѣлу стало лучше. Но душа продолжала жить своею жизнью, хмурой и тоскливой. Думы смѣняли одна другую, но толку въ нихъ не было. Онъ разсѣянно и подозрительно покосился, хлебая чай, на простѣнокъ, на мужика въ желтомъ кафтанѣ, на карточки въ рамкахъ изъ раковинъ и даже на іерея въ муаровой рясѣ.

— Не до лергіи намъ, свиньямъ! — подумалъ онъ и, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-

то, грубо прибавилъ: — Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислыхъ щей!

Косясь на іерея, онъ чувствовалъ, что все сомнительно... даже, кажется, и обычное благоговѣніе его къ этому іерею... сомнительно и не продумано. Если подумать хорошенько... Но тутъ онъ поспѣшилъ перевести взглядъ на московскій кремль.

— Срамъ сказать! — пробормоталъ онъ. — Въ Москвѣ сроду не бывалъ!

Да, не бывалъ. А почему? Кабаны не велятъ! То торгашество не пускало, то постоялый дворъ, то кабакъ, то Дурновка... Теперь вотъ не пускаютъ жеребецъ, кабаны. Да что — Москва! Въ березовый лѣсишко, что за шоссе, и то десять лѣтъ напрасно прособирался. Все надѣялся какъ-нибудь урвать свободный вечерокъ, захватить съ собой коверъ, самоваръ, посидѣть на травѣ, въ прохладѣ, въ зелени,—да такъ и не урвалъ... Какъ вода межъ пальцевъ, скользятъ дни, опомниться не успѣлъ—пятьдесятъ стукнуло, вотъ-вотъ и конецъ всему. а давно-ли, кажись, безъ портокъ бѣгалъ? Прямо вчера!

Неподвижно смотрѣли лица изъ рамокъ-раковинокъ. Вотъ сцена, которой никогда не было и не могло быть: на полу, среди густой ржи лежатъ двое — самъ Тихонъ Ильичъ и молодой купецъ Ростовцевъ — и держатъ въ рукахъ стаканы, ровно до половины налитые темнымъ пивомъ.

Какая дружба завязалась-было между Ростовцевымъ и Тихономъ Ильичемъ! Какъ запомнился тотъ сѣрый масляничный день, когда снимались! Но въ какомъ году это было? Куда исчезъ Ростовцевъ? Умеръ ли въ Воронежѣ — и теперь нѣтъ даже увѣренности: жилъ онъ на свѣтѣ или нѣтъ... А вотъ стоятъ, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косовороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ, — Бучневъ, Выставкинъ и Богомоловъ. Выставкинъ, тотъ, что посрединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами, Бучневъ и Богомоловъ — по иконѣ. Эти снимались въ пыльный, вѣтреный день, когда освящали элеваторъ, — когда пріѣзжали архіерей и губернаторъ, когда Тихонъ Ильичъ такъ гордъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число публики, привѣтствовавшей начальство. Но что осталось въ памяти отъ этого дня? Только то, что часовъ пять ждали возлѣ элеватора, на новыхъ бурыхъ рельсахъ, прибытія губернатора, что тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, что запылены были и вагоны и деревья, что губернаторъ, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно... что было очень страшно, когда онъ

заговорилъ, принимая хлѣбъ-соль, что всѣхъ поразили необыкновенной худобой и бѣлизной его руки, ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящіе, размытые перстни и кольца на сухихъ тонкихъ пальцахъ съ прозрачными длинными ногтями... Теперь губернатора этого уже нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ и Выставкина... А черезъ пять, десять лѣтъ такъ же будутъ говорить и про Тихона Ильича:

— Покойный Тихонъ Ильичъ...

Въ горницѣ стало теплѣй и уютнѣй отъ нагорѣвшейся печки, зеркальце прояснилось, но за окнами ничего не было видно, стекла бѣлѣли матовымъ паромъ, — значитъ, на дворѣ свѣжѣло. Все слышнѣе доносился нудный стонъ голодныхъ кабановъ, — и вдругъ этотъ стонъ превратился въ дружный и мощный ревъ: вѣрно, кабаны заслышали голоса кухарки и Оськи, тащившихъ къ нимъ тяжелую лоханку съ мѣсивомъ. И, не кончивъ думъ о смерти, Тихонъ Ильичъ кинулъ папиросу въ полоскательницу, надернулъ поддевку и поспѣшилъ на варокъ. Широко и глубоко шагая по хлюпающему навозу, онъ самъ отворилъ закуту — и долго не сводилъ жадныхъ и тоскливыхъ глазъ съ кабановъ, кинувшихся къ корыту, въ которое съ паромъ вывалили мѣсиво.

Думу о смерти перебивала другая: покойный-то покойный, а этого покойнаго, можетъ быть,

въ примѣръ будутъ ставить. Кто онъ былъ? Сирота, нищій, въ дѣтствѣ не жравшій по два дня куска хлѣба... А теперь?

— Твою біографію жизни описать слѣдуетъ,— насмѣшливо сказалъ однажды Кузьма.

А насмѣхаться-то, пожалуй, и не надъ чѣмъ. Значитъ, была башка на плечахъ, если изъ нищаго, едва умѣвшаго читать мальчишки вышелъ не Тишка, а Тихонъ Ильичъ...

Но вдругъ кухарка, тоже пристально глядѣвшая на кабановъ, тѣснившихъ другъ друга и залѣзавшихъ въ корыто передними ножками, икнула и сказала:

— Охъ, Господи! Кабы у насъ какой бѣды нынче не было! Вижу нынче во снѣ — нагнали къ намъ, будто, скотины на дворъ, нагнали овецъ, коровъ, свиней всякихъ... Да все черныхъ, все черныхъ!...

И опять засосало сердце. Да, вотъ скотина эта самая! Отъ одной скотины удавиться можно. Трехъ часовъ не прошло, — опять берись за ключи, опять таскай кормъ всему двору. Въ общемъ денникѣ — три дойныхъ коровы, въ отдѣльныхъ — красная телушка, быкъ Бисмаркъ: имъ теперь подавай сѣна. Лошадямъ, овцамъ въ обѣдъ полагается хоботье, а жеребцу — и самъ чортъ не придумаетъ, что! Совсѣмъ избаловался. Просунулъ морду въ рѣшетчатый верхъ двери и что-то нюхаетъ, гримасничаетъ: поднялъ верх-

нюю губу, обнажилъ розовыя десны и бѣлые зубы, исказилъ ноздри... И Тихонъ Ильичъ, съ неожиданнымъ для самого себя бѣшенствомъ, вдругъ зыкнулъ на него:

— Балуй, анаѳема, разрази тебя громомъ!

Опять онъ промочилъ ноги, прозябъ — шла крупа — и опять выпилъ рябиновки. Ѣлъ картошки съ подсолнечнымъ масломъ и солеными огурцами, щи съ грибной подбивкой, пшенную кашу... Лицо раскраснѣлось, голова отяжелѣла.

— «Восемьдесятъ шесть утенокъ», — прочелъ онъ на косякѣ окна, гдѣ Настасья Петровна вела карандашомъ кое-какія хозяйственныя записи, и мутно ухмыльнулся. Вѣрно говоритъ Кузьма: своего собственнаго языка не знаемъ! «Восемьдесятъ шесть утенокъ» — по-каковски это, спрашивается? И съ злымъ удовольствіемъ вспомнилось, какъ выставила однажды Настасья Петровна горшки съ цвѣтами на крыльцо, подъ дождь, а со двора выскочилъ кабанъ Ѳомка и — давай чавкать фикусъ. Работники кинулись къ нему, а онъ рванулъ цвѣтокъ, вырвалъ изъ горшка съ корнемъ и былъ таковъ... Батюшки, какой гвалтъ подняла Настасья Петровна!

— Пикусъ сожралъ! Пикусъ сожралъ!

— Вотъ тебѣ и пикусъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, раздувая ноздри.

Отъ водки, ѣды и безтолковыхъ мыслей клонило голову. Не раздѣваясь, — только стащивъ

нога объ ногу грязные сапоги, — онъ легъ на постель. Но тревожило то, что придется вотъ-вотъ опять вставать: лошадямъ, коровамъ и овцамъ надо къ вечеру задать овсяной соломы, жеребцу — тоже... или нѣтъ, лучше перебить ее съ сѣномъ, а потомъ полить и посолить хорошенько... Только вѣдь непремѣнно проспишь, если дашь себѣ волю. И Тихонъ Ильичъ потянулся къ комоду, взялъ будильникъ и сталъ заводить его. И будильникъ ожилъ, застучалъ — и въ горницѣ стало какъ будто покойнѣе, веселѣй подъ его бѣгущій мѣрный стукъ. Мысли спутались...

Но только-что спутались, какъ внезапно раздалось грубое и громкое церковное пѣніе. Въ испугѣ открывъ глаза, Тихонъ Ильичъ сперва разобралъ только одно: орутъ въ носъ два мужика, а изъ прихожей несетъ холодомъ и запахомъ мокрыхъ чекменей. Потомъ вскочилъ, сѣлъ и, разглядѣвъ, что это за мужики, вдругъ почувствовалъ, какъ у него заколотилось сердце: одинъ былъ слѣпецъ, крупный, рябой, съ маленькимъ носомъ, длинной верхней губой и большимъ круглымъ черепомъ, а другой — самъ Макаръ Ивановичъ!

Былъ Макаръ Ивановичъ когда-то просто Макаркой — такъ и звали всѣ: «Макарка-Странникъ» — и зашелъ однажды въ кабакъ къ Тихону Ильичу. Брелъ куда-то по шоссе, — въ

лаптяхъ, скуфьѣ и засаленномъ подрясникѣ, — и зашелъ. Въ рукахъ — высокая палка, выкрашенная мѣдянкой, съ крестомъ на верхнемъ концѣ и съ копьемъ — на нижнемъ, за плечами — ранецъ и солдатская манерка; волосы длинные, желтые; лицо — широкое, цвѣта земляного; ноздри — какъ два ружейныхъ дула, носъ — переломленный, въ родѣ сѣдельнаго арчака, а глаза, какъ это часто бываетъ при такихъ носахъ, — свѣтлые, остро-блестящіе. Безстыжій, смѣтливый, жадно курившій цыгарку за цыгаркой и пускавшій дымъ въ ноздри, говорившій грубо и отрывисто, тономъ, совершенно исключающимъ возраженія, онъ очень понравился Тихону Ильичу и какъ разъ за этотъ тонъ, — за то, что сразу было видно: «прожженый сукинъ сынъ».

И Тихонъ Ильичъ оставилъ его у себя — за подручнаго. Скинулъ съ него бродяжью одежу и оставилъ. Но воромъ Макарка оказался такимъ, что пришлось жестоко избить его и прогнать. А черезъ годъ Макарка на весь уѣздъ прославился прорицаніями, — настолько зловѣщими, что его посѣщеній стали бояться, какъ огня. Подойдетъ къ кому-нибудь подъ окно, заунывно затянетъ «со святыми упокой», или подастъ кусочекъ ладану, щепотку пыли — и ужъ не обойтись тому дому безъ покойника.

Теперь Макарка, въ своей прежней одежѣ и съ палкой въ рукѣ, стоялъ у порога и пѣлъ. Слѣ-

ной подхватывалъ, закатывая молочные глаза подъ лобъ, и по той несоразмѣрности, которая была въ его чертахъ, Тихонъ Ильичъ сразу опредѣлилъ его какъ бѣглаго каторжника, страшнаго и безпощаднаго звѣря. Но еще страшнѣе было то, что пѣли эти бродяги. Слѣпой, сумрачно изведя поднятыми бровями, смѣло заливался мерзкимъ гнусавымъ теноромъ. Макарка, остро блестя неподвижными глазами, гудѣлъ свирѣпымъ басомъ. Выходило что-то не въ мѣру громкое, грубо-стройное, древне-церковное, властное и грозящее:

Расплачется мать сыра-земля, разрыдается!—

заливался слѣпой.

Ра-спла-че-тся, раз-ры-да-ется!—

убѣжденно и рѣзко вторилъ Макарка.

Передъ Спасомъ, передъ образомъ,—

вопилъ слѣпой.

Авось грѣшники покаются!—

угрожалъ Макарка, раскрывая нахальныя ноздри. И, сливая свой басъ съ теноромъ слѣпого, твердо выговаривалъ:

Не минуютъ суда Божьяго!
Не минуютъ огня вѣчнаго!

И вдругъ оборвалъ, — въ ладъ со слѣпымъ,

— крякнулъ и просто, своимъ обычнымъ дерзкимъ тономъ, приказалъ:

— Пожалуйте, купецъ, погрѣться.

И, не дождавшись отвѣта, шагнулъ черезъ порогъ, подошелъ къ постели и сунулъ Тихону Ильичу въ руки какую-то картинку.

Это была простая вырѣзка изъ иллюстрированнаго журнала, но, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ почувствовалъ внезапный холодъ подъ ложечкой. Подъ картинкой, изображавшей гнущіяся отъ бури деревья, бѣлый зигзагъ по тучамъ и падающаго человѣка, была подпись: «Жанъ-Поль Рихтеръ, убитый молніей».

И Тихонъ Ильичъ опѣшилъ.

Но тотчасъ же и опомнился. «Ахъ, негодяй!» — подумалъ онъ и медленно изорвалъ картинку на мелкіе клочки. Потомъ слѣзъ съ постели и, натягивая сапоги, сказалъ:

— Ты напугивай кого подурѣе меня. Я-то, братъ, хорошо знакомъ съ тобою! Получи, что слѣдуетъ, и — съ Богомъ.

Потомъ пошелъ въ лавку, вынесъ Макаркѣ, стоявшему со слѣпымъ возлѣ крыльца, два фунта кренделей, пару селедокъ и повторилъ еще строже:

— Съ Господомъ!

— А табачку? — нагло спросилъ Макарка.

— Табачку у самого къ одному бочку.

Макарка ухмыльнулся.

— Такъ! — сказалъ онъ. — Значитъ, табакъ вашъ, бумажки дашь, — вотъ и покуримъ.

— Въ городѣ за кабакомъ сучка сѣетъ табакомъ, — отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ. — Меня, братъ, не перебрешешь!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Удавить тебя, Макарка, мало за твои шашни!

Макарка поглядѣлъ на слѣпого, стоявшаго прямо, твердо, съ высоко поднятыми бровями, и спросилъ его:

— Человѣкъ божій, какъ по-твоему? Удавить, ай разстрѣлять?

— Разстрѣлять вѣрнѣе, — отвѣтилъ слѣпой серьезно. — Тутъ, по крайности, прямая сообщеніе.

Смеркалось, гряды сплошныхъ облаковъ синѣли, холодѣли, дышали зимою. Грязь густѣла. Спровадивъ Макарку, Тихонъ Ильичъ потопалъ озябшими ногами по крыльцу и пошелъ въ горницу. Тамъ онъ, не раздѣваясь, сѣлъ на стулъ возлѣ окошка, закурилъ и опять задумался. Вспомнились лѣто, бунтъ, Молодая, братъ, жена... и то, что еще до сихъ поръ не платилъ по квиткамъ за рабочую пору. Былъ у него обычай затягивать платежи. Дѣвки и ребята, ходившіе къ нему на поденщину, по цѣлымъ днямъ стояли осенью у его порога, жаловались на самыя крайнія нужды, раздражались, говорили иногда дер-

зости. Но онъ былъ непреклоненъ. Онъ кричалъ, призывая Бога во свидѣтели, что у него «во всемъ домѣ двѣ трынки, хоть обыщи!»— и вывертывалъ карманы, кошелекъ, въ притворномъ бѣшенствѣ плевалъ, какъ бы пораженный недовѣріемъ, «безсовѣстностью» просителей... И нехорошимъ показался ему этотъ обычай теперь. Безпощадно-строгъ, холоденъ былъ онъ съ женой, чуждъ ей настолько, что порою совсѣмъ забывалъ о ея существованіи. И вдругъ и это поразило его: Боже мой, да вѣдь онъ даже понятія не имѣетъ, что она за человѣкъ! Умри она нынче, — онъ двухъ словъ не сумѣетъ сказать, зачѣмъ она жила, что думала, что чувствовала за долгіе годы, прожитые съ нимъ, за эти годы, слившіеся въ одинъ годъ и промелькнувшіе въ непрестанныхъ хлопотахъ и заботахъ... А къ чему вели всѣ эти заботы?

Онъ кинулъ папиросу, закурилъ другую... Ухъ, и уменъ, эта бестія, Макарка! А разъ уменъ, развѣ не можетъ онъ предугадать — кого, что и когда ждетъ? Его же, Тихона Ильича, ждетъ непремѣнно что-нибудь скверное. Вѣдь ужъ и не молоденькій! Сколько его сверстниковъ на томъ свѣтѣ! А отъ смерти да старости — спасенья нѣтъ. Не спасли бы и дѣти. И дѣтей бы онъ не зналъ, и дѣтямъ былъ бы чужой, какъ чуждъ онъ всѣмъ близкимъ — и живымъ и умершимъ. Народу на свѣтѣ, — какъ звѣздъ на не-

бѣ; но такъ коротка жизнь, такъ быстро растутъ, мужаютъ и умираютъ люди, такъ мало знаютъ другъ друга и такъ быстро забываютъ все пережитое, что съ ума сойдешь, если вдумаешься хорошенько! Вотъ онъ давеча про себя сказалъ:

— Мою жизнь описать слѣдуетъ...

А что описывать-то? Нечего. Нечего или не стоитъ. Вѣдь онъ самъ почти ничего не помнитъ изъ этой жизни. Совсѣмъ, напримѣръ, забылъ дѣтство: такъ, мерещится порой день какой-нибудь лѣтній, какой-нибудь случай, какой-нибудь сверстникъ... Кошку чью-то опалилъ однажды — сѣкли. Плеточку со свистулькой подарили — и несказанно обрадовали. Пьяный отецъ подозвалъ какъ-то,— ласково, съ грустью въ голосѣ:

— Поди ко мнѣ, Тиша, поди, родной!

И неожиданно сгребъ за волосы...

Если бъ живъ былъ теперь шибай Илья Мироновъ, Тихонъ Ильичъ кормилъ бы старика изъ милости и не зналъ бы, едва замѣчалъ его. Вѣдь было же такъ съ матерью; спроси его теперь: помнишь мать? — и онъ отвѣтитъ: помню какую-то согнутую старуху... навозъ сушила, печку топила, тайкомъ пила, ворчала... И больше ничего. Чуть не десять лѣтъ служилъ онъ у Маторина, но и эти десять лѣтъ слились въ одинъ-два дня: апрѣльскій дождикъ накрапываетъ и пятнитъ желѣзные листы, которые, грохоча и звеня, кидаютъ на телѣгу возлѣ сосѣдней лавки...сѣрый

морозный полдень, голуби шумной стаей падають на снѣгъ возлѣ лавки другого сосѣда, торгующаго мукой, крупой, халуемъ, — гуртуютъ, воркуютъ, трепещутъ крыльями, — а они съ бравомъ бычьимъ хвостомъ подхлестываютъ жужжащій у порога кубарь... Маторинъ былъ тогда молодъ, крѣпокъ, сизо-красенъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, съ рыжими бачками, срѣзанными до половины. Теперь онъ обѣднѣлъ, шмыгаетъ старческой походкой, въ своей выгорѣвшей на солнцѣ чуйкѣ и глубокомъ картузѣ, отъ лавки къ лавкѣ, отъ знакомаго къ знакомому, играетъ въ шашки, сидитъ въ трактирѣ Даева, пьетъ понемножку, хмелѣетъ и приговариваетъ:

— Мы — люди маленькіе: выпили, закусили, расплатились — и домой!

А встрѣчая Тихона Ильича, не узнаетъ его, жалко улыбается:

— Никакъ ты, Тиша?

А самъ Тихонъ Ильичъ не узналъ при первой встрѣчѣ, нынѣшней осенью — брата родного: «да неужели это Кузьма, съ которымъ столько лѣтъ скитались по полямъ, деревнямъ и проселкамъ?»

— Постарѣлъ ты, братъ!

— Есть малость.

— А раненько!

— На то я и русскій. У насъ это — живо.

И, Боже мой, какъ измѣнилось все со времени ихъ торгашества! Какъ страшно непохожъ теперешній Тихонъ Ильичъ на чернаго, какъ жукъ, отчаяннаго и веселаго полуцыгана, торгаша Тишку!

Закуривая третью папиросу, Тихонъ Ильичъ упорно и вопросительно глядѣлъ въ окошко:

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ? Нѣтъ, не можетъ того быть. Бывали знакомые за границей, — вотъ, хоть купецъ Рукавишниковъ, — разсказывали... Да и безъ Рукавишникова можно сообразить. Взять нѣмцевъ городскихъ или жидовъ: всѣ ведутъ себя дѣльно, аккуратно, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ пріятели, — и не только по пьяному дѣлу, — и всѣ помогаютъ другъ другу; если разъѣзжаются, переписываются всю жизнь, портреты отцовъ, матерей, знакомыхъ изъ семьи въ семью передаютъ; дѣтей учатъ, любятъ, гуляютъ съ ними, разговариваютъ, какъ съ равными, — вотъ вспомнить-то ребенку и будетъ что. А у насъ всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бываютъ, сидятъ по своимъ закутамъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибирать... Да что! Ложки варенья жалѣютъ гостю! Безъ упрашиваній гость лишняго стакана не выпьетъ... У, киргизы косоглазые! Мордва желтоволосая!

Мимо оконъ прошла чья-то тройка. Тихонъ Ильичъ внимательно оглядѣлъ ее. Лошади поджарыя, но, видно, рѣзвыя. Тарантасъ въ исправности. За кѣмъ бы это? Поблизости ни у кого нѣтъ такой тройки. Поблизости помѣщики такая голь, что безъ хлѣба по три дня сидятъ, послѣднія ризы съ иконъ продали, разбитаго стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкаютъ, а по полу, какъ дождь, лотки и ведра разставляютъ, — сквозь потолки какъ сквозь рѣшета льетъ...Потомъ прошелъ Дениска-сапожникъ. Куда это? И съ чѣмъ? Никакъ съ чемоданомъ? Охъ, и дуракъ же, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе!

Машинально Тихонъ Ильичъ накинулъ на поддевку чуйку, сунулъ ноги въ калоши и вышелъ на крыльцо. Выйдя и глубоко дохнувъ свѣжимъ воздухомъ предзимнихъ синеватыхъ сумерокъ, опять остановился, сѣлъ на лавочку... Да, вотъ тоже семейка — Сѣрый съ сынкомъ! Мысленно Тихонъ Ильичъ сдѣлалъ ту дорогу, которую одолѣлъ Дениска по грязи, съ чемоданомъ въ рукѣ. Увидалъ Дурновку, свою усадьбу, оврагъ, избы, сумерки, огонекъ у брата, огоньки по дворамъ... Кузьма сидитъ, небось, и читаетъ. Молодая стоитъ въ темной и холодной прихожей, возлѣ чуть теплой печки, грѣетъ руки, спину, ждетъ, когда скажутъ — «ужинать!», и, поджавъ постарѣвшія, подсохшія губы, думаетъ... О чемъ? Можетъ,

о Родькѣ? Брехня все это, будто она его отравила, брехня! А если отравила...

Господи Боже! Если отравила, — что должна она чувствовать? Какой тяжелый могильный камень лежитъ на ея скрытной, странной душѣ! И какъ случилось то, на что рѣшилась она, обезумѣвшая отъ ненависти къ Родькѣ, отъ лютыхъ побоевъ, — можетъ-быть, и отъ поруганныхъ чувствъ къ нему, Тихону Ильичу, — и отъ своего позора, отъ страха, что Родька наконецъ узнаетъ про этотъ позоръ? Охъ, и бивалъ же онъ ее! Да хорошъ и Тихонъ Ильичъ... И таки-накажетъ его Богъ...

Мысленно онъ взглянулъ съ крыльца своего дурновскаго дома на Дурновку, — бунтовщица тоже! — на черныя избы по косогору за оврагомъ, на риги и лозинки на задворкахъ.. За полями влѣво, на горизонтѣ, — желѣзнодорожная будка. Въ сумерки мимо нея проходитъ поѣздъ — бѣжитъ цѣпь огненныхъ глазъ. А потомъ загораются глаза по избамъ. Темнѣетъ, становится уютнѣй — и непріятное чувство шевельнется каждый разъ, когда взглянешь на избы Молодой и Сѣраго, что стоятъ почти среди Дурновки, черезъ три двора другъ отъ друга: ни въ той ни въ другой нѣтъ огня. И такъ почти всю зиму! Дѣтишки Сѣраго, какъ кроты, слѣпнутъ, шалѣютъ отъ радости и удивленія, когда удастся

въ какой-нибудь счастливый вечеръ освѣтитъ избу...

— Нѣтъ, грѣшно! — твердо сказалъ Тихонъ Ильичъ и поднялся съ мѣста. — Нѣтъ, безбожно! Надо хоть маленько помочь дѣлу, — сказалъ онъ, направляясь къ станціи.

Морозило, душистѣе, чѣмъ вчера, тянуло отъ вокзала запахомъ самовара. Чище блестѣли огни у воротъ, за бодро озябнувшими деревьями, почти голыми,расцвѣченными рѣдкой листвой.Звучнѣе громыхали бубенчики на тройкѣ. Хоть куда троечка! Зато лошаденки мужиковъ-извозчиковъ, ихъ крохотныя телѣжки на полуразсыпавшихся, косыхъ колесахъ, облѣпленныхъ грязью, — смотрѣть жалко! Визжала и глухо хлопала за палисадникомъ вокзальная дверь. Обогнувъ его, Тихонъ Ильичъ поднялся на высокое каменное крыльцо, на которомъ шумѣлъ двухведерный мѣдный самоваръ, краснѣя, какъ огненными зубами, своей рѣшеткой, — и столкнулся какъ разъ съ кѣмъ и нужно было, съ Дениской.

Дениска, въ раздумьѣ опустивъ голову, стоялъ на крыльцѣ и держалъ въ правой рукѣ дешевый сѣрый чемоданишко, щедро усѣянный жестяными шляпками и перевязанный веревкой. Былъ Дениска въ поддевкѣ, старой и, видимо, очень тяжелой, съ обвисшими плечами и очень низкой таліей, въ новомъ картузѣ и разбитыхъ сапогахъ. Ростомъ онъ не вышелъ, ноги его, сра-

внительно съ туловищемъ, были очень коротки. «У меня одна тулвища», — смѣясь, говорилъ онъ иногда про себя. Теперь, при низкой таліи и сбитыхъ сапогахъ, ноги казались еще короче.

— Денисъ?— окликнулъ Тихонъ Ильичъ.— Ты зачемъ здѣсь, архаровецъ?

Никогда и ничему не удивлявшійся Дениска спокойно поднялъ на него свои темные и томные, съ грустной усмѣшкой, съ большими рѣсницами глаза и стащилъ съ волосъ картузъ. Волосы у него были мышинаго цвѣта и не въ мѣру густы, лицо землистое и какъ будто промасленное, но глаза красивые.

— Здравствуйте, Тихонъ Ильичъ, — отвѣтилъ онъ пѣвучимъ городскимъ теноркомъ и, какъ всегда, немного застѣнчиво.— Ѣду... въ эту самую... въ Тулу.

— Это зачѣмъ, позвольте спросить?

— Може, мѣсто какая выйдетъ...

Тихонъ Ильичъ оглядѣлъ его. Въ рукѣ — чемоданъ, изъ кармана поддевки торчатъ какія-то зеленыя и красныя книжечки, свернутыя въ трубку. Поддевка, должно-быть, чужая...

— А франтъ-то не тульскій!

Дениска тоже оглядѣлъ себя.

— Поддевка-то? — скромно спросилъ онъ.— Что жъ, вотъ наживу въ Тулѣ денегъ, вендерку

себѣ куплю. Я лѣтомъ какъ было - справился! Газетами торговалъ.

Тихонъ Ильичъ кивнулъ на чемоданъ:

— А это что жъ за штука такая?

Дениска опустилъ рѣсницы:

— Чумаданъ себѣ купилъ.

— Да ужъ въ венгеркѣ безъ чемодана никакъ нельзя! — насмѣшливо сказалъ Тихонъ Ильичъ. — А въ карманѣ что?

— Такъ, кляповинка разная...

— Покажь-ка.

Дениска поставилъ чемоданъ на крыльцо и вытащилъ изъ кармана книжечки. Тихонъ Ильичъ взялъ и внимательно переглядѣлъ ихъ. Пѣсенникъ «Маруся». «Жена-развратница». «Невинная дѣвушка въ цѣпяхъ насилія». «Поздравительныя стихотворенія родителямъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ». «Роль...»

Тутъ Тихонъ Ильичъ запнулся, но Дениска, слѣдившій за нимъ, бойко и скромно подсказалъ:

— Роль проталеріята въ Россіи.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой.

— Новости! Жрать нечего, а чемоданы да книжки покупаешь. Вѣрно, недаромъ тебя смутьяномъ-то зовутъ. Ты, говорятъ, все царя ругаешь? Смотри, братъ!

— Да авось не имѣніе купилъ, — отвѣтилъ Дениска съ грустной усмѣшкой. — Это книжки хорошія. А царя я не трогалъ. На меня брешутъ,

какъ на мертваго. А я и въ мысляхъ того не держалъ. Ай я лунатикъ какой?

Завизжалъ блокъ на двери, показался станціонный сторожъ, — сѣдой отставной солдатъ съ свистящей и хрипящей одышкой,— и буфетчикъ, толстый, съ заплывшими глазками, съ сальными волосами.

— Посторонитесь-ка, господа купцы, позвольте самоварчикъ взять...

Дениска посторонился и опять взялся за ручку чемодана.

— Сперъ, небось, гдѣ-нибудь? — спросилъ Тихонъ Ильичъ, кивая на чемоданъ и думая о дѣлѣ, по которому пошелъ на станцію.

Дениска промолчалъ, нагнувъ голову.

— И пустой вѣдь?

Дениска разсмѣялся:

— Пустой...

— Съ мѣста-то прогнали?

— Я самъ ушелъ.

Тихонъ Ильичъ вздохнулъ.

— Живой отецъ!— сказалъ онъ.— Тотъ тоже всегда такъ-то: наладятъ его въ шею съ мѣста, а онъ — «я самъ ушелъ».

— Глаза лопни, не брешу.

— Ну, хорошо, хорошо... Дома-то былъ?

— Былъ двѣ недѣли.

— Отецъ-то опять безъ дѣла?

— Таперь безъ дѣла.

— Тагерь! -передразнилъ Тихонъ Ильичъ.— Деревня стоеросовая! А еще революцанеръ. Лѣзешь въ волки, а хвостъ собачій.

«Авось и ты-то изъ тѣхъ же квасовъ», — съ усмѣшечкой подумалъ Дениска, не поднимая головы.

— Значитъ, сидитъ себѣ Сѣрый да покуриваетъ?

— Пустой малый! — убѣжденно сказалъ Дениска.

Тихонъ Ильичъ постучалъ ему въ голову костяжками.

— Хоть бы дурь-то свою не выказывалъ! Кто жъ такъ-то про отца говоритъ?

— Старъ кобель, да не батькой звать,— отвѣтилъ Дениска спокойно.— Отецъ — такъ корми. А онъ дюже меня кормилъ?

Но Тихонъ Ильичъ не дослушалъ. Онъ выбиралъ удобную минуту, чтобы начать дѣловой разговоръ. И, не слушая, перебилъ:

— Ну и вышелъ далдонъ... Продалъ Яковъ кобылу-то?

Дениска неожиданно захохоталъ грубымъ и громкимъ хохотомъ. Но отвѣтилъ все тѣмъ же пѣвучимъ теноркомъ:

— Яковъ Микитичъ-то? Куда тебѣ! Все богатѣетъ да жаднѣетъ. То-то смѣху вчерась было!

— По какому случаю?

— Да какъ же! Околѣлъ у него жеребенокъ,

такъ онъ что выдумалъ? Ноги съ копытами и тѣ въ дѣло произвелъ. Не хватило въ плетнѣ кольевъ,— онъ возьми и вплети эти самыя ноги...

— Министръ, а не мужикъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ.— Не вамъ, голоштаннымъ, чета. Ты, что жъ, съ волчьимъ билетомъ, значитъ, до Тулы-то?

— А на кой онъ мнѣ, билетъ-то?— отвѣтилъ Дениска.— Приду въ вагонъ,— прямо, Господи благослови, подъ лавку. Мнѣ бы только до Узловской добиться.

— Это какой же такой — Узловской? Узловой, что ли?

— Ну, Узловой, одна честь. Доѣду до ней, а тамъ и пѣшой недалече.

— А книжечки-то гдѣ жъ расчитывать? Подъ лавкой-то не расчитаешься.

Дениска подумалъ.

— Вона!— сказалъ онъ.— Не все жъ подъ лавкой. Залѣзу въ нужникъ,— читай хошь до свѣту.

Тихонъ Ильичъ сдвинулъ брови.

— Ну вотъ что,—началъ онъ.—Вотъ что: всю эту музыку пора тебѣ бросать. Не маленькій, дуракъ. Вали-ка назадъ, въ Дурновку,— пора къ дѣлу прибиваться. А то вѣдь на васъ смотрѣть тошно. У меня вонъ... надворные совѣтники лучше живутъ. Помогу, ужъ такъ и быть... на первое время. Ну, на товаришко тамъ, на струментъ... И

будешь и самъ кормиться и отцу хоть немного подавать...

«Къ чему это онъ гнетъ?»— подумалъ Дениска.

А Тихонъ Ильичъ рѣшился и докончилъ:

— Да и жениться пора.

«Та-акъ!»— подумалъ Дениска и не спѣша сталъ завертывать цыгарку.

— Что жъ,— спокойно и чуть-чуть печально отозвался онъ, не поднимая рѣсницъ. — Я каланиться не стану. Жениться можно. По приститкамъ-то хуже ходить.

— Ну вотъ то-то и оно-то.— волнуясь, подхватилъ Тихонъ Ильичъ.— Только, братъ, имѣй въ виду,— жениться съ умомъ надо. Ихъ, дѣтей-то, съ капиталомъ хорошо водить.

Дениска захохоталъ.

— Чего гогочешь-то?

— Да какъ же! Водить! Въ родѣ куръ али свиней.

— Не меньше куръ и свиней ѣсть просятъ.

— А на комъ?— съ печальной усмѣшкой спросилъ Дениска.

— Да на комъ? Да... на комъ хочешь.

— Это на Молодой, что ли?

Тихонъ Ильичъ густо покраснѣлъ.

— Дуракъ! А Молодая чѣмъ плоха? Баба смирная, работящая...

Дениска помолчалъ, ковыряя ногтемъ жести-

ную шляпку на чемоданѣ. Потомъ прикинулся дуракомъ.

— Ихъ, молодыхъ-то, много,— сказалъ онъ протяжно.— Не знаю, про какую вы балакаете... Про энту, что ль, съ какой вы жили?

Но Тихонъ Ильичъ уже оправился.

— Жилъ я, ай нѣтъ, — это не твоего, свинья, ума дѣло,— отвѣтилъ онъ и такъ быстро и внушительно, что Дениска покорно пробормоталъ:

— Да мнѣ одна честь... Я вѣдь это такъ... къ слову...

— Ну, значитъ, и не бреши попусту... Людьми сдѣлаю. Понялъ? Приданаго дамъ... Понялъ?

Дениска задумался.

— Вотъ съѣзжу въ Тулу...— началъ онъ.

— Нашелъ пѣтухъ земчужное зерно! На кой она тебѣ Тула-то?

— Да все дома оголодалъ...

Тихонъ Ильичъ распахнулъ чуйку, сунулъ руку въ карманъ поддевки,— рѣшилъ-было дать Денискѣ двугривенный. Но спохватился,— глупо деньги швырять, да еще и зазнается этотъ толкачъ,— подкупаютъ, молъ,— и сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то.

— Эхъ, папиросы забылъ! Дай-ка свернуть.

Дениска подалъ ему кисетъ. Надъ крыльцомъ уже зажгли фонарь, и при его тускломъ свѣтѣ Тихонъ Ильичъ вслухъ прочелъ крупно вышитое бѣлыми нитками на кисетѣ:

«Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кисѣтъ на вѣчно».

— Ловко! — сказалъ онъ, прочитавъ.

Дениска застѣнчиво потупился.

— Значитъ, ужъ есть краля-то?

— Мало ль ихъ, сукъ, шатается! — отвѣтилъ Дениска безпечно. — А жениться я не отказываюсь. Ворочусь къ мясоѣду и Господи благослови...

Изъ-за палисадника загремѣла и съ грохотомъ подкатила къ крыльцу телѣга, вся закиданная грязью, — съ мужикомъ на грядкѣ и ульяновскимъ дьякономъ Говоровымъ посрединѣ, въ соломѣ.

— Ушелъ? — тревожно крикнулъ дьяконъ, выкидывая изъ соломы ногу въ новой калошѣ.

Каждый волосъ его красно-рыжей лохматой головы буйно вился, шапка съѣхала на затылокъ, лицо разордѣлось отъ вѣтра и волненія.

— Поѣздъ-то? — спросилъ Тихонъ Ильичъ. — Нѣтъ-съ, еще и не выходилъ-съ. Здравствуйте, о. дьяконъ.

— Ага! Ну, слава Богу! — радостно и быстро сказалъ дьяконъ и все-таки, выскочивъ изъ телѣги, стремглавъ кинулся къ дверямъ.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой. «Эхъ, не во-время принесло этого долгогриваго! Не выйдетъ дѣло, пожалуй!» Однако, взявшись за ручку двери, сказалъ твердо и увѣренно:

— Ну, стало-быть, такъ. Стало-быть — до мясоѣда.

Въ вокзалѣ пахло мокрыми полушубками, самоваромъ, махоркой, кероснномъ. Накурено было такъ, что точило горло, еле свѣтили лампы въ дыму, въ полумракѣ, сырости и холодѣ. Визжали и хлопали двери, толпились и галдѣли мужики съ кнутами въ рукахъ — извозчики изъ Ульяновки, дожидавшіеся сѣдока иногда по цѣлой недѣлѣ. Среди нихъ, поднявъ брови, ходилъ еврей-хлѣботорговецъ, въ котелкѣ, въ пальто съ капюшономъ и съ зонтомъ на плечѣ. Возлѣ кассы мужики тащили на вѣсы чьи-то господскіе чемоданы и корзины, обшитыя клеенкой, на мужиковъ кричалъ телеграфистъ, исполнявшій должность помощника начальника станціи, — молодой коротконогій малый съ большой головой, съ кудрявымъ желтымъ кокомъ, по-казацки взбитымъ изъ-подъ картуза на лѣвомъ вискѣ, — и крупной дрожью дрожалъ сидѣвшій на грязномъ полу пойнтеръ, пятнистый, какъ лягушка, съ человѣчески-тоскливыми глазами.

Протолкавшись среди мужиковъ, Тихонъ Ильичъ прошелъ къ двери въ первый классъ, возлѣ которой висѣла на стѣнѣ деревянная рама съ письмами, газетами и телеграммами, лежавшими иногда по году. Писемъ ему не оказалось. Было только три номера «Орловскаго Вѣстника». И Тихонъ Ильичъ двинулся-было къ буфетной

стойкѣ — поболтать съ буфетчицей. Но возлѣ стойки сидѣлъ на табуретѣ пьяный человѣкъ съ голубыми остеклянѣвшими глазами, съ глянцевитымъ лиловымъ лицомъ, въ кругломъ сѣромъ картузѣ съ пуговкой — подвальный съ винокуреннаго завода князя Лобанова. И Тихонъ Ильичъ поспѣшно повернулъ назадъ. Подвальный — знакомый человѣкъ, попадись ему на глаза, сутки не отцѣпится... На крыльцѣ все еще стоялъ Дениска.

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Тихонъ Ильичъ, — сказалъ онъ еще застѣнчивѣе, чѣмъ всегда.

— Что еще такое? — сердито спросилъ Тихонъ Ильичъ. — Денегъ? Не дамъ.

— Нѣтъ, какихъ денегъ! Письмо мое прочитать.

— Письмо? Къ кому?

— Къ вамъ. Хотѣлъ-было давеча отдать, да не насмѣлился.

— Да объ чемъ?

— Такъ... житье свое описалъ...

Тихонъ Ильичъ взялъ изъ рукъ Дениски клочокъ бумажки, сунулъ его въ карманъ и быстро зашагалъ домой по упругой, застывшей грязи.

Теперь настроеніе его было мужественно. Хотѣлось работы, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что есть дѣло — кормъ скотинѣ задать. Вотъ, жалко — погорячился. Жмыха прогналъ.

придется ночь не спать. На Оську надежда плохая. Небось, спитъ уже. А не то сидитъ съ кухаркой и ругаетъ хозяина... И, пройдя мимо освѣщенныхъ оконъ избы, Тихонъ Ильичъ прокрался въ сѣни, наткнулся въ темнотѣ на холодную пахучую солому и прильнулъ ухомъ къ двери. За дверью послышался смѣхъ, потомъ голосъ Оськи:

— А то вотъ еще исторія была. Жилъ на селѣ мужикъ, — бѣдный-пребѣдный, беднѣе во всемъ селѣ не было. И выѣхалъ разъ, братцы мои, этотъ самый мужикъ пахать. И увяжись за нимъ кобель рябый. Мужикъ пашетъ, а кобель сычуетъ по полю и все чтой-то роетъ. Рылъ-рылъ, да какъ заво-оетъ! Что за притча такая? Кинулся мужикъ къ нему, глядь въ яму, а тамъ — чугунъ...

— Чугу-унъ? — спросила кухарка.

— Да ты слушай. Чугунъ-то чугунъ, а въ чугунѣ — золото! Видимо-невидимо... Ну и забогатѣлъ мужикъ...

«Ахъ, пустоболты!» — подумалъ Тихонъ Ильичъ и жадно сталъ слушать, что дальше будетъ съ мужикомъ.

— Забогатѣлъ мужикъ, разстроился, какъ купецъ какой...

— Не хуже нашего Тугоногаго. — вставила кухарка.

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: онъ зналъ, что

его уже давно зовутъ Тугоногимъ... Нѣтъ человѣка безъ прозвища!

А Оська продолжалъ:

— Еще побогаче... Да... А кобель-то возьми да околѣй. Какъ тутъ быть? Мочи нѣтъ — жалко кобеля. надо его честь-честью хоронить...

Раздался взрывъ хохота. Захохоталъ и самъ разсказчикъ и еще кто-то — со старческимъ кашлемъ.

— Никакъ Жмыхъ? — встрепенулся Тихонъ Ильичъ. — Ну, слава Богу. Вѣдь говорилъ дураку: верне-ешься!

— Пошелъ мужикъ къ попу, — продолжалъ Оська, — пошелъ къ попу: такъ и такъ, батюшка, кобель околѣлъ, — надо хоронить...

Кухарка опять не выдержала и радостно крикнула:

— У, пропасти на тебя нѣту!

— Да дай доказать-то! — крикнулъ и Оська и опять перешелъ на повѣствовательный тонъ, изображая то попа, то мужика:

— Такъ и такъ, батюшка, — надо кобеля хоронить. Какъ затопаетъ попъ ногами: «Какъ хоронить? Гдѣ хоронить? На кладбищѣ? Да я тебя въ острогѣ сгною, да я тебя въ кандалы забью!» — «Батюшка, да вѣдь это не простой кобель: онъ, какъ околѣвалъ, вамъ пятьсотъ цѣлковыхъ отказалъ!» Какъ ускочитъ попъ съ мѣста: «Дуракъ! Да развѣ я тебя за то браню, что

хоронить? За то браню — гдѣ хоронить-то? Его въ церковной оградѣ надо хоронить!»

Тихонъ Ильичъ громко кашлянулъ и отворилъ дверь. За столомъ, возлѣ коптящей лампочки, разбитое стекло которой было заклеено съ одного боку почернѣвшей бумажкой, сидѣла, наклонивъ голову и завѣсивъ все лицо мокрыми волосами, кухарка. Она чесалась деревяннымъ гребнемъ и сквозь волосы разсматривала гребень на свѣтъ. Оська, съ цыгаркой въ зубахъ, хохоталъ, откинувшись назадъ и болтая лаптями. Возлѣ печки, въ полутемнотѣ, краснѣлъ огонекъ — трубка. Когда Тихонъ Ильичъ дернулъ дверь и показался на порогѣ, хохотъ сразу оборвался, и курившій трубку робко поднялся съ мѣста, вынулъ ее изо рта и сунулъ въ карманъ... Да, Жмыхъ! Но, какъ будто и ничего не было утромъ, Тихонъ Ильичъ бодро и дружелюбно крикнулъ:

— Ребятъ! Кормъ задавать...

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, разсыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестѣли и глядѣли такъ странно и великолѣпно. Отъ дыханія шелъ паръ, — точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ,

онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ двора, въ глубокомъ чистомъ небѣ, яркія разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршалъ по крышамъ и морозной свѣжестью дулъ въ щели сѣверный вѣтеръ... Слава тебѣ, Господи, — зима!

Отдѣлавшись и заказавъ самоваръ, Тихонъ Ильичъ съ фонаремъ сходилъ въ холодную пахучую лавку, выбралъ маринованную селедку получше: — ничего, не плохо передъ чаемъ-то подсолонцевать! — и за чаемъ съѣлъ ее, выпилъ нѣсколько стаканчиковъ горько-сладкой, желто-красной рябиновки, налилъ чашку чаю съ краями и придвинулъ къ себѣ старые большіе счеты. Но, подумавъ, нашелъ письмо Дениски и сталъ разбирать его каракули.

«Деня получилъ 40 рублей денягъ патомъ собралъ вѣщи...»

— Сорокъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ. — Ахъ, голоштанный!

«Пашелъ Деня на станцію Тула и какъ разъ ево обабрали вытащили Все докопеки детца некуда и Взяла ево тоска...»

Разбирать эту брехню было трудно и скучно, но вечеръ длиненъ, дѣлать нечего... Самоваръ хлопотливо бурлилъ, спокойнымъ свѣтомъ свѣтила лампа — и была въ тишинѣ и покоѣ вечера грусть. Мѣрно ходила колотушка подъ окна-

ми, звонко выдѣлывала на морозномъ воздухѣ плясовую...

«Патомъ соскучился я какъ ехоть домой дюже отецъ грозенъ...»

— Ну и дуракъ, прости, Господи! — подумалъ Тихонъ Ильичъ. — Это Сѣрый-то грозенъ!

«Пайду Въ дремучай лѣсъ выбрать повыше ель и взять отъ сахарной головы бѣчевычку опрѣдилится на ней навѣчную жизнь вновыхъ брюкахъ но бѣзсапохъ...»

— Безъ сапогъ, что ли? — сказалъ Тихонъ Ильичъ, далеко отставляя отъ уставшихъ глазъ бумажку. — Вотъ что правда, то правда...

«Патомъ пойдетъ сильный вѣтеръ синее облоки и собралась туча полилъ спорый крупный дождичекъ вышла солнышко изъ за лѣсу вѣревычка перегнивать перегнивать и удругъ оборвалась а Деня палъ на земь поползываютъ мурашки по немъ начинаютъ работать а тамъ ежъ ползетъ и гадюка и ракъ зяленый...»

Кинувъ письмо въ полоскательницу, Тихонъ Ильичъ хлебнулъ чаю, поставилъ локти на столъ, глядя на лампу...Чудной мы народъ! Пестрая душа! То чистая собака человѣкъ, то грустить, жалкуетъ, нѣжничаетъ, самъ надъ собою плачетъ... вотъ вродѣ Дениски или его самого, Тихона Ильича... Стекла запотѣли, четко и бойко, по-зимнему, выговаривала колотушка что-то ладное...Эхъ, если бы дѣти! Если бы —

ну, любовница, что ли, хорошая вмѣсто этой пухлой старухи, которая осточертѣла одними своими разсказами о княжнѣ, и какой-то благочестивой монахинѣ Поликарпіи, что зовутъ въ городѣ Полукарпіей!.. Да поздно, поздно.

Разстегнувъ шитый воротъ рубахи, Тихонъ Ильичъ съ горькой усмѣшкой ощупалъ шею, впадины по шеѣ за ушами... Первый знакъ старости эти впадины, — лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду... И борода сѣдая, сухая, путаная. Нѣтъ, шабашъ, шабашъ, Тихонъ Ильичъ!

Онъ пилъ, хмелѣлъ, все плотнѣе стискивалъ челюсти, все пристальнѣе, щуря глаза, глядѣлъ на горящій ровнымъ огнемъ фитиль лампы... Вы подумайте: къ брату родному нельзя съѣздить, — кабаны не пускаютъ, свиньи! А и пустили бы, — тоже радости мало. Читалъ бы ему Кузьма нотаціи, стояла бы съ поджатыми губами, съ опущенными рѣсницами Молодая... Да отъ однихъ этихъ опущенныхъ глазъ сбѣжишь!

Сердце замирало, ныло, голову сладко туманило...Гдѣ это слышалъ онъ эту пѣсню?

Пришелъ мой скучный вечеръ,
Не знаю, что̀ начать.
Пришелъ мой другъ любезный,
Онъ сталъ меня ласкать...

Ахъ, да, это въ Лебедяни, на постояломъ дво-

рѣ. Сидятъ въ зимній вечеръ дѣвки-кружевницы и поютъ... Сидятъ, плетутъ и, не поднимая рѣсницъ, звонкими грудными голосами выводятъ:

Цѣлуетъ, обнимаетъ,
Прощается со мной...

Голову туманило, — то казалось, что все еще впереди — и радость, и воля, и беззаботность, — то начинало болѣзненно, безнадежно ныть сердце. То онъ говорилъ:

— Были бъ денежки въ карманѣ, — будетъ тетушка въ торгу!

То зло глядѣлъ на лампу и бормоталъ, разумѣя брата:

— Учитель! Проповѣдникъ! Филаретъ милосливый... Голоштанный чортъ!

Онъ допилъ рябиновку, накурилъ такъ, что потемнѣло... Невѣрными шагами, по зыбкому полу, вышелъ онъ въ одномъ пиджакѣ въ темныя сѣни, ощутилъ крѣпкую свѣжесть воздуха, запахъ соломы, запахъ псины, увидалъ два зеленоватыхъ огня, мелькнувшихъ на порогѣ...

— Буянъ! — крикнулъ онъ.

И изо всей силы ударилъ Буяна сапогомъ въ голову.

Потомъ послушалъ колотушку, притопывая въ ладъ ей, мочась на ступеньки крыльца, мысленно приговаривая:

Иди прямо на меня!
Гляди прямо на меня!

И крикнулъ, направляясь къ шоссе:

— Дуй бѣлку въ хвостъ — пушистѣй будетъ!

Мертвая тишина стояла надъ землей, мягко чернѣвшей въ звѣздномъ свѣтѣ. Блестѣли разноцвѣтные узоры звѣздъ. Слабо бѣлѣло шоссе, пропадая въ сумракѣ. Вдали глухо, точно изъ-подъ земли, слышался возрастающій грохотъ. И вдругъ вырвался наружу и загудѣлъ окрестъ: бѣло блистая цѣпью оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ, разметавъ, какъ летящая вѣдьма, дымныя косы, ало озаренныя изъ-подъ низу, несся вдали, пересѣкая шоссе, экспрессъ...

— Это мимо Дурновки-то! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, икая. — Мимо Сѣраго-то! Ахъ, разбойники, анаѳемы...

Сонная кухарка вошла въ горницу, тускло освѣщенную выгорающей лампой и провонявшую табакомъ, внесла сальный чугунчикъ со щами, захвативъ его въ черныя отъ сала и сажи ветошки. Тихонъ Ильичъ покосился и сказалъ:

— Сію минуту выйди вонъ.

Кухарка повернулась, толкнула ногой дверь и скрылась.

Тогда онъ взялъ календарь Гатцука, обмакнулъ ржавое перо въ ржавыя чернила и сталъ, стискивая зубы и сонно глядя свинцовыми глазами, безъ конца писать по календарю вдоль и поперекъ:

— Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ...

II.

Кузьма почти всю жизнь мечталъ писать и учиться.

Что стихи! Стихами онъ баловался въ малолѣтствѣ. Ему хотѣлось разсказать, какъ погибалъ онъ, съ небывалой безпощадностью изобразить свою нищету и тотъ страшный въ своей обыденности бытъ, что калѣчилъ его, дѣлалъ безплодной смоковницей.

Обдумывая свою жизнь, онъ казнилъ себя и оправдывалъ.

Да, онъ нищій уѣздный мѣщанинъ, чуть не до пятнадцати лѣтъ читалъ по складамъ. Но его исторія — исторія всѣхъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе ста милліоновъ безграмотныхъ. Онъ росъ въ Черной Слободѣ, гдѣ еще до сихъ поръ на смерть убиваютъ въ кулачныхъ бояхъ. Онъ видѣлъ въ дѣтствѣ грязь и пьянство, лѣнь и скуку... Дѣтство дало только одно поэтическое впечатлѣніе: была темная кладбищенская роща, да выгонъ на горѣ за Слободой, а за нимъ — просторъ, жаркое марево степи, дальняя бѣлая хата подъ тополемъ. Но даже и къ этой хатѣ внушали ему презрѣніе:

тамъ жили хохлы, а вѣдь они такъ глупы, что на вопросъ: — «Хохлы, гдѣ ваши котлы?» — отвѣчаютъ: — «Не вамъ ли сказать, что подъ фурами лежать?» Буквамъ и цифрамъ выучилъ его и Тихона сосѣдъ, заливщикъ калошъ Бѣлкинъ; но и то только потому, что работы у него никогда не было, — ужъ какія тамъ калоши въ Слободѣ! — что драть кого-нибудь за «виски» всегда пріятно, и что не вѣкъ же сидѣть на завалинкѣ распоясской, наклонивъ и подставивъ солнцу лохматую голову, поплевывая на пыль между босыми ногами. Въ лавкѣ Маторина братья скоро постигли письмо, чтеніе, сталъ Кузьма и книжками увлекаться, которыя дарилъ ему базарный вольнодумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ Балашкинъ. Но до чтенія ли въ лавкѣ? Маторинъ очень часто кричалъ: — «Я тебѣ ухи оболтаю за твоихъ Гуаковъ, дьяволенокъ ты этакій!»

Это старая исторія, но и о базарныхъ нравахъ хотѣлъ Кузьма напомнить. На базарѣ воспринялъ онъ много постыднаго. Тамъ ихъ съ братомъ научили высмѣивать нищету матери, то, что она стала запивать, брошенная подросшими сыновьями. Тамъ они продѣлали разъ такую штуку: мимо дверей лавки каждый день проходилъ изъ библіотеки сынъ портного Витебскаго, еврей лѣтъ шестнадцати, съ блѣдно-голубымъ лицомъ, страшно худой, ушастый, въ очкахъ, и на ходу пристально читалъ, придвинувъ книгу

къ самымъ глазамъ, а они накидали на тротуаръ щебня — и еврей — «ученый-то этотъ!» — полетѣлъ такъ удачно, что разбилъ въ кровь колѣни, локти, зубы... Тамъ Кузьма и писать сталъ, — началъ разсказомъ о томъ, какъ одинъ купецъ ѣхалъ въ страшную грозу, ночью, по Муромскимъ лѣсамъ, попалъ на ночлегъ къ разбойникамъ и былъ зарѣзанъ. Кузьма горячо изложилъ его предсмертныя мольбы, думы, его скорбь о своей неправедной и «такъ рано пресѣкшейся жизни...» Но базаръ безъ пощады окатилъ его холодной водой.

— Ну и чудакъ ты, прости Господи! — весело и нахально сказалъ онъ устами Тихона. — «Рано»! Давно пора чорту пузатому! Да и какъ же это ты узналъ-то, что онъ думалъ? Вѣдь его же зарѣзали?

Тогда Кузьма написалъ кольцовскимъ ладомъ пѣсню престарѣлаго витязя, завѣщающаго сыну вѣрнаго коня. — «Онъ носилъ меня въ моей младости!» — восклицалъ въ пѣснѣ витязь. Но Тихонъ и тутъ только покачалъ головой.

— Такъ! — сказалъ онъ. — сколько же лѣтъ было этому самому коню? Ахъ, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучше дѣльное-то что-нибудь сочинилъ, — ну, хоть про войну, къ примѣру...

И Кузьма, поддѣлываясь подъ базарный вкусъ, сталъ съ азартомъ писать о томъ, о чемъ

толковалъ тогда базаръ, — о русско-турецкой войнѣ: о томъ, какъ —

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Вздумалъ турка воевать,
Подвигалъ свою орду
И хотѣлъ Россію взять, —

и какъ эта орда —

Въ безобразныхъ колпакахъ
Подкрадалась подъ Царь-Пушку...

Съ болью сознавалъ онъ потомъ, сколько тупости, невѣжества было въ такихъ виршахъ и чего стоитъ этотъ хамскій языкъ, это русское презрѣніе къ чужимъ колпакамъ. Съ болью вспоминалъ и многое другое... напримѣръ, Задонскъ. Однажды нашла на него страстная жажда покаянія, страхъ, что мать, умершая почти съ голоду, горько повѣдала на небѣ свою скорбную жизнь, и онъ пѣшкомъ отправился къ угоднику; а тамъ только и дѣлалъ, что съ злобной радостью читалъ поклонникамъ одинъ особенно поразившій его «листокъ»: какъ нѣкій сельскій писарь вздумалъ не признавать властей и церкви, а Богъ такъ прогнѣвался, что «этотъ аристократъ слегъ на смертный одръ», и что болѣзнь его была такая: «жралъ больше свиньи, а кричалъ, что все ему мало, и высохъ до неузнаваемости»... И вся-то молодость Кузьмы прошла въ такихъ исторіяхъ! Думалось, исповѣдывалось одно, а гово-

рилось, дѣлалось — другое. Мечтая писать, подводя итоги жизни, Кузьма въ тоскѣ качалъ головой: «Русская-съ черта! Сѣяли горохомъ пополамъ съ чертополохомъ».

Казалось, что былъ онъ въ молодости веселъ, добръ, нѣженъ, понятливъ, любознателенъ. Но такъ ли? Конечно, онъ не Тихонъ... Но отчего же и онъ, подобно Тихону, такъ рано усвоилъ грубость окружающихъ? Отчего онъ, добрый и нѣжный, такъ безпощадно забылъ мать? Отчего сердцемъ его, такъ пылко работавшимъ надъ книгой, еще такъ долго владѣлъ базаръ? Отчего, отчего онъ — безплодная смоковница?

Почти весь его заработокъ забиралъ въ общую копилку Тихонъ: свое дѣло рѣшили начать. Отдавалъ деньги Кузьма съ хорошей, сердечной довѣрчивостью, которой у Тихона никогда и не бывало. Но мать-то, мать-то! Вѣдь онъ стоналъ, вспоминая, какъ она, нищая, благословляла его, дарила ему единственное свое сокровище, память лучшихъ дней, хранимую на днѣ сундука, — серебряный образокъ. И то, что онъ стоналъ, тоже было хорошо, но вѣдь деньги-то все-таки шли къ Тихону...

Бросивъ лавку и продавъ, что осталось послѣ матери, стали они торговать, поѣхали къ хохламъ, къ Воронежу. Въ родномъ городѣ бывать случалось часто, и съ Балашкинымъ Кузьма дружилъ попрежнему, книги, которыя ему давалъ

или указывалъ Балашкинъ, читалъ жадно, и не такъ, какъ Тихонъ. Тихонъ, когда дѣлать было нечего, тоже любилъ почитать; могъ и годъ не брать книги въ руки, но если ужъ бралъ, то читалъ быстро, до послѣдней строчки, прочитавъ же, сразу порывалъ связь съ книгой; прочиталъ однажды за ночь цѣлый томъ «Современника», не понялъ многаго, очень занятнымъ назвалъ понятое — и ужъ навѣкъ забылъ о «Современникѣ». Кузьма тоже многаго не понималъ — даже въ Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Пушкинѣ. Но росло его пониманіе не по днямъ, а по часамъ, суть дѣла умѣлъ онъ схватывать и закрѣплять въ сердцѣ прямо на удивленіе... Отчего же, схватывая слова Добролюбова, сквернословилъ онъ на базарѣ и говорилъ «хвактъ» вмѣсто «фактъ»? Отчего, бесѣдуя съ Балашкинымъ о Шиллерѣ, страстно мечталъ выпросить въ долгъ «ливенку»? Восторгаясь «Дымомъ», онъ, однако, твердилъ, что «кто уменъ да не ученъ, въ томъ безъ ученья много свѣта». Побывавъ на могилѣ Кольцова, съ восхищеніемъ записалъ безграмотную надпись на плитѣ ея: «Подсимъ намитникомъ погребено тело мещанина алесея василевича Калцова сочинителя и поэта воронежскаго награжденнаго монаршаю милостию *просвещеннаго безнаукъ природою...*»

Образумливалъ его — и крѣпкую печать наложилъ на душу — Балашкинъ.

Старый, огромный, худой, зиму и лѣто не снимавшій позеленѣвшей чуйки и теплаго картуза, большелицый, бритый и косоротый, Балашкинъ бывалъ почти страшенъ своими злыми рѣчами, своимъ глубокимъ стариковскимъ басомъ, колючей серебристой щетиной на сѣрыхъ щекахъ и губѣ и зеленымъ лѣвымъ глазомъ, выпученнымъ, сверкавшимъ и косившимъ въ ту сторону, куда былъ скошенъ и ротъ его. И какъ рявкнулъ онъ однажды, выслушавъ рѣчь Кузьмы «о просвѣщеніи безъ наукъ», какъ сверкнулъ этимъ глазомъ, отшвырнувъ цыгарку, которую насыпалъ махоркой надъ коробкой изъ-подъ килекъ!

— Ослиная челюсть! Что мелешь? Обдумалъ ли, что значитъ это наше «безъ наукъ просвѣщеніе»? Смерть Жадовской — вотъ дьявольскій символъ его.

— А что жъ смерть Жадовской? — спросилъ Кузьма.

И Балашкинъ бѣшено крикнулъ:

— Забылъ? Поетесса, богачка, барыня, а утопла въ нужникѣ! Забылъ?

И опять схватилъ цыгарку и сталъ глухо ревѣть:

— Боже милостивый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили... Рылѣева удавили. Полежаева въ солдаты, Шевченку на десять годовъ въ арестанты законопатили... Достоевскаго къ разстрѣлу таскали, Гоголь съ ума

снятилъ... А Кольцовъ, Никитинъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Левитовъ? Охъ, да есть ли еще такая сторона въ мірѣ, такой народъ, будь онъ трижды проклятъ?

Тревожно теребя пуговицы длиннополаго сюртука, то застегиваясь, то разстегиваясь, хмурясь и ухмыляясь, смущенный Кузьма сказалъ въ отвѣтъ:

— Такой народъ! Величайшій народъ, а не «такой», позвольте вамъ замѣтить.

— Не смѣй призы раздавать! — опять крикнулъ Балашкинъ.

— Нѣтъ-съ, посмѣю! Вѣдь писатели-то эти — дѣти этого самаго народа.

— Да, анахвема ты этакая, Жоржъ-Зандъ-то не меньше твоей Жадовской была, а не топла же!

— Платонъ Каратаевъ — вотъ признанный типъ этого народа!

— А почему же не Ерошка, почему не Лукашка? Я, братъ, ежели литературу-то захочу тряхнуть, всѣмъ богамъ по сапогамъ найду! Почему Каратаевъ, а не Разуваевъ съ Колупаевымъ, не міроѣдъ-паукъ, не попъ-лихоимецъ, не дьякъ продажный, не Салтычиха какая-нибудь, не Карамазовъ съ Обломовымъ, не Хлестаковъ съ Ноздревымъ, али, чтобы не далеко ходить, не твой негодяй-братецъ, не Тишка Красовъ?

— Платонъ Каратаевъ...

— Вши съѣли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала!

— А русскіе мученики, подвижники, угодники, Христа ради юродивые, раскольники?

— Что-о? А Колизеи, крестовые походы, войны религіозныя, секты несмѣтныя? Лютеръ, наконецъ, того? Нѣтъ, шалишь! Мнѣ-то сразу клыкъ не сломишь!

— Такъ что жъ дѣлать, по-вашему? — крикнулъ Кузьма. — Завязать глаза да на край свѣта бѣжать?

Но тутъ Балашкинъ внезапно потухъ. Онъ закрылъ глаза, и сѣрое огромное лицо его изобразило глубокую, скорбную старость... Онъ долго что-то думалъ, опустивъ голову, и наконецъ пробормоталъ:

— Дѣлать? Не знаю... Одно знаю: пропали мы. Послѣднее — «Отечественныя Записки» — и то пристукнули! А тебѣ, дураку, все-таки одно нужно: учиться...

Да нужно было одно — учиться. Но когда, гдѣ?

Цѣлыхъ пять лѣтъ торгашества — и это въ самую лучшую пору жизни! Великимъ счастіемъ казался даже пріѣздъ въ городъ. Отдыхъ, знакомые, запахъ пекаренъ и желѣзныхъ крышъ, мостовая на Торговой улицѣ, чай, булки и персидскій маршъ въ трактирѣ «Карсъ»... Политые изъ чайниковъ полы въ лавкахъ, бой знаменита-

го перепела у дверей Рудакова, запахъ рыбнаго ряда, укропа, романовской махорки... Добрая и страшная улыбка Балашкина при видѣ подходящаго Кузьмы... Потомъ — громы и проклятія славянофиламъ, Бѣлинскій и скверная брань, безсвязное и страстное забрасываніе другъ друга именами, цитатами... И самые безнадежные выводы — въ концѣ концовъ. «Теперь-то ужъ и впрямь шабашъ, — во весь духъ ломимъ назадъ, въ Азію!» — гудѣлъ старикъ и вдругъ, понижая голосъ, озирался: «Слышалъ? Салтыковъ, говорятъ, помираетъ. Послѣдній! Отравили, говорятъ...» А на утро — опять телѣга, степь, зной или грязь, напряженно-мучительное чтеніе подъ толчки бѣгущихъ колесъ... Долгое созерцаніе степной дали, сладко-тоскливый напѣвъ стиховъ внутри, перебиваемый думами о выручкѣ или перебранкой съ Тихономъ... Волнующій запахъ дороги — пыли и дегтя... Запахъ мятныхъ пряниковъ и удушливая вонь копнячьихъ шкуръ, грязной волны, сапогъ, смазанныхъ ворванью... Поистинѣ изнурили эти годы,— усталость, по двѣ недѣли не снимаемыя рубахи, ѣда всухомятку, хромота отъ сбитыхъ въ кровь пятокъ, ночевки въ чужихъ семьяхъ, въ чужихъ избахъ и сѣнцахъ!

Широко перекрестился Кузьма, когда наконецъ выскочилъ изъ этой кабалы. Но ужъ подъ тридцать было ему, посѣрѣлъ онъ весь, трезвѣй,

серьезнѣй сталъ, бросилъ стихи, бросилъ читать: привыкъ къ трактирамъ, къ выпивкѣ. Послужилъ безъ году недѣлю у гуртовщика подъ Ельцомъ, побывалъ по его дѣламъ въ Москвѣ — и расчелся. Въ Воронежѣ давно началась у него любовь, связь съ чужой женой — туда и потянуло. И почти десять лѣтъ околачивался онъ въ Воронежѣ — возлѣ ссыпки хлѣба, маклерствуя и пописывая въ газетахъ статейки по хлѣбному дѣлу, отводя или, вѣрнѣе, растравляя душу статьями Толстого, сатирами Щедрина. И все томился неотступной думой, что пропадаетъ, пропала его жизнь.

— Вотъ, — говорилъ онъ, вспоминая эти годы: — вотъ что значитъ оно, безъ наукъ-то просвѣщеніе!

Въ началѣ девяностыхъ годовъ умеръ отъ грыжи Балашкинъ, а незадолго до того видѣлъ его Кузьма въ послѣдній разъ. И что это за свиданіе было!

— Писать надо,— хмуро и зло жаловался одинъ. — Вянешь, какъ лопухъ въ полѣ...

— Да, да, — гудѣлъ другой, уже сонно кося своимъ помертвѣвшимъ глазомъ, съ трудомъ ворочая челюстью и не попадая махоркой въ цыгарку. — Сказано: кажный часъ учись, кажный часъ мысли...гляди кругомъ-то — на всѣ бѣды и убожества наши...

Потомъ застѣнчиво ухмыльнулся, отложилъ цыгарку и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ,— забормоталъ онъ, роясь въ пачкѣ какихъ-то истершихся бумагъ и вырѣзокъ изъ газетъ.— Вотъ тутъ, другъ, куча добра... Великій, будь онъ проклятъ, голодъ былъ. И я все почитывалъ да записывалъ... Помру,— годится тебѣ. матерьялъ дьявольскій. Все цынга да тифъ, тифъ да цынга. Въ одной волости всѣ дѣтишки вымерли, въ другой — всѣхъ собакъ поѣли... Богъ свидѣтель, не брешу! Да постой, я тебѣ найду сейчасъ...

Но рылся, рылся — и не нашелъ, сталъ искать очки, сталъ тревожно шарить по карманамъ, заглядывать подъ стойку, уморился — и махнулъ рукой. И, махнувъ, насупился и замоталъ головой:

— Да нѣтъ, нѣтъ— этого ты пока и касаться не смѣй. Ты еще неучъ слабоумный. Руби древо по себѣ. На энту тему, что давалъ-то я тебѣ, про Сухоносова-то, написалъ? Нѣтъ еще? Ну, и вышелъ ослиная челюсть. Какая тема-то!

— Про деревню бы надо, про народъ,— сказалъ Кузьма.— Вотъ, сами же говорите: Россія, Россія...

— А Сухоносый не народъ, не Россія? *Да она вся — деревня, на носу заруби себѣ это!* Глянь кругомъ-то: городъ это, по-твоему? Стадо каждый вечеръ по улицамъ претъ — отъ пыли сосѣ-

да не видать...А ты — «городъ»! У, безпонятный обломъ,—тебѣ, видно, хоть колъ на головѣ теши, а ты все-таки никогда ничего не напишешь...

И ясно, твердо понялъ Кузьма, что святую правду сказалъ Балашкинъ: не писать ему. Вотъ Сухоносый... Много лѣтъ не выходилъ изъ головы этотъ гнусный слободской старикъ, все имущество котораго заключалось въ загаженномъ клопами тюфякѣ и съѣденномъ молью салопѣ, — въ наслѣдствѣ послѣ жены. Онъ побирался, болѣлъ, голодалъ, ютился за полтинникъ въ мѣсяцъ въ углу у торговки изъ «обжорнаго ряда» и, по мнѣнію ея, могъ отлично поправить свои обстоятельства продажей наслѣдства. Но онъ дорожилъ имъ, какъ зѣницей ока — и, конечно, совсѣмъ не въ силу нѣжныхъ чувствъ къ покойной: оно давало ему сознаніе, что у него есть, не въ примѣръ прочимъ, имущество. Ему казалось, что стоитъ оно дьявольски дорого: «Нынче такихъ салоповъ-то ужъ нѣтути!» Онъ не прочь, совсѣмъ не прочь былъ продать его. Но ломилъ такія нелѣпыя цѣны, что въ столбнякъ приводилъ покупателей... И Кузьма очень хорошо понималъ эту слободскую трагедію. Но, начиная обдумывать, какъ изложить ее, начиналъ жить всѣмъ сложнымъ бытомъ слободы, воспоминаніями дѣтства, молодости — и запутывался, топилъ Сухоносова въ обиліи картинъ, осаждавшихъ воображеніе, опускалъ руки, подавленный потребностью вы-

сказать свою собственную душу, выложить все, что калѣчило его собственную жизнь. А въ этой жизни страшнѣй всего было то, что она проста, обыденна, съ непонятной быстротой размѣнивается на мелочь...Да и не умѣлъ онъ писать: онъ вѣдь даже мыслить правильно и долго не умѣлъ; мучился, какъ щенокъ на соломѣ, взявшись за перо...И предсмертное пророчество Балашкина отрезвило его: не до разсказовъ тутъ! И впервые мелькнула мысль написать «Итоги», суровую и жесткую эпитафію себѣ и — Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло однако еще двѣнадцать безплодныхъ лѣтъ. Онъ маклерствовалъ въ Воронежѣ, потомъ, когда умерла въ родильной горячкѣ женщина, съ которой онъ жилъ, маклерствовалъ въ Ельцѣ, торговалъ въ свѣчной лавкѣ въ Липецкѣ, былъ конторщикомъ въ экономіи Касаткина. И жизнь его текла ровно, въ работѣ, въ будничныхъ заботахъ, — пока выпивки не превратились въ запой какъ-то внезапно. Сталъ онъ было страстнымъ приверженцемъ Толстого: съ годъ не курилъ, въ ротъ не бралъ водки, не ѣлъ мяса, не разставался съ «Исповѣдью», съ «Евангеліемъ», хотѣлъ переселиться на Кавказъ, къ духоборамъ... Но вотъ поручили ему побывать по дѣламъ въ Кіевѣ. И, выѣхавъ, онъ почувствовалъ почти болѣзненную радость, точно неожиданно выпустили его послѣ долгой неволи на полную волю. Былъ ясный конецъ сентября

— и все казалось легко, прекрасно: и чистый воздухъ и нежаркое солнце, и бѣгъ поѣзда, и открытыя окна, и цвѣтистые лѣса, мелькавшіе вдоль нихъ... Вдругъ, на остановкѣ въ Нѣжинѣ, увидѣлъ Кузьма большую толпу у дверей вокзала. Толпа окружала кого-то и кричала, волновалась, спорила. У Кузьмы застучало сердце, и онъ побѣжалъ къ ней. Быстро протолкался и увидалъ красную фуражку начальника станціи, бѣлый колпакъ повара, похожаго на гетмана, и сѣрую шинель рослаго жандарма, который распекалъ трехъ покорно, но упрямо стоявшихъ передъ нимъ хохловъ въ короткихъ толстыхъ свиткахъ, въ несокрушимыхъ сапогахъ, въ коричневыхъ бараньихъ шапкахъ. Шапки эти едва держались на чемъ-то страшномъ — на круглыхъ головахъ, увязанныхъ жесткой отъ засохшей сукровицы марлей, надъ запухшими глазами, надъ вздутыми и остеклянѣвшими лицами въ зелено-желтыхъ кровоподтекахъ, въ запекшихся и почернѣвшихъ ранахъ: хохлы были искусаны бѣшенымъ волкомъ, отправлены въ Кіевъ въ лѣчебницу и по суткамъ сидѣли чуть не на каждой большой станціи безъ хлѣба и безъ копейки денегъ. И, узнавъ, что ихъ не пускаютъ теперь только потому, что поѣздъ называется скорымъ, Кузьма внезапно пришелъ въ ярость и, подъ одобрительные крики евреевъ изъ толпы, заоралъ, затопалъ ногами на жандарма. Его задержали, составили прото-

колъ, и, ожидая слѣдующаго поѣзда, въ первый разъ въ жизни напился Кузьма до безпамятства.

Хохлы были изъ Черниговской губерніи. Всегда она представлялась ему глухимъ краемъ, съ тусклой, пасмурной синью надъ лѣсами. О временахъ Владиміра, о давней жизни, боровой, древне-мужицкой, напомнили эти люди, испытавшіе рукопашную схватку съ бѣшенымъ звѣремъ. И, напиваясь, наливая рюмки трясущимися послѣ скандала руками, Кузьма восторгался: «Ахъ, и время же было!» Онъ задохнулся отъ злобы и на жандарма и на этихъ покорныхъ скотовъ въ свиткахъ. Тупые, дикіе, будь они прокляты... Но — Русь, древняя Русь! И слезы пьяной радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественныхъ размѣровъ, застилали глаза Кузьмы. «А непротивленіе?» — вспоминалъ онъ порою и качалъ головой, ухмыляясь. Спиной къ нему, за общимъ столомъ, обѣдалъ молоденькій чистенькій офицеръ; и Кузьма ласково-нагло смотрѣлъ на его бѣлый китель, такой короткій, съ такой высокой таліей, что хотѣлось подойти, одернуть его. «И подойду! — думалъ Кузьма. — А вскочитъ, крикнетъ—въ рыло! Вотъ тебѣ и непротивленіе»... Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ и, махнувъ рукой на дѣла, три дня проходилъ, хмельной и радостно возбужденный, по городу, по обрывамъ надъ Днѣпромъ. И въ Софійскомъ соборѣ, за обѣдней, многіе съ удивленіемъ оглядыва-

ли худого и широкаго кацапа, стоявшаго передъ саркофагомъ Ярослава. Одѣтъ онъ былъ опрятно, въ рукѣ держалъ новый картузъ, стоялъ прилично, но видъ имѣлъ странный: обѣдня кончалась, народъ выходилъ и отворялъ двери, сторожа тушили свѣчи, изъ верхнихъ оконъ падали въ голубой дымъ золотыя полосы жаркаго полуденнаго солнца, онъ же, сжавъ зубы, опустивъ на грудь рѣдкую сѣрѣющую бороду и страдальчески-счастливо закрывъ глубоко запавшіе глаза, слушалъ звонъ, пѣвуче и глухо гудѣвшій надъ соборомъ — стародавній звонъ, провожавшій нѣкогда въ походы на печенѣговъ... А передъ вечеромъ видѣли Кузьму у лавры. Онъ сидѣлъ противъ воротъ ея, подъ засыхающей акаціей, возлѣ калѣки-мальчишки, съ мутной и грустной усмѣшкой глядя на бѣлыя стѣны и ограды, на золото мелкихъ куполовъ въ чистомъ осеннемъ небѣ. Мальчишка былъ безъ шапки, съ холщевой сумой черезъ плечо, въ грязной рвани на тощемъ тѣлѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ деревянную чашечку, съ копейкой на днѣ, а другой все перекладывалъ, какъ чужую, какъ вещь, свою уродливую, обнаженную до колѣна правую ногу, вялую неестественно-тонкую, дочерна загорѣлую и поросшую золотистой шерстью. Никого не было кругомъ, но, сонно и болѣзненно откинувъ стриженую, жесткую отъ солнца и пыли голову, показывая тонкія дѣтскія ключицы и не обращая

вниманія на мухъ, точившихъ его сопли, мальчишка непрестанно тянулъ:

Взгляните, мамаши,
какіе мы есть несчастные, страдащіе!
Ахъ, не дай Господь, мамаши,
такимъ страдащимъ быть!

И Кузьма ему поддакивалъ: «Такъ, такъ! Правильно!»

Одолѣвъ запой, остепенившись, онъ почувствовалъ себя уже старикомъ. Съ поѣздки въ Кіевъ сровнялись три года. И за это время несомнѣнно произошло въ немъ что-то очень важное. Какъ произошло, — онъ даже самъ опредѣлить не пытался. Слишкомъ необычна была жизнь за эти годы—и его собственная и общественная. Конечно, онъ еще въ Кіевѣ понялъ, что у Касаткина держаться ему недолго, и что впереди — нищета, потеря лика человѣческаго. Такъ и случилось. Продержался онъ еще два найма, но въ положеніи очень постыдномъ и тяжкомъ: вѣчно полупьяный, неопрятный, охрипшій, насквозь пропитаный махоркой, черезъ силу скрывающій свою непригодность къ дѣлу... Затѣмъ палъ еще ниже: вернулся въ родной городъ, проживалъ послѣдніе гроши: ночевалъ цѣлую зиму въ общемъ номерѣ на подворьѣ Ходова, дни убивалъ въ трактирѣ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Изъ этихъ грошей много ушло на глупую затѣю — на изданіе книжки стиховъ, и пришлось потомъ шатать-

ся среди посѣтителей Авдеича и навязывать имъ книжку за полъ-цѣны... Да мало того: онъ чуть шутомъ не сталъ! Разъ, въ морозное солнечное утро, стоялъ онъ на базарѣ возлѣ мучныхъ лавокъ и глядѣлъ на босяка, который кривлялся передъ купцомъ Мозжухинымъ, вышедшимъ на порогъ. Мозжухинъ, сонно-насмѣшливый, похожій лицомъ на отраженіе въ самоварѣ, занятъ былъ больше котомъ, который лизалъ его расчищенный сапогъ. Но босякъ не унимался. Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, сталъ, поднимая плечи и хрипя, декламировать:

Кто пьянствуетъ съ похмелья,
Тотъ дѣйствуетъ умно...

И Кузьма, блестя запухшими глазами, внезапно подхватилъ:

Да здравствуетъ веселье,
Да здравствуетъ вино!

А проходившая мимо старуха-мѣщанка, похожая лицомъ на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядѣла на него и, поднявъ костыль, раздѣльно, зло сказала:

— Небось, молитву-то не заучилъ такъ-то!

Ниже падать стало некуда. Но это-то и спасло его. Онъ пережилъ нѣсколько страшныхъ сердечныхъ припадковъ — и сразу оборвалъ пьянство, твердо рѣшивъ начать самую простую трудовую жизнь, снимать, напримѣръ, сады, огороды, ку-

пить гдѣ-нибудь въ родномъ уѣздѣ пчельникъ, благо осталось еще рублей полтораста...

Мысль эта сперва радовала его. «Да, это отлично, — думалъ онъ съ той скорбно-иронической усмѣшкой, которую еще такъ недавно усвоилъ себѣ: — домой пора!» И правда, нуженъ былъ отдыхъ. Такъ недавно еще началась эта огромная смута и въ немъ и вокругъ него. Но она уже сдѣлала свое дѣло. Сталъ онъ уже не тотъ, что былъ прежде. Совсѣмъ посѣрѣла его бородка, порѣдѣли, пріобрѣли желѣзный цвѣтъ его причесанные на прямой рядъ, завивавшіеся на концахъ волосы, потемнѣло и еще худѣе стало широкое въ скулахъ лицо. Обострилась наблюдательность, скептическій умъ. Утончилась, болѣзненно-чуткой стала душа, хотя и умѣлъ онъ скрывать это за серьезнымъ и даже порою твердымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ подъ чуть перекошенными бровями. Подтянулся онъ весь, меньше сталъ думать о себѣ, больше — объ окружающемъ... Но хотѣлось все-таки «домой», отдохнуть: хотѣлось работы по душѣ.

Весной, за нѣсколько мѣсяцевъ до мира съ Тихономъ, Кузьма прослышалъ, что сдается садъ въ селѣ Казаковѣ, въ родномъ уѣздѣ, и поспѣшилъ туда: мѣста глухія, черноземныя, поблизости тѣхъ, гдѣ красовскій корень.

Было начало мая; послѣ жары завернули холода, дожди, шли надъ городомъ осеннія мрач-

ныя тучи. Кузьма, въ старой чуйкѣ и старомъ картузѣ, безъ калошъ, въ однихъ сбитыхъ опойковыхъ сапогахъ, шагалъ на вокзалъ, за Пушкарную Слободу, и, качая головой, морщась отъ цыгарки въ зубахъ, заложивъ руки назадъ, подъ чуйку, улыбался: навстрѣчу ему только-что пробѣжалъ босоногій мальчишка съ кипой газетъ и на бѣгу бойко крикнулъ привычную фразу:

— Всяобщая забастовка!

— Опоздалъ, малый, — сказалъ Кузьма. — Поновѣй-то чего нѣту?

Мальчишка, блестя глазами, пріостановился.

— Новыя городовой на вокзалѣ отнялъ, — отвѣтилъ онъ.

— Ай да конституція! — ѣдко сказалъ Кузьма и двинулся дальше, прыгая среди грязи подъ темными отъ дождей, гнилыми заборами, подъ вѣтвями мокрыхъ садовъ и окнами косыхъ хибарокъ, сходившихъ подъ гору, въ конецъ городской улицы. «Чудеса въ рѣшетѣ!» — думалъ онъ, прыгая. Прежде въ такую погоду по лавкамъ, трактирамъ зѣвали, еле перекидывались словами. Теперь по всему городу — толки о Думѣ, о бунтахъ и пожарахъ, о томъ, какъ «Муронцевъ отбрилъ примѣръ-министра»... Ну, да не надолго лягушкѣ хвостъ! Въ городскомъ саду уже играетъ оркестръ стражниковъ... Казаковъ прислали цѣлую сотню... И третьяго-дня на Торговой улицѣ одинъ изъ нихъ, пьяный, подошелъ

къ открытому окну общественной библіотеки и, разстегивая штаны, предложилъ барышнѣ библіотекаршѣ купить «арихметику». Старикъ-извозчикъ, стоявшій подлѣ, сталъ стыдить его, а казакъ выхватилъ шашку, разсѣкъ ему плечо и съ матерной бранью кинулся по улицѣ за летящими куда попало, ошалѣвшими отъ страха прохожими и проѣзжими...

— Кошкодеръ, кошкодеръ, завалился подъ заборъ! — тонкими голосами завопили за Кузьмой дѣвчонки, прыгавшія по камнямъ мелкаго слободского ручья. -— Тамъ кошекъ дерутъ, ему лапку дадутъ!

— У, паршивыя! — цыкнулъ на нихъ, замахиваясь желѣзной коробкой, шедшій впереди Кузьмы кондукторъ въ страшно тяжелой даже на видъ шинели. — Ровесника нашли!

Но по голосу можно было понять, что онъ сдерживаетъ смѣхъ. Старыя глубокія калоши кондуктора были въ засохшей грязи, хлястикъ шинели висѣлъ на одной пуговицѣ. Бревенчатый мостикъ, по которому онъ шелъ, лежалъ косо. Дальше, возлѣ рвовъ, промытыхъ вешней водой, росли чахлыя лозинки. И Кузьма невесело взглянулъ и на нихъ, и на соломенныя крыши по слободской горѣ, на дымчатыя и синеватыя тучи надъ ними, и на рыжую собаку, грызшую во рву кость. На днѣ рва сидѣлъ на корячкахъ мѣщанинъ въ жилеткѣ сверхъ ситцевой косоворотки и

съ неловкой, глупой улыбкой пялилъ вверхъ выпученные глаза, бѣлѣвшіе на красномъ отъ натуги лицѣ. Когда съ нимъ поровнялся Кузьма, онъ отъ неловкости сказалъ:

— Это на васъ дѣвчонки-то? Ишь, чертенявы, съ малолѣтства къ озорству привыкаютъ!

— Сами же и научаете ихъ, — отвѣтилъ Кузьма, хмурясь.

«Да, да,— думалъ онъ, поднимаясь на гору.— Не надолго лягушкѣ хвостъ!...» Поднявшись, вздохнувъ сырымъ полевымъ вѣтромъ, увидавъ среди пустыхъ зеленыхъ полей красныя вокзальныя постройки, онъ опять ухмыльнулся. Парламентъ, депутаты! Вчера воротился онъ изъ сада, гдѣ, по случаю праздника, была иллюминація, взвивались ракеты, а стражники играли «Тореадора» и «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста», «Матчишъ» и «Тройку», вскрикивая среди галопа:«Эй, мила-и!»—вернулся и сталъ звонить у воротъ своего подворья. Дергалъ, дергалъ гремящую проволоку—ни души. Ни души и кругомъ, тишина, сумерки, холодное зеленоватое небо на закатѣ за площадью въ концѣ улицы, надъ головой — тучи...Наконецъ плетется кто-то за воротами, кряхтитъ. Гремитъ ключами и бормочетъ:

— Въ отдѣлку охромѣлъ...

— Отчего это? — спросилъ Кузьма.

— Лошадь убила, — отвѣтилъ отворявшій и,

распахнувъ калитку, прибавилъ: — Ну, теперь еще двое осталось.

— Это судейскіе, что ли?

— Судейскіе.

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорятъ, рѣку хотѣлъ отравить. —

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ занимаются?

— А чума ихъ знаетъ...

На окраинѣ слободы, возлѣ порога глиняной мазанки, стоялъ высокій старикъ въ опоркахъ. Въ рукѣ у старика была длинная орѣховая палка, и, увидавъ проходящаго, онъ поспѣшилъ притвориться гораздо болѣе старымъ, чѣмъ былъ, — взялъ палку въ обѣ руки, поднялъ плечи, сдѣлалъ усталое, грустное лицо. Сырой, холодный вѣтеръ, дувшій съ поля, трепалъ космы его сѣрыхъ волосъ. И Кузьма вспомнилъ отца, дѣтство... «Русь, Русь! Куда мчишься ты?» — пришло ему въ голову восклицаніе Гоголя. — «Русь, Русь!.. Ахъ, пустоболты, пропасти на васъ нѣту! Вотъ это будетъ почище — «депутатъ хотѣлъ рѣку отравить»... Да, но съ кого и взыскивать-то? Несчастный народъ, прежде всего — несчастный!...» И на маленькіе зеленоватые глаза Кузьмы навернулись слезы — внезапно, какъ это стало часто случаться за послѣднее время. Забрелъ онъ недавно въ трактиръ Авдеича на Ба-

бьемъ базарѣ. Вошелъ во дворъ, утопая по щиколку въ грязи, и со двора поднялся во второй этажъ — «дворянскую половину» — по такой вонючей, насквозь сгнившей деревянной лѣстницѣ, что даже его, человѣка, видавшаго виды, затошнило; съ трудомъ отворилъ тяжелую, сальную дверь въ клокахъ войлока, въ рваныхъ ветошкахъ вмѣсто обивки, съ блокомъ изъ веревки и кирпича, — и ослѣпъ отъ чада, дыма, блеска жестяныхъ рефлекторовъ за стѣнными лампочками, оглохъ отъ звона посуды на стойкѣ, говора, топота бѣгущихъ во всѣ стороны половыхъ и гнусаваго крика граммофона. Затѣмъ прошелъ въ дальнюю комнату, гдѣ народу было меньше, сѣлъ за столикъ, спросилъ бутылку меду... Подъ ногами, на затоптанномъ и заплеванномъ полу — ломтики высосаннаго лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стѣны напротивъ сидитъ длинный мужикъ въ лаптяхъ и блаженно улыбается, мотаетъ лохматой головой, прислушиваясь къ кричащему граммофону. На столикѣ — сотка водки, стаканчикъ, крендели. Но мужикъ не пьетъ, а только мотаетъ головой, смотритъ на лапти и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Кузьмы, открываетъ радостные глаза, поднимаетъ чудесное доброе лицо въ рыжей вьющейся бородѣ. «Ну, залетѣлъ!» — восклицаетъ онъ радостно и изумленно. И спѣшитъ добавить — въ оправданіе: «У меня, господинъ,

братъ тутъ служа... Братъ родной»... И, сморгнувъ слезы, Кузьма стиснулъ зубы. У, анаѳемы, до чего затоптали, забили народъ! «Залетѣлъ»! Это къ Авденчу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказалъ: «Ну, прощай!»— поспѣшно поднялся и мужикъ и отъ полноты счастливаго сердца, съ глубокой благодарностью и за свѣтъ, и за роскошь обстановки, и за то, что поговорили съ нимъ по-человѣчески, поспѣшно отвѣтилъ: «Не прогнѣвайтесь»...

Въ вагонахъ прежде разговаривали только о дождяхъ и засухахъ, о томъ, что «цѣны на хлѣбъ Богъ строитъ». Теперь у многихъ въ рукахъ шуршали газетные листы, а толкъ шелъ опять-таки о Думѣ, о свободахъ, отчужденіи земель — никто и не замѣчалъ проливного дождя, шумѣвшаго по крышамъ, хотя ѣхалъ народъ все жадный до весеннихъ дождей — хлѣботорговцы, мужики, мѣщане съ хуторовъ. Прошелъ молодой солдатъ съ отрѣзанной ногой, въ желтухѣ, съ черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяшкой, снимая манджурскую папаху и, какъ нищій, крестясь при каждомъ подаяніи. И поднялся шумный негодующій говоръ о правительствѣ, о министрѣ Дурново и какомъ-то казенномъ овсѣ... Издѣваясь, вспомнили то, чѣмъ прежде наивно восхищались: какъ «Витя», чтобы напугать японцевъ въ Портсмутѣ, приказывалъ свои чемоданы увязывать... Сидѣвшій противъ

Кузьмы молодой человѣкъ, стриженый бобрикомъ, покраснѣлъ, заволновался и поспѣшилъ вмѣшаться:

— Позвольте, господа! Вотъ вы говорите — свобода... Вотъ я служу письмоводителемъ у податного инспектора и посылаю статейки въ столичныя газеты... Развѣ это его касается? Онъ увѣряетъ, что онъ тоже за свободу, а между тѣмъ узналъ, что я написалъ о ненормальной постановкѣ нашего пожарнаго дѣла, призываетъ меня и говоритъ: «Если ты еще будешь, сукинъ сынъ, писать эти штуки, я тебѣ голову отмотаю!» Позвольте: если мои взгляды лѣвѣе его...

— Взгляды? — альтомъ карлика вдругъ крикнулъ сосѣдъ молодого человѣка, толстый скопецъ въ сапогахъ бутылками, мучникъ Черняевъ, все время косившій на него свиными глазками. И, не давъ ему опомниться, завопилъ:

— Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то лѣвѣе? Да я тебя еще безъ портокъ видалъ! Да ты съ голоду околѣвалъ, не хуже отца своего, побирушки! Ты у инспектора-то ноги долженъ мыть да юшку пить!

— Кон-сти-ту-у-ція, — тонкимъ голосомъ, перебивая скопца, запѣлъ Кузьма и, поднявшись съ мѣста, задѣвая колѣни сидящихъ, пошелъ по вагону къ дверямъ.

Ступни у скопца были маленькія, полныя и противныя, какъ у какой-нибудь старой ключни-

цы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, какъ гуттаперча, губы тонкія... Да хорошъ и Полозовъ, — учитель прогимназіи, тотъ, что такъ ласково кивалъ головой, слушая скопца и опираясь на трость, — коренастый, холеный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ сапожкахъ съ голенищами подъ сѣрыми панталонами, въ сѣрой шляпѣ и сѣрой крылаткѣ, ясноглазый, съ круглымъ носомъ и роскошной русой бородой во всю грудь. Учитель, а на указательномъ пальцѣ — тяжелый золотой перстень-печать. И ужъ домикъ имѣетъ — приданое за дочерью протопопа. Ступни тоже маленькія, руки короткія, пальцы — обрубочки; чистоплотенъ и аккуратенъ — на рѣдкость, каждый день въ купальню ходитъ... и анаѳема, говорятъ, не приведи Господи! Нѣтъ, все-таки мужики-то и мѣщане — не чета такимъ. И, отворивъ дверь на площадку вагона, Кузьма глубоко вздохнулъ холодной и душистой дождевой свѣжестью. Дождь глухо гудѣлъ по навѣсу надъ площадкой, лилъ съ него ручьями, и на Кузьму летѣли брызги. Послѣ города опьянялъ полевой воздухъ, смѣшанный съ волнующимъ запахомъ паровознаго дыма. Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстрѣчу, опускаясь и подымаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокамъ бѣжали густыя свѣже-зеленыя опушки орѣшника. Пестрая куча мальчишекъ вдругъ выскочила изъ-подъ насыпи и звонко хоромъ

закричала что-то. Кузьма засмѣялся отъ удовольствія, и все лицо его покрылось мелкими морщинами. А поднявъ глаза, онъ увидалъ на противоположной площадкѣ странника: доброе, измученное крестьянское лицо, сѣдую бороду, широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мѣшокъ и жестяной чайникъ за плечами, на тонкихъ ногахъ — лапти. Странникъ тоже улыбался. И Кузьма крикнулъ ему сквозь грохотъ и шумъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣдъ?

— Антономъ... Антонъ Безпалыхъ, — съ милой готовностью отвѣтилъ слабымъ крикомъ странникъ.

— Съ богомолья?

— Изъ Воронежа...

— Жгутъ тамъ помѣщиковъ?

— Жгутъ...

— И чудесно!

— Ась?

— Чудесно, говорю! — крикнулъ Кузьма.

И, отвернувшись, дрожащими руками, смаргивая набѣжавшія слезы, сталъ свертывать цыгарку... Но мысли уже опять спутались. «Странникъ — народъ, а скопецъ и учитель — не народъ? Рабство отмѣнили всего сорокъ пять лѣтъ назадъ, — что жъ и взыскивать съ этого народа? Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ.

Русь — подъ русскимъ игомъ, братушки разные — подъ турецкимъ, галичане — подъ австрійскимъ, о полякахъ — и говорить нечего... Ай да великая славянская семья!» И лицо Кузьмы опять потемнѣло и осунулось. Косясь по сторонамъ, онъ сталъ перебирать пальцы, ломать ихъ и хрустѣть суставами.

На четвертой станціи онъ слѣзъ и нанялъ подводу. Мужики-извозчики просили сперва семь рублей, — до Казакова было двѣнадцать верстъ, — потомъ пять съ полтиной. Наконецъ одинъ сказалъ: «Троякъ отдашь — повезу, а то и языкъ трепать нечего. Нынче вамъ не прежнее»... Но не выдержалъ тона и прибавилъ привычную фразу: «Опять же корма дорогіе»... И повезъ за полтора. Грязь была непролазная, телѣга маленькая, еле живая, лошаденка — ушастая, какъ оселъ, слабосильная. Медленно потянулись со двора станціи, мужикъ, сидѣвшій на грядкѣ, сталъ томиться, дергая веревочныя вожжи, какъ бы желая всѣмъ своимъ существомъ помочь лошади. Онъ на станціи хвастался, что ее «не удержишь», и теперь, видимо, стыдился. Но что было хуже всего — такъ это онъ самъ. Молодой, огромный, довольно полный, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ, въ короткомъ чекменѣ, подпоясанномъ оборкой, и въ старомъ картузѣ на прямыхъ желтыхъ волосахъ. Пахнетъ курной избой, коноплей, — пахарь временъ царя Горо-

ха, да и только! — лицо бѣлое, безусое, а горло распухшее, голосъ сиплый.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Кузьма.

— Звали Ахванасьемъ...

«Ахванасьемъ!» — подумалъ Кузьма съ сердцемъ.

— А дальше?

— Меньшовъ... Н-но, анчихристъ!

— Дурная, что ль? — кивнулъ Кузьма на горло.

— Ну, ужъ и дурная, — пробормоталъ Меньшовъ, отводя глаза въ сторону. — Квасу холоднаго напился...

— Да глотать-то больно?

— Глотать — нѣтъ, не больно...

— Ну, значитъ, и не болтай попусту, — сказалъ Кузьма строго. — Налаживай-ка лучше въ больницу поскорѣе. Женатый небось?

— Жанатый...

— Ну, вотъ видишь. Пойдутъ дѣти — и наградишь ты ихъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ это какъ пить дать, — согласился Меньшовъ.

И, томясь, сталъ дергать вожжи. «Но-но... Сладу съ тобой нѣту, анчихристъ!» Наконецъ бросилъ это безполезное занятіе и успокоился. Долго молчалъ и вдругъ спросилъ:

— Собрали, купецъ, Думу-то, ай нѣтъ?

— Собрали.

— А Макаровъ-то, говорятъ, живъ, — только не велѣлъ сказывать...

Кузьма только плечами вздернулъ: чортъ знаетъ что въ этихъ степныхъ головахъ! «А богатство-то какое!» — думалъ онъ, мучительно сидя съ поднятыми колѣнями на голомъ днѣ телѣги, на клокѣ соломы, крытомъ веретьемъ, и оглядывая улицу. Еще холоднѣе стало, еще мрачнѣе шли съ сѣверо-запада тучи надъ этимъ черноземнымъ краемъ, пересыщеннымъ дождями. Грязь на дорогахъ — синеватая, жирная, зелень деревьевъ, травъ, огородовъ — темная, густая, и на всемъ — этотъ синеватый тонъ чернозема и тучъ. Но избы — глиняныя, маленькія, съ навозными крышами. Возлѣ избъ — разсохшіяся водовозки. Вода въ нихъ, конечно, съ головастиками... Вотъ богатый дворъ. На огородахъ за старыми лозинами, пчельникомъ и садикомъ изъ трехъ-четырехъ яблонь-лѣсовокъ, — старая темная рига. Варокъ, ворота, изба — все подъ одной крышей, подъ старновкой въ начесъ. Изба кирпичная, въ двѣ связи, простѣнки разрисованы мѣломъ: на одномъ — палочка и по ней вверхъ — рогульки, — елка, на другомъ что-то въ родѣ пѣтуха; окошечки тоже окаймлены мѣломъ — зубцами. «Творчество! — ухмыльнулся Кузьма. — Пещерныя времена, накажи Богъ, пещерныя!» На дверяхъ пунекъ — кресты, написанные углемъ, у крыльца —

большой могильный камень, — видно, дѣдъ или бабка про смерть приготовили... Да, дворъ богатый. Но грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья, и по ней, качаясь и взмахивая крылышками, ходитъ желтенькій цыпленокъ. Окошечки — крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: палати, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями... А семья большая, дѣтей много, зимой — ягнята, телята... И сырость, угаръ такой, что зеленый паръ стоитъ. А дѣти хнычутъ— и орутъ, получая подзатыльники; невѣстки ругаются — «чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!» — желаютъ другъ другу «подавиться кускомъ на Великъ день»; старушонка-свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то на другую... Золъ, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями; деретъ за волосы женатыхъ сыновьевъ, и они порою противно, по-мужицки плачутъ...

— Чей дворъ? — спросилъ Кузьма.

— Красновыхъ, — отвѣтилъ Меньшовъ и прибавилъ: — Тоже всѣ въ дурной...

За Красновыми повернули на выгонъ. Село было большое, выгонъ тоже. На немъ налаживалась ярмарка. Уже кое-гдѣ торчали остовы палатокъ,

навалены были колеса, глиняная посуда; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло оладьями; сѣрѣла походная кибитка цыганъ, и возлѣ колесъ ея сидѣли овчарки на цѣпяхъ. Налѣво виднѣлись избы, направо — складъ теса, двѣ городскія лавки, пекарня. Дальше, возлѣ казеннаго кабака, стояла тѣсная толпа дѣвокъ, мужиковъ и раздавались вскрикиванья.

— Гуляетъ народъ, — задумчиво сказалъ Меньшовъ.

— Это съ какой радости?—спросилъ Кузьма.

— Надѣется...

— На что?

— Извѣстно, на что... На домового!

И правда. На пустомъ выгонѣ, въ сумрачный холодный день, эти взвизгиванія и звуки двухъ ливенокъ, ладившихъ другъ другу, казались жалкими, терялись въ чемъ-то будничномъ, скучномъ и старомъ. Народъ переживаетъ что-то новое, что-то празднуетъ, но вѣритъ ли въ свой праздникъ? Ой, наврядъ! — думалъ Кузьма, подъѣзжая и глядя на бѣлыя, розовыя, зеленыя юбки дѣвокъ, на равнодушныя, грубо накрашенныя лица, на оранжевые, золотистые и малиновые платочки. Телѣга подъѣхала къ толпѣ и остановилась. Меньшовъ не спускалъ съ нея глазъ и оскалялся. Тутъ звуки уже не казались жалкими, — ливенки жадно вторили другъ другу,

и въ ладъ имъ, среди одобрительнаго гама пьяныхъ, лихо раздавались прибаутки.

— И-ихъ! — крикнулъ кто-то подъ крѣпкій глухой топотъ:

Не пахать, не косить —
Дѣвкамъ жамки носить!

И невысокій мужикъ, стоявшій сзади толпы, вдругъ взмахнулъ руками. Все на немъ было домовито, чисто, прочно — и лапти, и онучи, и новые тяжевые портки, и очень коротко, кургузо подрѣзанная сборчатая юбка поддевки изъ страшно толстаго сиваго сукна. Онъ, вѣрно, и не плясалъ-то отъ роду, но тутъ вдругъ мягко и ловко топнулъ лаптями, взмахнулъ руками, теноромъ крикнулъ: «Разступись, дай купцу глянуть!» — и, вскочивъ въ разомкнувшійся кругъ, отчаянно затрясъ портками передъ молодымъ высокимъ малымъ, который, склонивъ картузъ, дьявольски вывертывалъ сапогами и, вывертывая, сбрасывалъ съ себя, съ новой ситцевой рубахи, черную поддевку. Лицо малаго было сосредоточено, мрачно, блѣдно и потно, но тѣмъ сильнѣе и неожиданнѣе казались его взвизгиванья.

— Сынокъ! Желанный! — вопила, среди гама и дробнаго топота, старушка въ паневѣ, протягивая руки. — Будя тебѣ за ради Христа! Жаланный, будя — помрешь!

И сынокъ вдругъ вскинулъ голову, сжалъ ку-

лаки и зубы и съ яростнымъ лицомъ и топотомъ крикнулъ сквозь зубы:

Ццыцъ, бабка, не кукуй...

— А она и такъ послѣдніе холсты для него продала, — говорилъ Меньшовъ, тащась по выгону. — Любитъ она его безъ памяти, — дѣло вдовье, — а онъ почесть кажный день кордуетъ ее, пьяный... Знать, того стоитъ.

— Это какимъ же манеромъ — «того стоитъ»? — спросилъ Кузьма.

— А такимъ... Не потакай...

Да, въ городѣ, въ вагонахъ, по деревнямъ, по селамъ, — всюду чувствовалось что-то необычное, отзвуки какого-то большого праздника, какой-то большой побѣды и большихъ ожиданій. Но ужъ въ слободѣ понялъ Кузьма, что чѣмъ дальше въ эти безпредѣльныя поля, подъ холодное сумрачное небо, тѣмъ все глуше, нелѣпѣе и тоскливѣе становятся эти отзвуки. Вотъ отъѣхали — и опять стали жалкими крики въ толпѣ у кабака. Тамъ праздникъ, пытаются «гулять», а впереди — скука, глушь, пустая улица, курныя избы, водовозки съ вонючей прудовкой и опять — поля, синева холодной дали, темный лѣсокъ на горизонтѣ, низкія тучи...

У одной избы — съ выбитымъ окномъ и колесомъ на гнилой крышѣ — сидитъ на скамейкѣ длинный больной мужикъ — краше въ гробъ

кладутъ. Похожъ на Некрасова. На плечи, на длинную и грязную замашную рубаху, накинутъ старый полушубокъ; ноги, какъ палки, стоятъ въ валенкахъ, большія мертвыя руки ровно лежатъ на острыхъ колѣняхъ, на протертыхъ порткахъ. На лобъ по-стариковски надвинута шапка, глаза замученные, просящіе, нечеловѣчески-худое лицо вытянуто, губы пепельныя, по-[illegible]ыя...

— [illegible] Чучень, — сказалъ Меньшовъ, кивая на [illegible]го. — Отъ живота второй годъ помираетъ.

— Чучень? Это что жъ — прозвище?

— Прозвишша...

— Глупо! — сказалъ Кузьма.

И отвернулся, чтобы не видѣть дѣвчонки возлѣ слѣдующей избы: она, перевалившись назадъ, держала на рукахъ ребенка въ чепчикѣ, пристально глазѣла на проѣзжихъ и, высовывая языкъ, нажевывала, готовила для ребенка соску изъ чернаго хлѣба... А на крайнемъ огородѣ-гумнѣ гудѣли отъ вѣтра лозинки, трепалось покосившееся пугало пустыми рукавами. Гумно, что выходитъ въ степь, всегда неуютно, скучно, а тутъ еще это пугало, осеннія тучи, и гудитъ вѣтеръ съ поля, раздуваетъ хвосты куръ, бродящихъ по току, заросшему лебедой и чернобыльникомъ, возлѣ риги съ раскрытымъ хребтомъ, возлѣ голубой молотилки-рязанки...

Лѣсокъ, синѣвшій на горизонтѣ, — двѣ длинныхъ лощины, заросшихъ дубнякомъ, — назывался Порточками. И около этихъ Порточекъ захватилъ Кузьму проливной дождь съ градомъ, провожавшій до самаго Казакова. Лошаденку Меньшовъ гналъ подъ селомъ вскачь, а Кузьма, зажмурясь, сидѣлъ подъ мокрымъ холоднымъ веретьемъ. Руки костянѣли отъ стужи, за воротъ чуйки текли ледяныя струйки, отяжелѣвшее подъ дождемъ веретье воняло прѣлымъ закромомъ. Въ голову стучали градины, летѣли лепешки грязи, въ колеяхъ, подъ колесами, шумѣла вода, гдѣ-то блеяли ягнята... Наконецъ стало такъ душно, что Кузьма отшвырнулъ веретье съ головы назадъ и жадно глотнулъ свѣжій воздухъ. Дождь рѣдѣлъ, вечерѣло, мимо телѣги по зеленому выгону бѣжало къ избамъ стадо. Тонконогая черная овца отбилась въ сторону, и за ней гонялась, накрывшись мокрой юбкой, блестя бѣлыми икрами, босая баба. На западѣ, за селомъ, свѣтлѣло, на востокѣ, на сизо-пыльномъ фонѣ тучи, надъ хлѣбами, стояли двѣ зелено-фіолетовыхъ дуги. Густо и влажно пахло зеленью полей и тепло — жильемъ.

— Гдѣ тутъ господскій дворъ? — крикнулъ Кузьма плечистой бабѣ въ бѣлой рубахѣ и красной шерстяной юбкѣ.

Баба стояла на камнѣ возлѣ избы сотскаго и держала за руку голосившую дѣвочку лѣтъ

двухъ. Дѣвочка голосила такъ яростно, что вопросъ пропалъ даромъ.

— Дворъ? — повторила баба. — Чей?

— Господскій.

— Чей? Ничего не слыхать... А, да захлебнись ты, родимецъ те расшиби! — крикнула баба, дернувъ дѣвочку за руку такъ сильно, что та перевернулась и, полетѣвъ съ камня, повисла.

Разспросили въ другомъ дворѣ. Проѣхали широкую улицу, взяли влѣво, потомъ вправо и мимо чьей-то старосвѣтской усадьбы съ забитымъ наглухо домомъ стали спускаться подъ крутую гору, къ мосту черезъ рѣчку. Съ лица, съ волосъ, съ чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его съ бѣлыми крупными рѣсницами казалось еще тупѣе. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ куда-то впередъ. Глянулъ и Кузьма. На томъ боку, на покатомъ выгонѣ — темный казаковскій садъ, широкій дворъ, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками — обшитый сѣрымъ тесомъ домъ подъ ржаво-красной крышей. Внизу, у моста — кучка мужиковъ. А навстрѣчу, на крутой размытой дорогѣ, бьется въ грязи, вытягивается вверхъ тройка худыхъ рабочихъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ. Оборванный, но красивый батракъ, стройный, блѣдный, съ красноватой бородкой, съ умными глазами,

стоялъ возлѣ тройки, дергалъ вожжи и, надсаживаясь, кричалъ: «Н-но! Н-но-о!» А мужики съ гоготомъ и свистомъ подхватывали: «Тпру! Тпру!» И отчаянно простирала впередъ руки сидѣвшая въ тарантасѣ молодая женщина въ трауръ, съ крупными слезами на длинныхъ рѣсницахъ, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ. Ужасъ, напряженіе были и въ бирюзовыхъ глазахъ толстаго рыжеусаго человѣка, сидѣвшаго съ ней рядомъ. Обручальное кольцо блестѣло на его правой рукѣ, сжимавшей револьверъ; лѣвой онъ все махалъ, и, вѣрно, ему было очень жарко въ верблюжьей поддевкѣ и дворянскомъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ. А со скамеечки противъ сидѣнья съ кроткимъ любопытствомъ озирались дѣти — мальчикъ и дѣвочка, блѣдные отъ холода и усталости, закутанные въ шали.

— Это Мишка Сиверскій, — громко и сипло сказалъ Меньшовъ, объѣзжая тройку и равнодушно глядя на дѣтей. — Его сожгли вчерась... Видно, стоитъ того...

Дѣлами господъ Казаковыхъ правилъ староста, бывшій солдатъ-кавалеристъ, человѣкъ рослый и грубый. Къ нему, въ людскую, и надо было обратиться, какъ сказалъ Кузьмѣ работникъ, въѣзжавшій на дворъ въ телѣгѣ съ накошенной крупной мокро-зеленой травой. Но у старосты случилось въ этотъ день два несчастія — умеръ

ребенокъ и околѣла корова — и встрѣченъ былъ Кузьма неласково. Когда онъ, оставивъ Меньшова за воротами, подошелъ къ людской, заплаканная старостиха несла отъ сада рябую курицу, смирно сидѣвшую у нея подъ мышкой. Среди колоннокъ на ветхомъ крыльцѣ стоялъ высокій молодой человѣкъ, въ шароварахъ, длинныхъ сапогахъ и ситцевой косовороткѣ, и, увидавъ старостиху, крикнулъ:

— Агаѳья, куда-й-то ты ее несешь?

— Рѣзать, — отвѣтила старостиха серьезно и печально, останавливаясь возлѣ ледника.

— Дай-ка я зарѣжу.

И молодой человѣкъ направился къ леднику, не обращая вниманія на дождь, снова начавшій накрапывать съ насупившагося неба. Отворивъ дверь ледника, онъ взялъ съ порога топоръ — и черезъ минуту раздался короткій стукъ, и безголовая курица, съ краснымъ обрубочкомъ шеи, побѣжала по травѣ, спотыкнулась и завертѣлась, трепыхая крыльями и разбрасывая во всѣ стороны перья и брызги крови. Молодой человѣкъ кинулъ топоръ и направился къ саду, а старостиха, поймавъ курицу, подошла къ Кузьмѣ:

— Тебѣ что?

— Насчетъ сада, — сказалъ Кузьма.

— Ѳедоръ Иваныча подожди.

— А гдѣ онъ?

— Сейчасъ съ поля пріѣдетъ.

И Кузьма сталъ ждать у открытаго окна людской. Онъ заглянулъ туда, увидѣлъ въ полутьмѣ печь, нары, столъ, корытце на лавкѣ у окна — гробикъ корытцемъ, гдѣ лежалъ мертвый ребенокъ съ большой, почти голой головкой, съ синеватымъ личикомъ... За столомъ сидѣла толстая слѣпая дѣвка и большой деревянной ложкой ловила изъ миски молоко съ кусками хлѣба. Мухи, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли надъ ней, ползали по мертвому личику, потомъ падали въ молоко, но слѣпая, сидя прямо, какъ истуканъ, и уставивъ въ сумракъ бѣльма, ѣла и ѣла. Кузьмѣ стало страшно, и онъ отвернулся. Порывами дулъ холодный вѣтеръ, отъ тучъ становилось все темнѣе. Среди двора возвышались два столба съ перекладиной, на перекладинѣ, какъ икона, висѣла большая чугунная доска: значитъ, по ночамъ боялись, били въ нее. По двору валялись худыя борзыя собаки. Мальчикъ лѣтъ восьми бѣгалъ среди нихъ, возилъ на тележкѣ бѣлоголоваго бурдастаго братишку въ большомъ черномъ картузѣ — и тележка неистово визжала. Домъ былъ сѣръ, грузенъ и, должно быть, чертовски скученъ въ эти сумерки. «Хоть бы огонь зажгли!» — подумалъ Кузьма. Онъ смертельно усталъ, ему казалось, что онъ выѣхалъ изъ города чуть не годъ тому назадъ. Вдругъ послышался вой, лай — и изъ воротъ сада растерянно вы-

скочила, таща другъ друга, бокомъ, куда попало прядая, озираясь и стараясь разорваться, пара собакъ, — гончая сука и дворовый кобель, — головами въ разныя стороны. За ними, что-то крича, бѣжалъ барчукъ...

А вечеръ и ночь Кузьма провелъ въ саду, въ старой банѣ. Староста, пріѣхавъ верхомъ съ поля, сердито сказалъ, что «садъ давно сдаденъ», а на просьбу о ночлегѣ только нагло изумился: «Однако ты уменъ! — ни съ того ни съ сего крикнулъ онъ. — Постоялый дворъ какой нашелъ! Много васъ теперь такихъ шатается»... Но смилостивился — и разрѣшилъ итти въ баню... Кузьма расчелся съ Меньшовымъ и пошелъ мимо дома къ воротамъ липовой аллеи. Изъ темныхъ раскрытыхъ оконъ, изъ-за желѣзныхъ сѣтокъ отъ мухъ, гремѣлъ рояль, покрываемый великолѣпнымъ баритональнымъ теноромъ, затѣйливыми вокализами, совершенно не идущими ни къ вечеру ни къ усадьбѣ. По грязному песку покатой аллеи, въ концѣ которой, какъ на краю свѣта, тускло бѣлѣло облачное небо, не спѣша двигался навстрѣчу Кузьмѣ невысокій темно-рыжій мужичокъ съ ведромъ въ рукѣ, распоясанный, безъ шапки и въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Ишь, ишь! — насмѣшливо говорилъ онъ на ходу, прислушиваясь къ вокализамъ. — Ишь раздолѣвается, пузо его лопни.

— Кто раздолѣвается? — спросилъ Кузьма.

Мужичокъ поднялъ голову и пріостановился.

— Да баггчукъ-то, — весело сказалъ онъ, сильно картавя.—Говорятъ, семой годъ такъ-то!

— Это какой-же, — что собакъ гналъ?

— Н-нѣтъ, другой... Да это еще что! Иной разъ какъ примется кричать: «Нонче ты, завтра я...» — прямо бяда-а!

— Учится, вѣрно?

— Хороша ученье!

— А тотъ, другой, что же дѣлаетъ?

— Энтотъ-то? — Мужичокъ, сдержанно-насмѣшливо улыбаясь, передохнулъ.—Да ничего.. Чего жъ ему, — харчи хорошіе, забава есть: Ѳедька подкидываетъ бутылочки, а онъ палитъ по нимъ; на-пору купитъ у мужика бороду, отрѣжетъ и забьетъ ружье, ради смѣху... Опять-же—собаки: у насъ ихъ прямо гибель. Въ воскресный день какъ вдарятъ въ колокола — подхватятъ всей оравой... содомъ чистый! Третеводни загрызли мужицкаго кобеля... мужики во дворъ: — «Давай на ведро — и шабашъ. А то забастовку сейчасъ исдѣлаемъ»...

— Что жъ, дали?

— Ужли жъ нѣтъ? Да-ашь, бра-атъ! Мельникъ тутъ есть... Вышелъ прямо къ крыльцу и говоритъ: «Вѣтеръ-то, господа-дворяне, съ поля дуетъ!» Вотъ и поймп его. Барчукъ было похорохорился: — «Это что жъ за вѣтеръ такой?» —

А такой, говоритъ, — я тебѣ загадалъ, а ты подумай...» Сразу, братъ, улечилъ его!

Все это было разсказано какъ будто небрежно, вскользь, съ передышками, но съ такой ѣдкой усмѣшкой и картавостью — «сггазу, бггатъ!» — что Кузьма внимательно глянулъ на встрѣчнаго. Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку, длинные. Лицо небольшое, незначительное, старинно-русское, суздальской работы. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками — ястребиные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опуститъ вѣки — картавый дурачокъ, подниметъ — даже жутко немного.

— Ты въ саду сидишь? — спросилъ Кузьма.

— Въ саду. А то гдѣ же?

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Акимъ... А тебя?

— Я садъ хотѣлъ снять.

— Вона... хватился!

И Акимъ, насмѣшливо мотнувъ головой, пошелъ своей дорогой.

Вѣтеръ дулъ все порывистѣе, сыпля брызги съ ярко-зеленыхъ деревьевъ, за садомъ, гдѣ-то низко, гремѣлъ глухой громъ, блѣдно-голубые сполохи озаряли аллею, и повсюду пѣли соловьи. Совершенно непонятно было, какъ могутъ они такъ старательно, въ такомъ упорномъ за-

бытьѣ. такъ сладко и сильно цокать, щелкать и разсыпаться подъ этимъ тяжкимъ свинцово-облачнымъ небомъ, среди гнущихся отъ вѣтра деревьевъ, въ густыхъ мокрыхъ кустахъ. Но еще непонятнѣе было, какъ проводятъ караульщики на этомъ вѣтру ночи, какъ спятъ они на сырой соломѣ подъ навѣсомъ гнилого шалаша!

Караулило трое. И всѣ были больны. Одинъ, молодой, худощавый, симпатичный, бывшій пекарь, уволенный прошлой осенью за стачку, теперь босякъ, еще не утратившій крестьянскаго облика, жаловался на лихорадку; у другого, тоже босяка, но уже застарѣлаго, была чахотка, хоть онъ говорилъ, что ему ничего, «только промежъ крыльевъ холодитъ»; Акимъ страдалъ «куриной слѣпотой» — отъ худосочія плохо видѣлъ въ сумеркахъ. Пекарь, блѣдный и ласковый, сидѣлъ, когда подошелъ Кузьма, возлѣ шалаша на корточкахъ и, засучивъ на худыхъ, слабыхъ рукахъ рукава женской ватной кофты, промывалъ въ деревянной чашкѣ пшено. Чахоточный Митрофанъ, человѣкъ небольшого роста, широкій и темнолицый, похожій на дагомейца, весь въ мокромъ отрепьѣ и опоркахъ, сбитыхъ и жесткихъ, какъ старое лошадиное копыто, стоялъ возлѣ пекаря и, поднявъ плечи, карими блестящими глазами, расширенными и ничего не выражающими, глядѣлъ на его работу. Акимъ притащилъ ведро воды и разводилъ, поддувалъ въ земляной

печуркѣ противъ шалаша огонь. Онъ входилъ въ шалашъ, выбиралъ тамъ пуки соломы посуше и опять шелъ къ пахуче дымившему подъ чугуномъ костру, все бормоча что-то, дыша со свистомъ и насмѣшливо-загадочно, небрежно улыбаясь на подтруниванья сотоварищей, зло и ловко срѣзая ихъ порою. А Кузьма закрывалъ глаза и слушалъ то разговоръ, то соловьевъ, сидя на сырой скамейкѣ возлѣ шалаша, осыпаемый ледяными брызгами, когда по аллеѣ, подъ сумрачнымъ, вздрагивавшимъ отъ блѣдныхъ зарницъ небомъ проносился сырой вѣтеръ и глухо погромыхивалъ громъ. Подъ ложечкой сосало отъ голода и тютюна. Кулешъ, казалось, никогда не поспѣетъ, изъ головы не выходила мысль, что, можетъ, и самому придется жить такой же звѣриной жизнью, какъ эти караульщики... и что впереди — только старость, болѣзни, одиночество и нищета. Тѣло ныло, и раздражали порывы вѣтра, дальній однообразный громъ, соловьи и медлительная, небрежно-ѣдкая картавость Акима, его скрипучій голосъ.

— Ты бы, Акимушка, хоть поясокъ-то купилъ, — притворно-просто говорилъ пекарь, закуривая, продолжая трунить и все поглядывая на Кузьму, — приглашая его послушать Акима.

— Вотъ погоди, — разсѣянно - насмѣшливо отвѣчалъ Акимъ, сливая изъ закипѣвшаго котелка въ чашку бѣлую жижу. — Вотъ отживемъ

у хозяина лѣто — сапоги тебѣ со скрипомъ куплю.

— «Со скггипомъ»! Да я у тебя не прошу.

— А самъ въ опоркахъ!

И Акимъ сталъ заботливо пробовать съ ложки жижу.

Пекарь смутился и вздохнулъ:

— Ужъ гдѣ намъ сапоги носить!

— Да будетъ вамъ, — сказалъ Кузьма: — вы вотъ лучше скажите, это у васъ, небось, каждый день все кулешъ да кулешъ?

— А тебѣ чего жъ — рыбки, ветчинки захотѣлось? — спросилъ Акимъ, не оборачиваясь и облизывая ложку. — Она бы ничего такъ-то: водочки осьмушку, сомовинки хунтика три, хвостикъ ветчинки, чайку хруктоваго... А это не кулешъ, а называется рѣденькая кашка. Кулешъ на закуску.

— А щи, похлебку варите?

— У насъ, братъ, были онѣ, щи-то, да какія еще! На кобеля плеснешь — шерсть соскочитъ!

— Ну, похлебочки бы...

— А гдѣ ихъ, картохъ-то, взять? У мужука, у чорта, братъ, не укупишь! У мужука среди зимы снѣгу не выпросишь.

Кузьма покачалъ головой:

— А вѣдь это ты отъ болѣзни такъ золъ! Полѣчился бы, что-ли, маленько...

Акимъ, не отвѣтивъ, опустился на корточки

передъ огнемъ. Огонь уже потухалъ. подъ чугуномъ краснѣла горка тонкихъ угольковъ; садъ темнѣлъ и темнѣлъ, и голубые сполохи, при порывахъ вѣтра, раздувавшихъ рубаху Акима, уже стали блѣдно озарять лица. Митрофанъ сидѣлъ рядомъ съ Кузьмой, опершись на палку, пекарь — на пнѣ подъ липой. Услыхавъ послѣднія слова Кузьмы, онъ сталъ серьезенъ.

— А я такъ полагаю, — сказалъ онъ покорно и грустно, — что не иначе, какъ все Господь. Не дасть Господь здоровья. такъ никакіе доктора тебѣ не помогутъ. Вонъ Акимъ правду говоритъ: раньше смерти не помрешь.

— Доктора! — подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: дохтогга!.. — Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я бъ ему, доктору-то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ!

— Не всѣ блюдутъ, — сказалъ Кузьма.

— Я всѣхъ не видалъ.

— Ну, и не бреши, если не видалъ, — строго сказалъ Митрофанъ и обратился къ пекарю: — Да и ты хорошъ: ишь, распѣлся сиротой казанской! Небось, кабы не валялся по-собачьи на земи, не корежило бы тебя такъ-то.

— Да вѣдь я... — началъ-было пекарь.

Но тутъ насмѣшливое спокойствіе внезапно покинуло Акима. И, выкативъ свои безсмыслен-

ные ястребиные глаза, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ съ запальчивостью идіота:

— Что? Это я-то не бреши? Ты былъ въ больницѣ-то? Былъ? А я былъ! Я въ ней семь денъ сидѣлъ, — много онъ мнѣ булокъ-то давалъ, дохторъ-то твой? Много?

— Да дуракъ, — перебилъ Митрофанъ: — булки не всѣмъ же полагаются: это по болѣзни.

— А! По болѣзни! Ну, и подавись онъ ими, пузо его лопни! — крикнулъ Акимъ.

И, бѣшено озираясь, шваркнулъ ложку въ «рѣденькую кашку» и пошелъ въ шалашъ.

Тамъ онъ, со свистомъ дыша, зажегъ лампочку, и въ шалашѣ стало уютно. Потомъ досталъ откуда-то изъ-подъ крыши ложки, кинулъ ихъ на столъ и крикнулъ: «Несите, что ль, кулешъ-то!» Пекарь всталъ и пошелъ за чугунчикомъ. «Милости просимъ», — сказалъ онъ, проходя мимо Кузьмы. Но Кузьмѣ было непріятно ѣсть вмѣстѣ съ Акимомъ. Онъ попросилъ хлѣба, круто посолилъ его и, съ наслажденіемъ жуя, опять вернулся къ скамейкѣ. Стало совсѣмъ темно. Блѣдноголубой свѣтъ все шире, быстрѣе и ярче озарялъ шумящія деревья, точно раздуваемый вѣтромъ, и при каждомъ сполохѣ мертвенно-зеленая листва становилась на мгновеніе видна, какъ днемъ, послѣ чего все заливалось могильной чернотою. Соловьи смолкли, — сладко и сильно цокалъ и разсыпался только одинъ — надъ самымъ шала-

шомъ. А въ шалашѣ, вокругъ лампочки, уже опять текла мирно-ироническая бесѣда. «Даже и не спросили, кто я, откуда? — думалъ Кузьма. — Народъ, пропади онъ пропадомъ!» И шутливо крикнулъ въ шалашъ:

— Акимъ! А ты и не спросилъ даже: кто я, откуда?

— А на что ты мнѣ нуженъ-то? — отвѣтилъ Акимъ равнодушно.

— Я вотъ его о другомъ спрашиваю, — послышался голосъ пекаря: — сколько онъ отъ Думы земли чаетъ получить? Какъ думаешь, Акимушка? А?

— Я не письменный, — сказалъ Акимъ. — Тебѣ изъ навозу виднѣй.

И пекарь, должно-быть, опять смутился: на минуту наступило молчаніе.

— Это онъ насчетъ нашего брата, — заговорилъ Митрофанъ. — Я разсказывалъ какъ-то, что въ Ростовѣ бѣдный народъ, проталеріатъ то-есть, зимой въ навозѣ спасается...

— Выйдетъ за городъ, — радостно подхватилъ Акимъ, — и — въ навозъ! Зароется не хуже свиньи — и горя мало.

— Дуракъ! — отрѣзалъ Митрофанъ и такъ строго, что Кузьма обернулся. — Чего гогочешь? Дуракъ слѣпой, раскоряка! Застигнетъ бѣдность — зароешься!

Акимъ, опустивъ ложку, сонно посмотрѣлъ на

него. И съ той же внезапной запальчивостью, какъ и давеча, раскрылъ свои пустые ястребиные глаза и бѣшено крикнулъ:

— А-а! Бѣдность! По часамъ захотѣлъ работать?

— А какъ же? — бѣшено крикнулъ и Митрофанъ, раздувая свои дагомейскія ноздри и въ упоръ глядя на Акима блестящими глазами. — Двадцать часовъ за двугривенный?

— А-а! А тебѣ бы часъ за цѣлковый?.. Дюже жаденъ, пузо твое лопни!

Но ссора столь же быстро и потухла, какъ разгорѣлась. Черезъ минуту Митрофанъ уже спокойно говорилъ, обжигаясь кулешомъ:

— Это онъ-то не жаденъ! Да онъ, дьяволъ слѣпой, за копейку въ алтарѣ удавится. Вѣрите ли — жену за пятиалтынный продалъ! Ей-Богу, не шучу. Тамъ у насъ въ Липецкѣ есть такой старичокъ, Панковъ прозывается, тоже прежде садовничалъ, ну, а теперь на покоѣ и очень любитъ это дѣло...

— Да Акимъ-то тоже изъ-подъ Липецка? — перебилъ Кузьма.

— Изъ Студенки, изъ деревни, — равнодушно сказалъ Акимъ, точно и не про него шелъ толкъ.

— Вѣрно, вѣрно, — подтвердилъ Митрофанъ. — Закоренѣлый мужикъ. При братѣ живетъ, землей, дворомъ сообча владѣетъ съ нимъ, но только все-таки въ родѣ какъ замѣсто дурачка,

и жена отъ него, конечно, ужъ сбѣжала; а отчего сбѣжала — какъ разъ отъ этого отъ самаго: сторговался съ Панковымъ за пятиалтынный, чтобъ пустить его, замѣсто себя, ночью въ клѣть — и пустилъ.

Акимъ молчалъ, постукивая ложкой по столу и глядя на лампочку. Онъ уже наѣлся, утерся и теперь что-то думалъ.

— Брехать, малый, не пахать, — сказалъ онъ наконецъ. — А хоть бы и пустилъ: ай она слиняетъ?

И, прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными деревянными морщинами.

— Вотъ бы изъ ружья-то его! — сказалъ онъ особенно скрипуче и картаво. — Такъ бы и кувыркнулся!

— Это ты про кого же? — спросилъ Кузьма.

— Да про соловья-то энтого...

Кузьма сжалъ зубы и, подумавъ, сказалъ:

— А стерва ты мужикъ. Звѣрь.

— Поцѣлуй меня въ с—ку таперь, — отозвался Акимъ. И, икнувъ, поднялся:

— Ну, что жъ дагтомъ огонь-то жечь?

Митрофанъ сталъ завертывать цыгарку, пекарь — убирать ложки, а онъ вылѣзъ изъ-за стола, повернулся къ лампочкѣ спиной и, поспѣшно перекрестившись три раза, съ размаху поклонился въ темный уголъ шалаша, встрях-

нулъ мочальными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ молитву. Отъ него пала на какіе-то тесовые ящики и переломилась большая тѣнь, а самъ онъ показался Кузьмѣ еще меньше, чѣмъ давеча. Кузьма вспомнилъ, какъ былъ онъ когда-то на призывѣ: призывалось пятьсотъ человѣкъ, взять нужно было всего сто двадцать, ему достался четыреста девяносто второй номеръ — и все-таки чуть было не пришлось раздѣваться: такъ браковали этихъ голыхъ подростковъ, похожихъ на голыхъ воробьевъ своими тонкими, какъ плети, руками и большими, тугими животами. Акимъ опять торопливо перекрестился и опять съ размаху поклонился — и Кузьма уже съ ненавистью взглянулъ на него. Вотъ Акимъ молится — и попробуй-ка спросить его, вѣритъ ли онъ въ Бога! Изъ орбитъ выскочатъ его ястребиные глаза! Ему вѣдь кажется — никто на свѣтѣ не вѣритъ такъ, какъ онъ. Онъ до глубины души убѣжденъ, что въ угоду Богу, да чтобъ и люди не осудили, надо строго-настрого исполнять даже малѣйшее изъ того, что положено по отношенію къ церкви, постамъ, праздникамъ, добрымъ дѣламъ, что для спасенія души, — не по добротѣ же, конечно! — неукоснительно слѣдуетъ творить эти дѣла, ставить свѣчи, въ постъ ѣсть рыбку да маслице, а въ праздники — праздновать и ублажать пирогами и курятиной попа... И всѣ твердо вѣрятъ, что Акимъ очень вѣрую-

щій человѣкъ, хотя за всю свою жизнь ни разу не подумалъ этотъ Акимъ: да что же такое его Богъ? — какъ никогда не думалъ онъ ни о небѣ ни о землѣ, ни о рожденіи ни о смерти... Что ему думать! За него обдумали! У него на все есть отвѣты — спокойные, тысячу лѣтъ тому назадъ заготовленные. Онъ вѣдь знаетъ: на небѣ — рай, ангелы, праведные, въ аду — черти и грѣшники, на землѣ — люди, которые пашутъ, строятъ, торгуютъ, наживаютъ денежки, женятся, живутъ въ свое удовольствіе... Не всѣ, конечно, далеко не всѣ, да что жъ съ этимъ подѣлаешь? Стремиться-то все-таки люди должны къ этому — и ужъ придетъ времечко, покажетъ себя Акимъ! — подумалъ Кузьма, какъ всегда, съ изумленіемъ и ужасомъ вспоминая погромы. Ну, а тайна рожденія и смерти — это его не касается. По рожденіи надо быть перекрещеннымъ, да по-нашему, по-русски, а не по-собачьи — по-турецки или французски. Умирая — непремѣнно пріобщиться, иначе ада не миновать, а всего лучше особороваться. Вотъ и все. Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о цвѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унизится — просто давитъ ихъ. Растенія онъ замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ — и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ — для за-

бавы. Звѣрей надо всѣхъ, до единаго, истребить, а къ животнымъ относиться разно: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ — выстегивать глаза кнутомъ, ломать ноги...

«И какое ему дѣло, — съ тоской подумалъ Кузьма: — какое ему дѣло, разъ онъ не хозяйствуетъ, что идетъ недѣлю дождь, градъ, гремитъ громъ, сверкаютъ зарницы... что, небось, онѣ озаряютъ теперь мертвое синее личико въ темной, полной мухъ избѣ, гдѣ спитъ эта слѣпая дѣвка...»

Казалось, что годъ тому назадъ выѣхалъ онъ изъ города и что никогда-то теперь не доберешься до него. Тяготилъ мокрый картузъ, ныли холодныя ноги, сжатыя грязными сапогами. Лицо за день обвѣтрилось, горѣло. Тѣло было разбито телѣгой и неуютностью, жаждой отдыха. Но спать — нѣтъ, еще не заснешь. Поднявшись со скамьи, Кузьма пошелъ навстрѣчу сырому вѣтру, къ воротамъ въ поле, къ пустоши давно упраздненнаго погоста. Изъ шалаша падалъ на грязь слабый свѣтъ, но, какъ только Кузьма отошелъ, Акимъ дунулъ на лампочку, свѣтъ исчезъ, и сразу наступила ночь. Голубоватая зарница блеснула еще смѣлѣе и неожиданнѣй, раскрыла все небо, всю глубину сада до самыхъ отдаленныхъ яблонь, гдѣ стояла баня, и вдругъ залила все такой чернотой, что закружилась го-

лова. И опять гдѣ-то низко загремѣлъ глухой дальній громъ и изъ-за шума деревьевъ и гула донесся отрывистый визгъ, лай — грызня собакъ, пировавшихъ за садомъ надъ дохлой коровой. Постоявъ и различивъ тусклый просвѣтъ въ воротахъ, Кузьма вышелъ на дорогу, пролегавшую мимо вала, мимо шумящихъ старыхъ липъ и кленовъ, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. На картузъ, на руки опять посыпался дождь. Но хотѣлось додумать то, что началъ. Вдругъ опять глубоко распахнулась черная тьма, засверкали капли дождя, и на пустоши, въ мертвенно-голубомъ свѣтѣ, вырѣзалась фигура мокрой тонкошеей лошади. Блѣдное, металлически-зеленое поле овсовъ мелькнуло за пустошью на чернильномъ фонѣ, а лошадь подняла голову — и Кузьмѣ стало жутко. Лошадь быстро потонула въ темнотѣ, но — чья она? почему не спутана? почему шатается безъ призора?.. И Кузьма повернулъ къ воротамъ. Въ канавѣ подъ валомъ, въ мокрыхъ лопухахъ и крапивѣ, кто-то не то рычалъ, не то храпѣлъ. Спотыкаясь, протягивая, какъ слѣпой, руки впередъ, Кузьма приблизился къ канавѣ.

— Кто тутъ? — крикнулъ онъ.

Но храпъ былъ мертвецки-пьяный, крѣпкій, захлебывающійся. Да и все кругомъ спало глубокимъ сномъ. Зарницы потухали, сонныя, невидимыя въ темнотѣ деревья шумѣли подъ усили-

вающимся дождемъ глухо и хмуро... А когда Кузьма ощупью добрался наконецъ до бани, дождь обрушился на землю съ такой силой, что, какъ въ дѣтствѣ, стали мелькать страшныя мысли о потопѣ. Онъ дернулъ спичкой, увидалъ широкія нары возлѣ окошечка и, свернувъ чуйку, кинулъ ее въ изголовье. Въ темнотѣ влѣзъ на нары и съ глубокимъ вздохомъ растянулся на нихъ, легъ по-стариковски, на спину, и закрылъ усталые глаза. Боже мой, какая нелѣпая и тяжкая поѣздка! И какъ это онъ попалъ сюда? Въ барскомъ домѣ теперь тоже тьма, и зарницы на лету, украдкой отражаются въ зеркалахъ... Въ шалашѣ, подъ проливнымъ дождемъ, спитъ Акимъ... Вотъ въ этой банѣ не разъ, конечно, видали чертей: вѣритъ ли Акимъ хоть въ чорта какъ слѣдуетъ? Нѣтъ. Вѣрили тысячу лѣтъ тому назадъ. Акимъ же только машинально принялъ наслѣдство. Но, не вѣря, онъ все-таки съ увѣренностью разсказываетъ о томъ, какъ его покойникъ-дѣдъ — непремѣнно дѣдъ и непремѣнно покойникъ — пошелъ разъ въ ригу за хоботьемъ, а чортъ сидитъ себѣ на водилѣ, ножки переплелъ, лохматый, какъ собака... И, выставивъ одно колѣно, Кузьма положилъ кисть руки на лобъ и сталъ, вздыхая и тоскуя, задремывать...

Лѣто онъ провелъ въ ожиданіи мѣста. Ночью въ казаковскомъ саду стало ясно, что мечты о садахъ — глупы. Возвратясь въ городъ и хоро-

шенько обдумавъ свое положеніе, началъ онъ искать мѣста — приказчика, конторщика; потомъ сталъ соглашаться на любое — лишь бы былъ кусокъ хлѣба. Но поиски, хлопоты, просьбы пропадали даромъ. И охватило отчаяніе: да какъ же это онъ не видалъ, что ему и надѣяться-то нечего! Въ городѣ онъ давнымъ-давно слылъ за большого чудака. Пьянство и бездѣлье превратили его въ посмѣшище. Жизнь его сперва изумляла городъ, потомъ стала казаться подозрительной. Да и правда: гдѣ это видано, чтобы мѣщанинъ въ его годы жилъ на подворьѣ, былъ холостъ и нищъ, какъ шарманщикъ: всего имущества — сундучокъ да тяжелый старый зонтъ! И Кузьма сталъ посматривать въ зеркало: что это, въ самомъ дѣлѣ, за человѣкъ передъ нимъ? Ночуетъ въ «общемъ номерѣ», среди чужихъ, пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ людей, утромъ плетется по жарѣ на базаръ, въ трактиры, гдѣ ловитъ слухи о мѣстахъ; послѣ обѣда спитъ, потомъ сидитъ у окна и читаетъ Костомарова, глядитъ на пыльную бѣлую улицу и блѣдно-голубое отъ жары небо... Для кого и для чего живетъ на свѣтѣ этотъ широкій въ кости, но худой и уже сѣдой отъ голода и строгихъ думъ мѣщанинъ, называющій себя анархистомъ и не умѣющій толкомъ объяснить, что значитъ — анархистъ? Сидитъ, читаетъ; вздохнетъ, пройдется по комнатѣ; опустится на корточки, отомкнетъ свой сундучокъ;

переложитъ поаккуратнѣе истрепанныя книжки и рукописи, двѣ-три линючихъ косоворотки, старый длиннополый сюртукъ, жилетку, истершееся метрическое свидѣтельство... И опуститъ руки. Къ чему все это? Какое убожество, одиночество. А что впереди — и подумать жутко. Тихонъ бездѣтенъ, богатъ, да онъ и на похороны трынки не дастъ...

И лѣто тянулось безконечно долго. Распустили Думу, но это не нарушило однообразія жаркихъ длинныхъ дней. Ждали великаго деревенскаго бунта, но никто и бровью не повелъ, когда не произошло ровно ничего великаго. Устраивались новыя свирѣпыя избіенія евреевъ, изо дня въ день шли казни, разстрѣлы, но городъ даже интересоваться пересталъ ими. Въ уѣздѣ, по усадьбамъ, побаивались,—особенно послѣ того знаменитаго дня, когда взбунтовались мужики по чьему-то «распоряженію». Но что за дѣло городу до уѣзда? Казаковъ прислали еще сотню. Мѣстную газетку закрывали три раза и наконецъ доконали, продажу столичныхъ запретили. На афишахъ опять стали печатать: «Съ дозволенія начальства, проѣздомъ черезъ здѣшній городъ», да и афиши-то опять пошли гнусныя: пріѣхали малороссы, завлекавшіе на представленіе «знаменитой исторической драмы Тарасъ Бульба, убійца своего родного сына» тѣмъ, что «участвуетъ вся труппа», гопакомъ, «роскошными ко-

стюмами» и «безплатными подарками» — дойной коровой и чайнымъ сервизомъ, «стоимостью семьдесятъ пять рублей»: появились скороходы и предсказатели судьбы, какіе-то жулики, показывающіе человѣческое безобразіе — близнецовъ, бородатую женщину, дѣвицу четырнадцати пудовъ, «чудо XX вѣка — живое чудовище, пойманное въ Красномъ морѣ» и лежавшее дохлымъ въ жестяной ваннѣ за ситцевой занавѣской...

— Будь проклятъ день рожденія моего въ этой трижды проклятой сторонѣ! — говорилъ иногда Кузьма, швыряя на столъ газету, закрывая глаза и стискивая зубы. — На весь міръ нужно было бы кричать теперь: ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ!

— А вотъ ты докричишься, — спокойно возражалъ ему кто-нибудь.

И переводилъ разговоръ на урожай, засуху. И Кузьма смолкалъ: событія были столь жестоки, что человѣческой воспріимчивости не хватало.

Въ уѣздѣ изрѣдка перепадали дожди, но въ городѣ съ самаго мая до августа, день въ день стояла адская сушь. Угловой домъ подворья жарился на солнцѣ. По ночамъ отъ духоты кровь стучала въ голову, и будилъ каждый звукъ за открытыми окнами. А на сѣновалѣ нельзя было спать отъ блохъ, крика молодыхъ пѣтуховъ и вони навознаго двора. Да и курить запрещалось: хозяинъ былъ толстъ, слабъ и нервенъ, какъ

старая баба... Все лѣто не покидала Кузьму надежда съѣздить въ Воронежъ. Ахъ, какъ не цѣнилъ онъ дней молодости! Хоть бы отъ поѣзда до поѣзда побродить по воронежскимъ улицамъ, посмотрѣть на знакомые тополя, на тотъ голубенькій домикъ за городомъ... Да зачѣмъ? Истратить десять, пятнадцать рублей, а потомъ отказывать себѣ въ свѣчкѣ, въ булкѣ? Да и стыдно старику предаваться любовнымъ воспоминаніямъ. А что до Клаши, такъ его ли еще дочь-то она? Видѣлъ онъ ее года два тому назадъ: сидитъ у окна, плететъ кружево, обликъ милый и скромный, но похожа только на мать... Что скажетъ онъ ей, если даже рѣшится зайти? Какими глазами взглянетъ на старика Ивана Семеныча? — И время текло невыносимо скучно. Даже пріѣзжихъ не было. За весь іюль останавливался только какой-то молодой дьяконъ, по-семинарски чудаковатый. Приходилъ повидаться съ нимъ родственникъ, но ушелъ ни съ чѣмъ: дьяконъ былъ на базарѣ, а фамилію свою — Краснобаевъ — написалъ на доскѣ по-латыни: Бенедиктовъ...

Къ осени Кузьма убѣдился, что необходимо или по святымъ мѣстамъ уйти, въ монастырь какой-нибудь, или — махнуть рукой и опять запить, на зло кому-то. Однажды, отомкнувъ сундучокъ, нашелъ онъ «Исповѣдь» Толстого, развернулъ ее и прочиталъ надпись карандашомъ, сдѣланную имъ съ пьяныхъ глазъ, еще у Касаткина: «Всѣхъ

отучить отъ водки нельзя». Мѣсяца два тому назадъ онъ только поморщился бы, — глупая надпись! — теперь же ухмыльнулся и подумалъ: «А не послать ли все къ чортовой матери, не прожечь ли все до нитки, да не дернуть ли по горлу бритвой?» Наступала осень. Уже пахло на базарѣ яблоками, сливами. Навезли гимназистовъ. Начались бѣга. Стало солнце садиться за Щепной площадью: выйдешь изъ воротъ вечеромъ и, переходя перекрестокъ, ослѣпнешь: налѣво вся улица, упирающаяся вдали въ площадь, залита низкимъ скучнымъ блескомъ. Сады за заборами — въ пыли, паутинѣ. Идетъ Полозовъ навстрѣчу — на немъ крылатка, но шляпу уже смѣнилъ картузъ съ кокардой. Въ городскомъ саду ни души. Забита раковина музыкантовъ, забитъ кіоскъ, гдѣ продавали лѣтомъ кумысъ и лимонадъ, закрытъ дощатый буфетъ. И однажды, сидя возлѣ этой раковины, Кузьма такъ затосковалъ, что не шутя задумался о самоубійствѣ. Солнце садилось, свѣтъ его былъ красноватый, летѣла мелкая розовая листва по аллеѣ, дулъ холодный вѣтеръ. Въ соборѣ звонили ко всенощной, и подъ этотъ мѣрный густой звонъ, уѣздный, субботній, душа ныла нестерпимо. Вдругъ подъ раковиной послышался кашель, кряхтѣнье... «Мотька», — подумалъ Кузьма. И правда: вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы Мотя-Утиная-Головка. Былъ онъ въ рыжихъ солдатскихъ сапогахъ, въ

очень длинномъ гимназическомъ мундирѣ, обсыпанномъ мукой, — видно, базаръ позабавился,— и въ соломенной шляпѣ, много разъ попадавшей подъ колеса. Не раскрывая глазъ, отплевываясь и шатаясь съ похмелья, онъ прошелъ мимо, даже не попросивъ покурить. Кузьма, сдерживая слезы, самъ окликнулъ его:

— Моть! Иди потолкуемъ, покуримъ...

И Мотька вернулся, сѣлъ на скамью, сталъ сонно, шевеля бровями, завертывать цыгарку, но, кажется, плохо соображалъ, кто это рядомъ съ нимъ, кто это жалуется ему на свою судьбу...

А на другой день тотъ же Мотька принесъ Кузьмѣ записку Тихона. И петля, опять было-захлеснувшая Кузьму, вдругъ лопнула.

Въ концѣ сентября онъ переѣхалъ въ Дурновку.

III.

Помѣстье при Дурновкѣ было хуторское. Оно прежде такъ и называлось — хуторъ. Дурново владѣли нѣсколькими помѣстьями и занимали главное, на Зушѣ. Аѳанасій Нилычъ, затравившій Цыгана, только наѣзжалъ въ Дурновку—по пути съ охоты. Нилу Аѳанасьевичу, предводительствовавшему дворянствомъ, было не до хуторовъ: онъ всю жизнь устраивалъ обѣды да пилъ хересъ въ клубѣ, славясь своей полнотой, аппетитомъ, звонкимъ шопотомъ,— у него было серебряное горло,—щедростью, остротами и разсѣянностью. Рѣдко заглядывалъ въ Дурновку и сынъ его, уланъ, носившій имя дѣда. Уланъ считался еще крупнымъ помѣщикомъ. Выйдя въ отставку, онъ рѣшилъ нажить милліоны, показать, какъ надо хозяйствовать. Но въ полѣ бывать уланъ не любилъ, да и губила его страсть къ покупкамъ: онъ покупалъ чуть не все, на что падалъ его взглядъ. Губили и поѣздки въ Москву, влюбчивость... Сыну его, не кончившему лицея, достались уже только два хутора — Лаухино и Дурновка. И лицеистъ такъ разорилъ ихъ, что въ послѣдній годъ пребыванія его въ Дурнов-

кѣ караулила усадьбу старая стряпуха, ходившая по ночамъ съ колотушкой и въ рыжей енотовой шубѣ... «Да что жъ,— думалъ Кузьма, до слезъ обрадованный предложеніемъ Тихона и глубоко затаившій свою радость.— Хуторъ, такъ хуторъ! Это-то и хорошо: ужъ, по крайности, подлинная глушь, татарщина!»

Когда-то Илья Мироновъ года два жилъ въ Дурновкѣ. Былъ въ ту пору Кузьма совсѣмъ ребенокъ, и остались у него въ памяти только темнозеленые пахучіе коноплянники, въ которыхъ тонула Дурновка, да еще одна темная лѣтняя ночь: ни единаго огня не было въ деревнѣ, а мимо ихъ избы шли, бѣлѣя въ темнотѣ рубахами, «девять дѣвокъ, девять бабъ, десятая удова», всѣ босыя, простоволосыя, съ метлами, дубинами, вилами, и стоялъ оглушительный звонъ и стукъ въ заслонки, въ сковороды, покрываемый дикой хоровой пѣснью: вдова тащила соху, рядомъ съ ней шла дѣвка съ большой иконой, а прочія звонили, стучали и, когда вдова низкимъ голосомъ выводила:

Ты, коровья смерть,
Не ходи въ наше село!—

хоръ, на погребальный ладъ, протяжно вторилъ:

Мы опахиваемъ —

и, тоскуя, рѣзкими горловыми голосами подхватывалъ:

Со ладаномъ, со крестомъ...

Теперь видъ у дурновскихъ полей былъ будничный. Коноплянники исчезли, а осень и безъ того оголила поля, огороды, задворки. Ѣхалъ Кузьма съ Воргла веселый и слегка хмельной: Тихонъ Ильичъ угощалъ его за обѣдомъ наливкой, а Настасья Петровна, за чаемъ послѣ обѣда, двумя сортами варенья; Тихонъ Ильичъ былъ очень добръ въ этотъ день, вспоминалъ молодость, дѣтство,— какъ они ѣли черепенники, какъ улюлюкали за Собачьимъ-Пистолетомъ и учились у Бѣлкина, — называлъ жену тетенькой, трунилъ надъ ея душеспасительными поѣздками къ монахинѣ Полукарпіи, сказалъ насчетъ жалованья Кузьмы: «сочтемся, братуша, сочтемся — не обижу...», кратко отозвался о революціи: «рано пташечка запѣла,—кабы кошечка не съѣла!..» Ѣхалъ Кузьма на буромъ меринѣ, а вокругъ него разстилалось море сухихъ бурыхъ пашенъ. Почти лѣтнее солнце, прозрачный воздухъ, блѣдно-голубое ясное небо,—все радовало и обѣщало долгій покой. Сѣдой, корявой полыни,вывороченной съ корнемъ сохами, было такъ много, что ее возили возами. Подъ самой усадьбой стояла на пашнѣ лошаденка, съ репьями въ холкѣ,и телѣга, высоко нагруженная полынью, а подлѣ лежалъ Яковъ, босой въ короткихъ запыленныхъ порткахъ и длинной посконной рубахѣ, и, придавивъ бокомъ большого сѣдого кобеля, держалъ его за ухо. Кобель рычалъ и косился.

— Ай кусается?— крикнулъ Кузьма.

— Лютъ — мочи нѣтъ! — торопливо отозвался Яковъ, поднимая свою косую бороду.— На морды лошадямъ сигаетъ...

И Кузьма засмѣялся отъ удовольствія. Ужъ мужикъ — такъ мужикъ, степь — такъ степь!

А дорога шла подъ изволокъ, и горизонтъ суживался. Впереди зеленѣла новая желѣзная крыша риги, казавшаяся потонувшей въ глухомъ низкорослом садy. За садомъ, на противоположномъ косогорѣ, стоялъ длинный рядъ избъ изъ глинобитныхъ кирпичей, подъ соломой. Справа, за пашнями, тянулся большой логъ, входившій въ тотъ, что отдѣлялъ усадьбу отъ деревни. И тамъ, гдѣ лога сходились, блестѣлъ подъ солнцемъ прудъ, а на мысу между ними торчали крылья двухъ раскрытыхъ вѣтряковъ, окруженныхъ нѣсколькими избами однодворцевъ,— Мысовыхъ, какъ назвалъ ихъ Оська,— и бѣлѣла на выгонѣ вымазанная мѣломъ школа.

— Что жъ, учатся ребятишки-то? — спросилъ Кузьма.

— Обязательно,— сказалъ Оська.— Ученикъ у нихъ — бядовый!

— Какой ученикъ? Учитель, что ли?

— Ну, учитель, одна честь. Вышколилъ, говорю, ихняго брата — куда годишься. Солдатъ. Бьетъ не судомъ, да зато у него приложено ужъ все! Заѣхали мы какъ-то съ Тихономъ Ильи-

чемъ — какъ вскочутъ всѣ разомъ да какъ гаркнутъ: «Здравія желаемъ!» — гдѣ тебѣ и солдатамъ такъ-то!

И опять засмѣялся Кузьма.

А когда проѣхали гумно, прокатили по убитой дорогѣ мимо вишневаго сада и повернули влѣво, на длинный дворъ, подсохшій, золотившійся подъ солнцемъ, даже сердце заколотилось: вотъ онъ и дома наконецъ. И, взойдя на крыльцо, переступивъ порогъ, Кузьма вздохнулъ и, перекрестившись, низко поклонился темной иконѣ въ углу прихожей...

И долго было ему не до того, есть у русскаго народа будущее или нѣтъ. Онъ ходилъ по усадьбѣ, на деревню, по часамъ сидѣлъ на порогахъ избъ, на гумнахъ, присматриваясь къ дурновцамъ, наслаждаясь возможностью дышать чистымъ воздухомъ, болтать съ новыми сосѣдями.

Противъ дома, задомъ къ Дурновкѣ, къ широкому логу, стояли амбары. Съ крыльца видна была половина деревни, за амбарами — прудъ и часть мыса: вѣтрякъ и школа. Солнце всходило налѣво, за полями, за чугункой на горизонтѣ. По утрамъ прудъ блестѣлъ въ свѣтломъ и свѣжемъ пару, а изъ сада за домомъ пахло красными и черными листьями, яблоками, бурьянами, росой. Комнаты были малы и пусты. Въ кабинетѣ, окленномъ старыми нотами, была ссыпана рожь, въ «залѣ» и «гостиной» стояло только нѣсколько

вѣнскихъ стульевъ съ продранными сидѣньями да большой раздвижной столъ. Гостиная выходила окнами въ садъ, и почти всю осень Кузьма ночевалъ въ ней на продавленномъ диванѣ, не закрывая оконъ. Полъ никогда не мели: за кухарку временно жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и къ ребятишкамъ своимъ бѣгать, и себѣ кое-что стряпать, и Кузьмѣ съ работникомъ. Кузьма самъ ставилъ по утрамъ самоваръ, потомъ сидѣлъ подъ окномъ въ залѣ, пилъ чай съ яблоками. Въ утреннемъ блескѣ, за свѣтлымъ паромъ надъ пашнями, проходилъ по утрамъ поѣздъ — и надъ нимъ бѣжали назадъ розовые клубы. Густо дымились крыши деревни. Садъ свѣжо благоухалъ, на амбарахъ лежала серебристая изморозь. А въ полдень солнце стояло надъ деревней, на дворѣ было жарко, въ саду рдѣли клены и липы, тихо роняя листья, и просторъ, прозрачный сухой воздухъ полей полны были тишины и мира. Голуби, пригрѣтые солнцемъ, весь день спали на скатѣ кухонной крыши, желтѣвшей новой соломой въ ясномъ синемъ небѣ. Отдыхалъ послѣ обѣда работникъ. Однодворка уходила домой. А Кузьма бродилъ. Онъ шелъ на гумно, радуясь солнцу, твердой дорогѣ, высохшимъ бурьянамъ, побурѣвшему подсвекольнику, милому позднему цвѣту голубого цикорія и тихо летѣвшему по воздуху пуху татарокъ. Пашни въ полѣ блестѣли

подъ солнцемъ шелковистыми сѣтями чуть видной паутины, затянувшей ихъ на необозримое пространство. По огороду на сухихъ репейникахъ сидѣли щеглы. На гумнѣ, въ глубокой тишинѣ, на припекѣ, горячо сипѣли кузнечики... Съ гумна Кузьма перелѣзалъ черезъ валъ, возвращался въ усадьбу садомъ, по ельнику. Въ саду болталъ съ мѣщанами, съемщиками сада, съ Молодой и Козой, сбиравшими падальцы, залѣзалъ съ ними въ крапивную глушь, гдѣ лежали самыя спѣлыя. Порой онъ брелъ на деревню, въ школу... Онъ посвѣжѣлъ, загорѣлъ, чувствовалъ себя почти счастливымъ.

Коза удивляла его своимъ здоровьемъ, веселой тупостью, безсмысленно-блестящими египетскими глазами. Молодая была красива и страпна. При немъ, какъ и при Тихонѣ, молчитъ, слова не добьешься, отойдешь — рѣзко хохочетъ, перебрехивается съ мѣщанами, внезапно запѣваетъ:

Пущай меня бьютъ, ругаютъ, —
Мои глазки перморгаютъ...

Солдатъ-учитель, глупый отъ природы, на службѣ сбился съ толку совершенно. По виду это былъ самый обыкновенный мужикъ лѣтъ подъ сорокъ. Но говорилъ онъ всегда такъ необыкновенно и несъ такую чепуху, что приходилось только руками разводить. Онъ все чему-то съ величайшей хитростью улыбался, глядѣлъ на собе-

сѣдника снисходительно, щурясь, на вопросы никогда не отвѣчалъ сразу.

— Какъ величать-то тебя? — спросилъ его Кузьма, въ первый разъ зайдя въ школу.

Солдатъ прищурился, подумалъ.

— Безъ имени и овца баранъ, — сказалъ онъ наконецъ, не спѣша. — Но спрошу и я васъ: Адамъ — это имя, ай нѣтъ?

— Имя.

— Такъ. А сколько же, къ примѣру, народу померло съ тѣхъ поръ?

— Не знаю, — сказалъ Кузьма. — Да ты это къ чему?

— А къ тому самому, что намъ этого отъ роду не понять. Взять хоть смутьяна какого ни на есть. Ты бунтуешь? Бунтуй, любезный, можетъ, будешь фить-маршаломъ! Но только тебя еще можно въ лучшемъ видѣ растянуть безъ портокъ для экзекуціи. Ты мужикъ? Паши. Бондарь? Опять же свое дѣло знай. Я, къ примѣру, солдатъ и коновалъ. Иду недавно по ярманкѣ — глядь, лошадь въ сапѣ. Сейчасъ къ становому: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе. «А можешь ты эту лошадь перомъ зарѣзать?» — «Съ великимъ удовольствіемъ!»

— Какимъ перомъ? — спросилъ Кузьма.

— А гусинымъ. Взялъ, очинилъ, въ жилу становую чкнулъ, дунулъ маленько, въ перо-то, —

и готово. Дѣло-то, кажись, просто, анъ поди-ка, ухитрись!

И солдатъ лукаво подмигнулъ и постучалъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Тутъ еще есть смекалка-то.

Кузьма пожалъ плечами и смолкъ. И ужъ проходя мимо Однодворки, отъ ея Сеньки узналъ, какъ зовутъ солдата. Оказалось — Парменъ.

— А что вамъ задано на завтра? — прибавилъ Кузьма, съ любопытствомъ глядя на огненные вихры Сеньки, на его живые зеленые глаза, конопатое лицо, щуплое тѣльце и потрескавшіяся отъ грязи и цыпокъ руки и ноги.

— Задачи, стихи, — сказалъ Сенька, подхвативъ правой рукой поднятую ногу и прыгая на одномъ мѣстѣ.

— Какія задачи?

— Гусей сосчитать. Летѣло стадо гусей...

— А, знаю, — сказалъ Кузьма. — А еще что?

— Еще мышей...

— Тоже сосчитать?

— Да. Шли шесть мышей, несли по шесть грошей, — быстро забормоталъ Сенька, косясь на серебряную часовую цѣпочку Кузьмы. — Одна мышь поплоше несла два гроша... Сколько выйдетъ всего...

— Великолѣпно. А стихи какіе?

Сенька выпустилъ ногу.

— Стихи — «Кто онъ?»

— Выучилъ?

— Выучилъ...

— А ну-ка.

И Сенька еще быстрѣе забормоталъ про всадника. ѣхавшаго надъ Невой по лѣсамъ, гдѣ были только —

Ель, сосна, да мохъ сядой...

— Сѣдой, — сказалъ Кузьма, — а не сядой.

— Ну, сидой, — согласился Сенька.

— А всадникъ-то этотъ кто же?

Сенька подумалъ.

— Да колдунъ, — сказалъ онъ.

— Такъ. Ну, скажи матери, чтобъ она хоть виски-то тебѣ подстригла. Тебѣ же хуже, когда учитель деретъ.

— А онъ ухи найдетъ, — безпечно сказалъ Сенька, снова берясь за ногу, и запрыгалъ по выгону.

Мысъ и Дурновка, какъ это всегда бываетъ со смежными деревнями, жили въ постоянной враждѣ и взаимномъ презрѣніи. Мысовые считали дурновцевъ разбойниками и побирушками, дурновцы — мысовыхъ. Дурновка была «барская», а на Мысу обитали «галманы», однодворцы. — вѣрнѣе остатки однодворцевъ, выселившихся въ Томскую губернію. Внѣ вражды, внѣ распрей находилась только Однодворка. Небольшая, худая, аккуратная, она была жива, ровна

и пріятна въ обращеніи, наблюдательна. Она знала, какъ свою, каждую семью и на Мысу и въ Дурновкѣ, первая извѣщала усадьбу о каждомъ, даже малѣйшемъ деревенскомъ событіи. Да и ея жизнь знали всѣ отлично. Она никогда и ни отъ кого ничего не скрывала, спокойно и просто разсказывала о мужѣ, о Дурново, о томъ, какъ она стала сводней, когда онъ уѣхалъ.

— Что жъ дѣлать-то, — говорила она, легонько вздыхая. — Бѣдность была лютая, хлѣбушка и въ новину не хватало. Мужикъ меня, правду надо сказать, любилъ, да вѣдь покоришься. Цѣлыхъ три воза ржи далъ за меня баринъ. «Какъ же быть-то?» — говорю мужику. — «Видно, иди, говоритъ». Поѣхалъ за рожью, таскаетъ мѣрку за мѣркой, а у самого слезы капъ-капъ, капъ-капъ...

И, подумавъ, усмѣхалась:

— Ну, а потомъ, когда и баринъ уѣхалъ, и мужъ въ Ростовъ ушелъ, стала я сводить кого съ кѣмъ попало... Распутные вы, кобели, прости Господи!

Днемъ работала она, не покладая рукъ, по ночамъ штопала, шила, воровала щиты на чугункѣ. Разъ, поздно вечеромъ, выѣхалъ Кузьма къ Тихону Ильичу, поднялся на изволокъ и обмеръ отъ страха: надъ потонувшими во мракѣ пашнями, на чуть тлѣющей полосѣ заката рос-

ло и плавно неслось на Кузьму что-то черное, громадное...

— Кто это? — слабо крикнулъ онъ, натягивая вожжи.

— Ой! — слабо, въ ужасѣ крикнуло и то, что такъ быстро и плавно росло въ небѣ, и съ трескомъ разсыпалось.

Кузьма очнулся — и сразу узналъ въ темнотѣ Однодворку. Это она бѣжала на него на своихъ легкихъ босыхъ ногахъ, согнувшись, взгромоздивъ на себя два саженныхъ щита — изъ тѣхъ, что ставятъ зимой вдоль чугунки отъ заносовъ. И, оправившись, съ тихимъ смѣхомъ зашептала:

— Напугали вы меня до смерти. Бѣжишь такъ-то ночью — дрожишь вся, а что жъ дѣлать-то? Вся деревня топится ими, только тѣмъ и спасаемся...

Зато совершенно неинтересный человѣкъ былъ работникъ Кошель. Говорить съ нимъ было не о чемъ, да онъ и не словоохотливъ былъ. Какъ большинство дурновцевъ, онъ все только повторялъ старыя немудреныя изреченія, подтверждалъ то, что давнымъ-давно извѣстно. Погода портилась — и онъ посматривалъ на небо:

— Портится погодка. Дожжокъ теперь для зеленей — первое дѣло.

Двоили паръ — и онъ замѣчалъ:

— Не передвоишь — безъ хлѣба посидишь. Такъ-то старички-то говаривали.

Онъ служилъ въ свое время, былъ на Кавказѣ, но солдатчина не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Онъ не умѣлъ сказать слово «почта», говорилъ: спочтва. Ровно ничего не могъ разсказать о Кавказѣ, кромѣ того только, что тамъ гора на горѣ, что изъ земли бьютъ тамъ страшно горячія и странныя воды: «положишь баранину — въ одну минуту сварится, а не вынешь вовремя — опять сырая станетъ»... И нисколько не гордился тѣмъ, что повидалъ свѣтъ; онъ даже съ презрѣніемъ относился къ людямъ бывалымъ: вѣдь «шатаются» люди только поневолѣ или по бѣдности. Ни одному слуху не вѣрилъ — «все брешутъ!» — но вѣрилъ, божился, что недавно подъ Басовкой катилось въ сумерки тележное колесо — вѣдьма, а одинъ мужикъ, не будь дуракъ, взялъ да и поймалъ колесо, всунулъ во втулокъ подпояску и завязалъ ее.

— Ну, и что же? — спрашивалъ Кузьма.

— Да что? — отвѣчалъ Кошель. — Проснулась эта вѣдьма на-рани, глядь — а у ней подпояска изъ рота и изъ заду торчитъ, на животѣ завязана...

— А чего жъ она не развязала-то ее?

— Видно, узелъ закрещенъ былъ.

— И тебѣ не стыдно такой чепухѣ вѣрить?

— А мнѣ что жъ стыдиться? Люди ложь, и я тожъ.

И любилъ Кузьма только напѣвы его слу-

шать. Сидишь въ темнотѣ у открытаго окна, нигдѣ ни огонька, деревня чуть чернѣетъ за логомъ, тихо такъ, что слышно паденіе яблокъ съ лѣсовки за угломъ дома. а онъ медленно похаживаетъ по двору съ колотушкой и заунывно-мирно напѣваетъ себѣ фальцетомъ: «Смолкни, пташка-кенарейка»... До утра онъ караулилъ усадьбу, днемъ спалъ, — дѣла почти не было: съ дурновскими дѣлами Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ въ этотъ годъ управиться рано. изъ скотины оставилъ всего лошадь да корову. И въ усадьбѣ было тихо, даже скучновато.

Ясные дни смѣнились холодными, синевато-сѣренькими, беззвучными. Стали щеглы и синицы посвистывать въ голомъ саду, цыкать въ елкахъ клесты, появились свиристели, снѣгири и какія-то неторопливыя крохотныя птички, стайками перелетавшія съ мѣста на мѣсто по гумну, падрины котораго уже проросли ярко-зелеными всходами; иногда такая молчаливая легонькая птичка одиноко сидѣла гдѣ-нибудь на былинкѣ въ полѣ... На огородахъ между ригами, за Дурновкой, докапывали послѣднія картошки. И порой, подъ вечеръ, подолгу стоялъ тамъ кто-нибудь изъ мужиковъ, задумавшись и заглядѣвшись въ поле, держа за плечами плетушку съ колосомъ. Стало рано темнѣть, и въ усадьбѣ говорили: «Какъ поздно машина-то теперь проходитъ!» — хотя расписаніе поѣздовъ ничуть не из-

мѣнилось... Кузьма, сидя подъ окномъ, цѣлый день читалъ газеты; онъ записалъ свою весеннюю поѣздку въ Казаково и разговоры съ Акимомъ, дѣлалъ замѣтки въ старой счетоводной книгѣ — то, что видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ... Больше всѣхъ занималъ его Сѣрый.

Въ деревнѣ было пусто. Многіе уѣхали на клевера. Трифонъ умеръ на Успенье — подавился, разговляясь, кускомъ сырой ветчины. Комаръ, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, знаменитый своей силой, умомъ и смѣлостью въ обращеніи съ господами, поступилъ въ началѣ сентября на винокуренный заводъ подъ Ельцомъ, заснулъ пьяный въ сушилкѣ и задохся. Не знали, что онъ тамъ, и задвинули двери засовомъ. Комаръ погнулъ его, стараясь вырваться на воздухъ, да ужъ, видно, на роду была написана ему такая смерть. Другой бунтовщикъ, Ванька Красный, опять закатился на Донецкія шахты. Шорникъ работалъ по имѣніямъ. Родька на чугункѣ. Дениска пропадалъ гдѣ-то. И всѣ притворно жалѣли Сѣраго, пользуясь случаемъ поиздѣваться и надъ сыномъ и надъ отцомъ. У Якова, когда онъ заговаривалъ о Сѣромъ, тряслись руки. Да и не могли не трястись. Что дѣлалъ этотъ Сѣрый съ землею, которую Яковъ готовъ былъ «горстями жрать»! Никто во всей Дурновкѣ и сотой доли не испыталъ того, что Яковъ, когда пошли слухи о бунтахъ, поджогахъ, отчужденіи земель. Онъ

только молчалъ — отъ той подколодной скрытности, затаенности, что всосали съ молокомъ матери тысячи его предковъ. Да и дыханіе перехватило бы у него, если бъ онъ заговорилъ. Теперь, когда слухи становились все безнадежнѣе, онъ изъ-за земли даже съ сыномъ Васькой помирился. Сынъ былъ рябой, грубый, коренастый малый, въ двадцать лѣтъ заросъ бородой, широкой, кудрявой и такой крѣпкой, что клещи не выдернули бы изъ нея ни волоса. Сынъ, съ этой бородой, стриженой головою и въ красной рубахѣ, былъ похожъ на арестанта, а жену наряжалъ мѣщанкой. Но жадностью онъ вышелъ въ отца и уже сталъ тайкомъ поторговывать водочкой, махоркой, мыломъ, керосиномъ. И Яковъ помирился, надѣясь насытиться землею при помощи сына — забогатѣть и начать снимать ее. Но почему мирился Сѣрый съ Дениской, который уже не разъ «давалъ ему въ душу»? На что надѣялся онъ, лодырничая, какъ послѣдній босякъ? Землю онъ сдавалъ, на мѣстахъ не жилъ. Дома сидѣлъ въ голодѣ и холодѣ, но думалъ только о томъ, какъ бы разжиться покурить: безъ трубки онъ и дня не могъ перебиться. На всѣхъ сходкахъ бывалъ онъ, но приходилъ всегда къ концу ихъ. Не пропускалъ ни одной свадьбы, ни однѣхъ крестинъ, ни однѣхъ похоронъ, хотя жался у двери и, протягивая руку къ хозяину, обносившему гостей, нерѣдко получалъ одни грубые

оговоры. До вина Сѣрый былъ не жаденъ, но могарычи никогда не обходились безъ него: онъ встрявалъ не только во всѣ мірскіе, но и во всѣ сосѣдскіе — послѣ купли, продажи, мѣны. И сосѣди уже такъ привыкли къ этому, что даже и не дивились, когда подходилъ Сѣрый. Да и занятно было слушать его.

— На словахъ — города беретъ, — говорили про Сѣраго. И точно: если на душѣ у него было покойно, — а покойно было тогда, когда былъ полонъ табакомъ кисетъ, — какимъ дѣльнымъ, серьезнымъ мужикомъ могъ казаться Сѣрый!

— Вотъ теперь надо сына женить, — не спѣша разсуждалъ онъ, держа трубку въ зубахъ и крѣпко растирая корешки на ладони.—Женится — всякую копейку въ домъ потащитъ, до работы жаденъ станетъ, какъ жукъ въ дерьмѣ будетъ округъ дома копаться... А работы мы, братъ, не боимся! Только подавай!

Но ни спокойствія ни работы у Сѣраго почти никогда не было. Наружность его оправдывала кличку: сѣръ, худъ, росту средняго, плечи обвислыя, полушубочекъ — короткій, рваный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бечевой, о шапкѣ и говорить нечего. Сидя въ избѣ, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изо рта трубки, что-то озабоченно обдумывая, видъ онъ имѣлъ такой, что все ждалъ чего-то. Но ему, по его мнѣнію, чертовски не

везло. Не подпадало дѣла настоящаго, да и только! Ну, а въ бирюльки играть былъ онъ не охотникъ. Всякій, конечно, норовилъ охаять...

— Да вѣдь языкъ-то безъ костей, — говорилъ Сѣрый. — Ты сперва дѣло въ руки дай, а потомъ ужъ и бреши.

Земли у него было порядочно — три десятины. Но податей зашло — на десятерыхъ. И отвалились отъ земли руки у Сѣраго: «Поневолѣ сдашь ее, землю-то: ее, матушку, въ порядкѣ надо держать, а ужъ какой тутъ порядокъ!» Самъ онъ сѣялъ не больше полнивы, но и ту продавалъ на корню, — «милое за немилое сбывалъ». И опять съ резономъ: дождись-ка ее, попробуй! — «Все, къ примѣру, дождаться-то лучше...» — бормоталъ Яковъ, глядя въ сторону и зло усмѣхаясь. Но усмѣхался и Сѣрый — печально и презрительно.

— Лучше! — хмыкалъ онъ. — Тебѣ хорошо брехать: дѣвку отдалъ, малаго женилъ. А у меня — глянь, уголъ-то сидитъ... ребятишекъ-то. Не чужіе вѣдь. Я вонъ козу для нихъ держу, поросенка выкармливаю... Тоже, небось, пить-ѣсть просятъ.

— Ну, коза, къ примѣру, въ этомъ дѣлѣ не повинна, — возражалъ, раздражаясь, Яковъ. — Это у насъ, къ примѣру, все водочки да трубочки на умѣ... трубочки да водочки...

И чтобъ не поругаться съ сосѣдомъ безъ толку,

спѣшилъ отойти отъ Сѣраго. А Сѣрый спокойно и дѣльно замѣчалъ ему вслѣдъ:

— Пьяница, братъ, проспится, дуракъ никогда.

Раздѣлившись съ братомъ, долго скитался Сѣрый по квартирамъ, нанимался и въ городѣ и по имѣніямъ. Ходилъ и на клевера. И вотъ на клеверахъ-то и повезло ему однажды. Нанялась артель, къ какой пристрялъ Сѣрый, отдѣлать большую партію по восьми гривенъ съ пуда, а клеверъ возьми и дай больше двухъ пудовъ. Вытрясли его — Сѣрый подрядился машонку бить. Нагналъ въ азадки зерна и купилъ ихъ. И забогатѣлъ: въ ту же осень поставилъ кирпичную избу. Но не разсчиталъ: оказалось, что избу нужно топить. А чѣмъ, спрашивается? Да нечѣмъ было и кормиться. И пришлось сжечь верхъ избы, и простояла она безъ крыши годъ, почернѣла вся. А труба пошла на хомутъ. Правда, лошади еще не было; да вѣдь надо же когда-нибудь начинать обзаведеніе... И Сѣрый махнулъ рукой: рѣшилъ продать избу, поставить подешевле, глинобитную. Разсуждалъ онъ такъ: будетъ въ избѣ — ну, на худой конецъ, десять тысячъ кирпичей, за тысячу даютъ пять, а то и шесть рублей; выходитъ, значитъ, больше полсотни; а на полсотни...Но кирпичей оказалось три съ половиной тысячи, за матицу пришлось взять не пять цѣлковыхъ, а два съ полтиной... И

долго на мѣстѣ чудесной избы возвышался, твердѣлъ подъ дождемъ голый бугоръ мусора: свезти его было не на чемъ, руки отъ дѣла отваливались. Яковъ поучалъ: «Надо было, къ примѣру, сразу подешевле норовить»... Да чортъ, надолго оно, дешевое-то? — думалъ Сѣрый. И, озабоченно приглядывая себѣ новую избу, цѣлый годъ приторговывался онъ только къ тѣмъ, что были совсѣмъ не по деньгамъ ему. И примирился съ теперешней только въ твердой надеждѣ на будущую — крѣпкую, просторную, теплую.

— Въ этой я, прямо говорю, не жилецъ! — отрѣзалъ онъ однажды.

Яковъ внимательно посмотрѣлъ на него, тряхнулъ шапкой.

— Такъ. Знать, ждешь, корабли приплывутъ?

— И приплывутъ,— отвѣтилъ Сѣрый загадочно.

— Ой, брось дурь, — сказалъ Яковъ: — наймись куда ни на есть, да зубами, къ примѣру, держись за мѣсто...

Но мысль о хорошемъ дворѣ, о порядкѣ, о какой-то ладной, настоящей работѣ отравляла всю жизнь Сѣрому. Скучалъ онъ на мѣстахъ.

— Она, видно, работа-то, и дома не медъ,— говорили сосѣди.

— Небось, была бы медъ, кабы домъ былъ путный!

— Такъ. И наймаешься все помѣсячно, да до рабочей поры?

— И наймаюсь. Дома-то призоръ нуженъ, ай нѣтъ?

— А дома сидишь, трубочки раскуриваешь?

— Что жъ мнѣ — и покурить теперь нельзя? И Сѣрый, вдругъ оживившись, вынималъ изо рта холодную трубку и начиналъ любимую исторію: какъ онъ, будучи холостымъ, цѣлыхъ два года честно-благородно отжилъ у попа подъ Ельцомъ.

— Да я и сейчасъ поди туда — съ руками оторвутъ!— восклицалъ онъ.—Только слово сказать: пришелъ, молъ, папаша, поработаться на васъ — возьмете, ай нѣтъ? «Да чтой-то ты спрашиваешь-то, свѣтъ? Да ай я тебя не знаю? Да, Господи,— живи хоть до вѣку!»

— Ну, къ примѣру, и шелъ бы...

— Шелъ бы! Ихъ вонъ, — ишь, — уголъ-то сидятъ! Вѣстимо: чужую бѣду — руками разведу... А тутъ человѣкъ безъ толку пропадаетъ...

Безъ толку пропадалъ Сѣрый и нынѣшній годъ. Всю зиму съ озабоченнымъ видомъ просидѣлъ дома, безъ огня, въ холодѣ, въ голодѣ; Великимъ постомъ пристроился какимъ-то манеромъ къ Русановымъ подъ Тулой: въ своихъ-то мѣстахъ его ужъ не брали. Но не прошло и мѣсяца, какъ осточертѣла ему русановская экономія хуже горькой рѣдьки.

— Ой, малый! — сказалъ разъ приказчикъ. — Наскрозь тебя вижу: придираешься ты лыжи наладить. Забираете, сукины дѣти, денежки впередъ, да и норовите въ кусты.

— Это, можетъ, бродяга какой такъ-то норовитъ, а не мы. — отрѣзалъ Сѣрый.

Но приказчикъ намека не понялъ. И пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Заставили разъ Сѣраго навозить къ вечеру хоботья для скотины. Онъ поѣхалъ на гумно и сталъ навивать возъ соломы. Подошелъ приказчикъ:

— Развѣ я тебѣ не русскимъ языкомъ сказалъ — хоботье накладай?

— Не время его накладать,— твердо отвѣтилъ Сѣрый,

— Это почему?

— Путные хозяева въ обѣдъ хоботье даютъ, а не на ночь.

— Да ты-то что за учитель такой?

— Не люблю морить скотину. Вотъ и учитель весь.

— А везешь солому?

— На все время надо знать.

— Сію же минуту брось накладывать!

Сѣрый поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, дѣла я не брошу. Дѣла мнѣ нельзя бросать

— Дай сюда вилы, собака, и отойди отъ грѣха.

— Я не собака, а хрещеный человѣкъ. Вотъ отвезу — и отойду. И совсѣмъ уйду.

— Ну, братъ, наврядъ! Уйдешь, да въ скорости и назадъ, въ волость припрешь.

Сѣрый соскочилъ съ воза, бросилъ вилы въ солому:

— Это я-то припру?

— Ты-то!

— Ой, малый, не припри ты! Авось, и за тобой знаемъ. Тоже, братъ, не похвалитъ хозяинъ...

Толстыя щеки приказчика налились сизой кровью. бѣлки выпучились. Онъ тыломъ кисти сдвинулъ картузъ на затылокъ и, задохнувшись, быстро произнесъ:

— А-а! Вотъ какъ! Не похвалитъ? Говори же, когда такое дѣло, — за что?

— Мнѣ нечего говорить, — пробормоталъ Сѣрый. чувствуя. что у него сразу отяжелѣли ноги отъ страха.

— Нѣтъ, братъ, брешешь, — скажешь!

— А куда мука дѣвалась? — внезапно крикнулъ Сѣрый.

— Мука?.. Какая такая мука?

— Сляпая. Съ мельницы...

Приказчикъ мертвой хваткой сгребъ Сѣраго за воротъ, за-душу — и на мгновеніе оба замерли.

— Ты что же это, — за пельки хватать? — спросилъ Сѣрый спокойно. — Задушить хочешь?

И вдругъ яростно завизжалъ:

— Ну, бей, бей, пока сердце кипитъ!

И, рванувшись, вырвался и схватилъ вилы.

— Ребята! — заоралъ приказчикъ, хотя кругомъ никого не было. — За старостой! Прислушайте: онъ меня заколоть хотѣлъ, сукинъ сынъ!

— Не суйся, носъ сшибешь, — сказалъ Сѣрый, держа вилы на перевѣсъ. — Авось, не прежнее вамъ времечко!

Но тутъ приказчикъ размахнулся — и Сѣрый торчмя головой полетѣлъ въ солому...

Тоска, снова начавшая забирать надъ Кузьмой силу вмѣстѣ съ перемѣной погоды, все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ узнавалъ онъ Дурновку, Сѣраго. Сперва было только грустно и смѣшно: что за нелѣпый человѣкъ! Потомъ досадно и противно: выродокъ! Все лѣто просидѣлъ на порогѣ избы, покуривая, поджидая милостей отъ Думы. Всю осень прошатался отъ двора къ двору, надѣясь пристроиться къ кому-нибудь, ѣдущему на клевера... Въ жаркій солнечный день загорѣлся новый ометъ на краю деревни. Сѣрый первымъ явился на пожаръ и оралъ до сипоты, опалилъ рѣсницы, промокъ до нитки, распоряжаясь водовозами, тѣми, что кидались съ вилами въ огромное розово-золотое пламя, растаскивали во всѣ стороны огненныя шапки, и тѣми, что просто метались среди жара, треска, льющейся воды, гама, наваленныхъ возлѣ избъ

иконъ, кадушекъ, прялокъ, попонъ, рыдающихъ бабъ и сыплющихся съ обгорѣлыхъ лозинъ черныхъ листьевъ... Но что путнаго онъ сдѣлалъ? Въ октябрѣ, когда, послѣ проливныхъ дождей и ледяной бури, застылъ прудъ и сосѣдскій боровъ соскользнулъ съ мерзлаго бугра, проломилъ ледъ и сталъ тонуть, Сѣрый первый, со всего разбѣга, шарахнулся въ воду — спасать. Но почему? Чтобъ быть героемъ дня, чтобъ имѣть право прибѣжать съ пруда въ людскую, потребовать водки, табаку, закуски. Сперва онъ былъ весь лиловый, зубъ на зубъ не попадалъ, еле шевелилъ бѣлыми губами, переодѣваясь во все чужое, въ Кошелево. Потомъ ожилъ, захмелѣлъ, сталъ хвастать — и опять разсказалъ о томъ, какъ онъ честно-благородно служилъ у попа и какъ ловко выдалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь замужъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, съ жадностью жевалъ, заглатывалъ брусочки сырой ветчины и самодовольно повѣствовалъ:

— Хорошо. Снюхалась она, Матрюшка-то, съ Егоркой съ этимъ... Ну, снюхалась и снюхалась. Нехай. Сижу этакъ вечеркомъ подъ окошечкомъ, вижу — разъ Егорка прошелъ мимо избѣ, два... а моя — все ырь да нырь къ окошечку... Значитъ, обдумали дѣло, думаю себѣ. И говорю бабѣ: ты тутъ кормочку скотинѣ дай, а я пойду, — на сходку повѣщали. Сѣлъ за избой въ солому, сижу, жду. А ужъ снѣжокъ первый напалъ. Вижу —

опять снизу крадется Егорка... А она и вотъ она. Зашли за погребъ, потомъ — шмыгъ въ избу въ новую, въ пустую, рядомъ. Подождалъ я сколько-нибудь...

— Исторія! — сказалъ Кузьма и болѣзненно усмѣхнулся.

Но Сѣрый принялъ это за похвалу, за восхищеніе его умомъ и хитростью. И, чувствуя себя героемъ, продолжалъ, то возвышая голосъ, то ѣдко понижая его:

— Стой, слухай, что дальше-то будетъ. Подождалъ, говорю, сколько-нибудь — да за ними... Вскочилъ на порогъ — прямо на ней и прихватилъ! Перепужались они — до страсти. Онъ, какъ куль, наземь свалился, — хоть рѣжь его, — а она обмерла, — лежитъ, какъ утка... «Ну, говоритъ, бей меня таперь». Это онъ-то. «Бить, говорю, ты мнѣ не нужо-онъ»... Поддевочку его взялъ, пинжачокъ — тоже, оставилъ въ однихъ подштаникахъ, — почесть въ чемъ мать родила... «Ну, говорю, ступай теперь, куды хочешь»... А самъ домой. Смотрю — и онъ сзади идетъ: снѣгъ бѣлый — и онъ бѣлый, идетъ, сопитъ... Дѣться-то некуда, — куда кинешься? А моя Матрена Миколавна, какъ я только изъ избы, — въ поле! Закатилась — насилу сосѣдка подъ самымъ Басовымъ за рукавъ поймала, ко мнѣ привела. Далъ я ей отдохнуть и говорю: «Мы люди бѣдные, ай нѣтъ?» Молчитъ. «Мать-то у тебя убогая,

ай умная?» Опять молчитъ. «Какъ ты насъ оконфузила? А? Ты, что жъ, полонъ уголъ мнѣ ихъ нашвыряешь, выблядковъ-то, а я глазами моргай? Ты вокругъ себя при нашей бѣдности наблюдать должна, а не насмѣшничать да косу трепать, — сволочь ты!» Ну, и началъ ее лудить, — былъ у меня тутъ кнутикъ хороженькій... Ну, просто сказать, всю поясницу изрубилъ, до той степени — въ ногахъ полозеетъ, валенки цѣлуетъ, а онъ сидитъ на лавкѣ, голоситъ. Взялся потомъ за него, за голубчика...

— И женилъ? — спросилъ Кузьма.

— Вона! — воскликнулъ Сѣрый и, чувствуя, что хмель одолѣваетъ его, сталъ сгребать съ тарелки куски ветчины и пихать въ карманы портокъ. — Еще какъ свадьбу-то сыграли! На расходы я, братъ, жмуриться не стану...

«Ну, разсказъ!» — долго думалъ Кузьма послѣ этого вечера... А погода портилась. Писать не хотѣлось, тоска усиливалась. Нищета, неудѣльность Сѣраго и Дениски поразили его: гніетъ деревня! Звѣрская исторія съ Молодой въ саду, смерть Родьки — ошеломили. Жизнь Тихона Ильича — изумляла. А ужъ его ли можно было изумить! Онъ ли не зналъ своего края, своего народа! Съ горечью и злобой изливалъ онъ свое сердце Тихону Ильичу, наставлялъ его, язвилъ... Но если бы зналъ Тихонъ Ильичъ, какъ радостно кидался Кузьма къ окну, увидавъ у крыльца

его чуйку, картузъ, сѣдую бороду! Какъ боялся онъ, что братъ не ночуетъ, какъ старался задержать его подольше, втянуть въ разговоры, воспоминанія... Скучно стало Кузьмѣ поздней осенью, охъ, какъ скучно! Только и радости, что явится кто-нибудь съ просьбой. Пріѣзжалъ нѣсколько разъ Гололобый изъ Басовки, — совершенно лысый мужикъ въ огромной шапкѣ, — писать прошеніе на свата, переломившаго ему ключицу. Приходила вдова Бутылочка съ Мыса — писать письма къ сыну, вся въ лохмотьяхъ, вся мокрая и ледяная отъ дождя. Начнетъ диктовать, — въ слезы.

— Городъ Серпуховъ, при дворянской банѣ, домъ Желтухинъ...

И заплачетъ.

— Ну? — спрашиваетъ Кузьма, скорбно кося брови, по-стариковски глядя на Бутылочку — поверхъ пенснэ. — Ну, написалъ. Дальше что?

— Дальше-то? — спрашиваетъ Бутылочка шопотомъ и, стараясь овладѣть голосомъ, продолжаетъ:

— Дальше-то пиши, касатикъ, поскладнѣе... Передать, значитъ, Михалъ Назарычу Хлусову... въ собственныя руки...

И затѣмъ начинаетъ — то съ остановками, то совсѣмъ безъ остановокъ:

— Письмо милому и дорогому сыночку нашему Мишѣ, что же ты, Миша, про насъ забылъ,

никакого слуху нѣту отъ васъ... Ты самъ знаешь, мы на хватерѣ, а теперича насъ сгоняютъ долой, куда жъ мы теперича дѣнемся... Дорогой нашъ сыночекъ Миша, просимъ мы васъ за ради Господа Бога, чтобъ вы пріѣзжали домой какъ ни можно скорѣй...

И опять сквозь слезы, шопотомъ:

— Мы тутъ съ вами хоть землянку выкопаемъ, и то будемъ у своемъ углѣ...

Бури и ледяные ливни, дни, похожіе на сумерки, грязь въ усадьбѣ, усѣянная мелкой желтой листвою акацій, необозримыя пашни и озими вокругъ Дурновки и безъ конца идущія надъ ними тучи опять томили лютой ненавистью къ этой проклятой странѣ, гдѣ восемь мѣсяцевъ мятели, а четыре — дожди, гдѣ за нуждой приходится итти на варокъ или въ вишенникъ. Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить наглухо и перебраться въ залъ, чтобъ уже всю зиму и ночевать въ немъ, и обѣдать, и курить, и проводить долгіе вечера за тусклой кухонной лампочкой, шагая изъ угла въ уголъ въ картузѣ и чуйкѣ, едва спасавшихъ отъ холода и вѣтра, дувшаго въ щели. Иногда оказывалось, что забыли запастись керосиномъ, и Кузьма проводилъ сумерки безъ огня, а вечеромъ зажигалъ какой-нибудь огарокъ только для того, чтобы поужинать картофельной похлебкой и теплой пшенной кашей.

что молча, со строгимъ лицомъ подавала Молодая.

«Куда бы поѣхать?» — думалъ онъ порою.

Сосѣдей поблизости было всего только трое: старуха княжна Шахова, которая не принимала даже предводителя, считая его невоспитаннымъ; отставной жандармъ Закржевскій, геморроидально-злой и самоувѣренно-глупый человѣкъ, который и на порогъ не пустилъ бы Кузьму; и наконецъ мелкопомѣстный дворянинъ Басовъ, жившій въ избѣ, женившійся на распутной солдаткѣ-вдовѣ,говорившій только о хомутахъ и скотинѣ. О. Петръ, священникъ изъ Колодезей, куда Дурновка была приходомъ, посѣтилъ разъ Кузьму, но вести знакомство не возымѣлъ охоты ни тотъ ни другой. Кузьма угостилъ священника только чаемъ — и священникъ рѣзко и неловко захохоталъ, увидавъ на столѣ самоваръ. «Самоварчикъ? Отлично! Вы, я вижу, не чета братцу — не тароваты на угощенье!» Кузьма откровенно заявилъ, что никогда не бываетъ въ церкви по своимъ убѣжденіямъ, — священникъ захохоталъ еще изумленнѣе, еще рѣзче и громче: «А-а! Новыя идейки? Отлично! Да оно и дешевле». И хохотъ совсѣмъ не шелъ къ нему: точно другой кто-то хохоталъ за этого высокаго, худого человѣка съ большими лопатками и черными крупными волосами, съ бѣгающими жадными глазами, тревожно-разсѣяннаго, все время что-

то думающаго, обидчиваго и неумѣло развязнаго. «А на ночь-то, на ночь-то, небось, все-таки крестишься — потрухиваешь?»— громко и торопливо сказалъ онъ, одѣваясь въ прихожей, измучивъ Кузьму разспросами о хозяйствѣ и внезапно переходя на ты. «Крещусь, — съ грустной улыбкой сознался Кузьма. — Да вѣдь страхъ — не вѣра, и не вашему Богу крещусь я».

Не часто бывалъ Кузьма и у брата. А тотъ пріѣзжалъ только тогда, когда былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. И одиночество было такъ безнадежно, что порою Кузьма называлъ себя Дрейфусомъ на Чортовомъ островѣ. Сравнивалъ онъ себя и съ Сѣрымъ. Ахъ, вѣдь и онъ, подобно Сѣрому, нищъ, слабоволенъ, выбитъ изъ колеи и всю жизнь ждалъ какихъ-то счастливыхъ дней для работы!

Непріятное воспоминаніе осталось отъ храбрости, отъ разсказа, отъ хвастовства захмелѣвшаго Сѣраго. Но обычно и во хмелю не таковъ бывалъ Сѣрый: только болтливъ, чѣмъ-то смущенъ и несмѣло-веселъ. Да и захмелѣть-то ему удавалось разъ пять въ годъ. Не жаденъ онъ былъ на вино, не то, что на табакъ. Изъ-за табаку онъ готовъ былъ пойти на какія угодно униженія, готовъ былъ по часамъ сидѣть возлѣ курящаго, поддакивать ему, льстить и все затѣмъ, чтобы, выждавъ удобную минуту, какъ бы невзначай сказать: «Дай-ка, сватъ, на трубочку...»

Страстно любилъ онъ еще карты, долгіе разговоры, вечернія сборища по избамъ, — по тѣмъ избамъ, гдѣ большія семьи, гдѣ тепло, гдѣ огонь горитъ, бьютъ волну захожіе волнобои, шьютъ полушубки бродячіе портные. Но по избамъ еще не сбивался народъ, Сѣрый сидѣлъ дома... И, побывавъ у него нѣсколько разъ, Кузьма почувствовалъ, что не злобствовать надо, не трунить надъ Сѣрымъ. Жилъ Сѣрый тѣмъ, что заработала на лѣтней поденщинѣ жена, смирная, молчаливая, съ придурью баба, да еще тѣмъ, что удавалось выпросить у Дениски, изрѣдка появлявшагося въ Дурновкѣ — съ чемоданомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой, которую онъ любилъ безумно — и безъ стѣсненія бранившаго царя и господъ. По первому снѣгу Сѣрый куда-то ушелъ и пропадалъ на недѣлю. Явился домой сумрачный.

— Ай опять къ Русанову ходилъ?— спросили сосѣди.

— Ходилъ,— отвѣтилъ Сѣрый.

— Зачѣмъ?

— Уговаривали наняться.

— Такъ. Не согласился?

— Дурѣй ихъ не былъ, да до-вѣку и не буду... Авось не кровью имъ подписался!

И Сѣрый, не снимая шапки, надолго засѣлъ на лавку. И въ сумерки тоскливо становилось на душѣ при взглядѣ на его избу. Въ сумерки за

широкимъ снѣжнымъ логомъ скучно чернѣла Дурновка, ея риги и лозинки на задворкахъ. Но темнѣло — и загорались огоньки, казалось, что въ избахъ мирно, уютно. И непріятно чернѣла только изба Сѣраго. Она была глуха, мертва. Кузьма уже зналъ: если войдешь въ ея темныя полураскрытыя сѣни, почувствуешь себя на порогѣ почти звѣринаго жилья — пахнетъ снѣгомъ, въ дыры крыши видно сумрачное небо, вѣтеръ шуршитъ навозомъ и хворостомъ, кое-какъ накиданнымъ на стропила; если найдешь ощупью покосившуюся стѣну и отворишь дверь, встрѣтишь холодъ, тьму, чуть мерцающее во тьмѣ мерзлое окошечко... Никого не видно, но угадываешь: хозяинъ на лавкѣ, — уголькомъ краснѣетъ его трубка; хозяйка тихонько покачиваетъ повизгивающую люльку, гдѣ болтается блѣдный, сонный отъ голода рахитикъ. Дѣтишки забились на чуть теплую печку и что-то оживленно, шопотомъ разсказываютъ другъ другу. Въ гнилой соломѣ подъ нарами шуршатъ, возятся коза и поросенокъ. — большіе друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой въ потолокъ. Повертываешься тоже съ опаской: отъ порога до противоположной стѣны всего пять шаговъ.

— Ктой-то? — раздается изъ темноты негромкій голосъ.

— Я.

— Никакъ Кузьма Ильичъ?

— Онъ самый.

Сѣрый подвигается, опрастываетъ мѣсто на лавкѣ. Кузьма садится, закуриваетъ. Понемногу начинается разговоръ. Угнетенный темнотой, Сѣрый простъ, грустенъ, сознается въ своихъ слабостяхъ. Голосъ его порою дрожитъ...

Зима наступила долгая и снѣжная.

Блѣдно-бѣлѣющія подъ синевато-сумрачнымъ небомъ поля стали шире, просторнѣй и еще пустыннѣе. Избы, пуньки, лозины, риги рѣзко вырдѣлялись на первыхъ порошахъ. Потомъ завернули вьюги и намели, навалили столько снѣга, что деревня приняла дикій сѣверный видъ, стала чернѣть только дверями да окошечками, еле выглядывающими изъ-подъ нахлобученныхъ бѣлыхъ шапокъ, изъ бѣлой толщи завалинокъ. За вьюгами подули по затвердѣвшему сѣрому насту полей жесткіе вѣтры, оборвали послѣдніе коричневые листья съ безпріютныхъ дубовыхъ кустарниковъ въ логахъ, пошелъ тонуть въ непролазныхъ наносахъ, испещренныхъ заячьими слѣдами, однодворецъ Тарасъ Миляевъ, похожій на сибиряка и по-сибирски приверженный охотѣ, превратились въ мерзлыя глыбы водовозки, наросли ледяные скользкіе бугры вокругъ прорубей, накатались дороги по сугробамъ — и зимнія будни установились. Начались по деревнямъ повальныя болѣзни: оспа, горячка,

скарлатина, крупъ. Но болѣзни эти споконъ вѣку не покидаютъ деревень зимою, и къ нимъ ужъ такъ привыкли, что говорили о нихъ не больше, чѣмъ о перемѣнахъ погоды. Вокругъ прорубей, изъ которыхъ пила вся Дурновка, надъ вонючей темно-бутылочной водой, по цѣлымъ днямъ стояли, согнувшись и подоткнувъ юбки выше сизыхъ голыхъ колѣнъ, въ мокрыхъ лаптяхъ, съ большими, закутанными головами, бабы. Онѣ вытаскивали изъ чугуновъ съ золою свои сѣрыя замашныя рубахи, надшитыя до пояса коленкоромъ, мужицкіе тяжевые портки, дѣтскіе загаженные свивальники, полоскали ихъ, били вальками и перекликались, сообщая другъ другу, что руки «зашлись съ пару», что во дворѣ у Макаровыхъ помираетъ въ горячкѣ бабка, что у снохи Якова завалило горло... Дѣвчонки въ однѣхъ рубашонкахъ выскакивали изъ избъ, прямо съ печекъ, за уголъ, на бугры затвердѣвшаго снѣга. Мальчишки, въ отцовскихъ обноскахъ, шмыгали на ледяжкахъ съ горы, кувыркались, визжали, закатывались лютымъ кашлемъ и приходили къ вечеру домой въ жару, съ тяжелыми, мутными головами. Они такъ промерзали, что едва шевелили губами, прося пить, а напившись, съ плачемъ лѣзли на печку. Но на захворавшихъ даже матери не обращали вниманія... А смеркалось въ три часа, и лохматыя собаки сидѣли на крышахъ, почти сравнявшихся съ сугробами.

Ни единая душа не знала, чѣмъ питаются эти собаки. Однако онѣ были живы и даже свирѣпы.

Просыпались на усадьбѣ рано. На разсвѣтѣ, въ синеватой темнотѣ, когда зажигались по избамъ огоньки, затапливались печи и сквозь застрѣхи медленно шелъ густой молочный дымъ, а во флигелѣ съ замерзшими сѣрыми окнами становилось холодно, какъ въ сѣнцахъ, Кузьму будилъ стукъ дверей и шуршанье мерзлой, со снѣгомъ, соломы, которую таскалъ изъ розвальней Кошель. Слышался его негромкій сиплый голосъ, — голосъ человѣка, проснувшагося раньше всѣхъ, натощакъ озябшаго. Гремѣла трубой самовара и строгимъ шопотомъ переговаривалась съ Кошелемъ Молодая. Она спала не въ людской, гдѣ тараканы до крови обтачивали руки и ноги, а въ прихожей, и вся деревня была убѣждена, что это — не спроста. Деревня хорошо знала, что пережила Молодая за осень, — какъ сразилъ ее позоръ, смерть Родьки, то, что мать ея ушла побираться, замкнувъ пустую избу. Молчаливая, придавленная тяжестью горя, Молодая была строже и печальнѣе схимницы. Но какое дѣло деревнѣ до чужихъ печалей? Кузьма уже зналъ отъ Однодворки, что говорили на деревнѣ, и, просыпаясь, всегда вспоминалъ объ этомъ со стыдомъ и отвращеніемъ. Онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, давая знать, что ждетъ самовара, и, кряхтя, закуривалъ цыгарку: это успокаивало

сердце и облегчало грудь. Онъ лежалъ подъ тулупомъ и, не рѣшаясь разстаться съ тепломъ, курилъ и думалъ: «Безстыжій народъ! Вѣдь у меня дочь почти ровесница ей...» То, что за стѣной ночевала молодая женщина, волновало его только отеческой нѣжностью. Днемъ она была молчалива и серьезна, скупа на слова, по-дѣвичьи застѣнчива. А когда спала, было въ ней даже что-то дѣтское, грустное и одинокое. Разъ уснула послѣ обѣда на своемъ сундукѣ въ прихожей, закутавъ голову пеньковой шалью, поджавъ ноги, и заголила колѣно. Женственно лежали ея ноги въ лаптяхъ, озябшее колѣно бѣлѣло, какъ у дѣвочки. И Кузьма, проходя мимо, отвернулся и окликнулъ ее, чтобы она проснулась и закрылась. Но развѣ деревня повѣритъ этому? Не повѣрилъ бы даже Тихонъ Ильичъ: что-то ужъ очень странно усмѣхался онъ порою. Онъ и всегда-то былъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, грубъ въ своихъ подозрѣніяхъ, а теперь и совсѣмъ потерялъ умъ: что ему ни скажи, — у него на все одинъ отвѣтъ.

— Слышалъ, Тихонъ Ильичъ? Закрежевскій, говорятъ, отъ катарра помираетъ: въ Орелъ повезли.

— Брехня. Знаемъ мы этотъ катарръ!

— Да мнѣ фельдшеръ говорилъ.

— А ты слушай его побольше...

— Хочу газетку выписать, — скажешь ему.—

Дай мнѣ, пожалуйста, въ счетъ жалованья рублей десять.

— Гм! Охота же человѣку брехней голову забивать. Да, признаться, со мной и денегъ-то всего пятиалтынный, не то двугривенный...

Войдетъ Молодая съ опущенными рѣсницами:

— Муки. Тихонъ Ильичъ, у насъ осталось чуть...

— Это какъ же такъ — чуть? Ой, брешешь, баба!

И перекоситъ брови. А доказывая, что муки должно было хватить, по крайней мѣрѣ, еще дня на три, все быстро поглядываетъ то на Кузьму, то на Молодую. Разъ даже спросилъ, усмѣхнувшись:

— А какъ спать вамъ, — ничего, тепло?

И Молодая, которой и такъ-то тяжелы были его пріѣзды, густо покраснѣла и, нагнувъ голову, вышла, а у Кузьмы отъ стыда и злобы похолодѣли пальцы.

— Стыдно, братъ, Тихонъ Ильичъ,— пробормоталъ онъ, отвертываясь къ окну. — И особливо послѣ того, что ты самъ же открылъ мнѣ...

— А чего жъ она покраснѣла?— зло, смущенно и неловко улыбаясь, спросилъ Тихонъ Ильичъ.

По утрамъ непріятнѣе всего было умываться. Въ прихожей несло морозомъ отъ соломы, пла-

валъ, какъ битое стекло, ледъ въ рукомойникѣ. Кузьма порой принимался за чай, вымывъ только руки, и со сна казался совсѣмъ старикомъ. Отъ нечистоты и холода онъ сильно похудѣлъ и посѣдѣлъ за осень. Похудѣли руки, кожа на нихъ стала тоньше, глянцевитѣе, покрылась какими-то мелкими лиловыми пятнышками.

«Укатали сивку крутыя горки!»— думалъ онъ.

Утро было сѣрое. Подъ затвердѣвшимъ сѣрымъ снѣгомъ сѣрой стала къ Филипповкамъ и деревня. Сѣрыми мерзлыми лубками висѣло на перекладинахъ подъ крышами пунекъ бѣлье. Намерзало возлѣ избъ — лили помои, выкидывали золу. Оборванные мальчишки спѣшили по улицѣ между избами и пуньками въ школу, взбѣгали на сугробы, скатывались съ нихъ на лаптяхъ; на всѣхъ были холщевые мѣшки съ грифельными досками и съ хлѣбомъ. Навстрѣчу имъ, присѣдая подъ коромысломъ съ двумя ушатами и неловко ступая безобразными задубенѣвшими валенками, обшитыми свиной кожей, шелъ въ одномъ армячишкѣ старый, больной, темнолицый Чугунокъ, отъ легкости котораго не осталось и слѣда; тянулась съ бугра на бугоръ и, раскатываясь, расплескивалась заткнутая соломой водовозка, за которой бѣжалъ бѣлоглазый заика Кобыляй; проходили бабы, занимавшія другъ у друга то соли, то пшена, то совокъ мучицы на ле-

пешки или саламату. На гумнахъ было пусто,—только у Якова дымились ворота риги: онъ, подражая богатымъ мужикамъ, молотилъ зимою. А за гумнами, за голымъ лознякомъ на задворкахъ, разстилалось подъ низкимъ бѣлесымъ небомъ сѣрое снѣжное поле, пустыня волнообразнаго наста. Въ деревнѣ было все-таки уютнѣй, но она казалась зачумленной: чуть не въ каждомъ дворѣ была оспа, сыпной тифъ.

Порой Кузьма ходилъ завтракать къ Кошелю въ людскую — горячими, какъ огонь, картошками или вчерашними кислыми щами. Онъ вспоминалъ городъ, гдѣ прожилъ всю жизнь, и дивился: совсѣмъ не тянуло его туда. У Тихона городъ былъ завѣтной мечтой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ деревню всей душой. Кузьма только силился ненавидѣть. Онъ теперь съ еще большимъ страхомъ, чѣмъ прежде, оглядывался на свое существованіе: онъ совсѣмъ одичалъ въ Дурновкѣ; онъ ничего не дѣлалъ, тосковалъ, томился своимъ бездѣльемъ; онъ часто не умывался, не снималъ чуйки, жадно хлебалъ изъ одной миски съ Кошелемъ. Но хуже всего было то, что страшась своего существованія, которое старило его не по днямъ, а по часамъ, онъ чувствовалъ, что оно все-таки пріятно ему, что онъ, кажется, возвратился въ ту именно колею, какая, можетъ-быть, и надлежала ему отъ рожденія: недаромъ, видно, текла въ немъ кровь дурновцевъ! А между тѣмъ

вѣдь до боли угнетала его эта безконечная дурновская зима, эти избы, проруби, мальчишки, собаки на крышахъ, холодъ, грязь, болѣзни, скотская лѣнь мужиковъ. Вѣдь онъ чуть не каждый день вспоминалъ Меньшова, Акимку, Сѣраго...

Послѣ завтрака онъ гулялъ иногда, по усадьбѣ или по деревнѣ. Бывалъ на гумнѣ у Якова, въ избѣ у Сѣраго или Кошеля, старуха котораго жила одна, слыла колдуньей, была высока и страшно худа, зубаста, какъ смерть, говорила грубо и рѣшительно, какъ мужикъ курила трубку: истопитъ печку, сядетъ на нары и покуриваетъ себѣ, мотая тонкой длинной ногой въ тяжеломъ черномъ лаптѣ. Раза два за весь постъ Кузьма выѣзжалъ — былъ на почтѣ и у брата. И поѣздки эти были пріятны, но тяжелы: промерзалъ Кузьма до того, что не чувствовалъ, есть у него ноги или нѣтъ. Въ началѣ осени онъ еще имѣлъ твердый взглядъ, опрятный видъ. Но твердость взгляда исчезла и пришла въ ветхость одежда. Отрепались ворота рубашекъ, протерлись локти пиджака; опойковые сапоги стали до красноты рыжи, тонки, кое-гдѣ лопнули. Бараній тулупъ служилъ такъ давно, что весь пошелъ лысинами. А вѣтеръ въ полѣ былъ свирѣпый. Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ нельзя было надышаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ долгаго созерцанія деревни поражалъ

снѣжно-сѣрый просторъ, по-зимнему синѣющія дали казались неоглядными, красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, неслась противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся глудки со стукомъ летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель, съ черно-лиловой обмороженной щекой, бодро кряхтя, соскакивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него. Но вѣтеръ продувалъ насквозь, ноги, поставленныя въ солому, перебитую со снѣгомъ, ныли и коченѣли, лобъ и скулы ломило... А въ низенькой почтовой конторѣ въ Ульяновкѣ было скучно такъ, какъ можетъ быть скучно только въ захолустныхъ казенныхъ мѣстахъ. Пахло плѣсенью, сургучемъ, оборванный почтальонъ стучалъ штемпелемъ, угрюмый Сахаровъ, похожій на гориллу, оралъ на мужиковъ, сердясь, что Кузьма не догадывается прислать ему пятокъ куръ или хоть пудъ муки, отрывисто спрашивалъ: «Имя, хвамиліе ваше?» — и, порывшись въ шкапѣ, твердо выговаривалъ: «Ничего не будетъ». Возлѣ дома Тихона Ильича волновалъ запахъ паровознаго дыма, напоминалъ, что есть на свѣтѣ города, люди, газеты, новости. Поговорить съ братомъ, отдохнуть у него, согрѣться тоже было пріятно. Но разговоръ не налаживался. Брата поминутно отрывали въ лавку, по хозяйству, говорилъ онъ тоже только о хозяйствѣ, о брехнѣ, о подлости и злобѣ мужиковъ, — о необходимо-

сти поскорѣе, поскорѣе развязаться съ имѣніемъ. Настасья Петровна была жалка. Она, видимо, стала страшно бояться мужа; невпопадъ встрѣвала въ бесѣду, невпопадъ хвалила его, — его умъ, зоркій хозяйскій глазъ, то, что онъ по хозяйству во все, во все вникалъ самъ.

— Ужъ такой доступный до всего, такой доступный! — говорила она — и Тихонъ Ильичъ грубо обрѣзалъ ее, а Кузьма не зналъ, что сказать, боясь наткнуться на ссору. Роли мѣнялись: теперь ужъ не онъ, а братъ пугалъ, наставлялъ его, не онъ, а братъ доказывалъ, что жить въ Россіи невозможно. Черезъ часъ такой бесѣды Кузьму начинало тянуть домой, въ усадьбу. «Куда же я дѣнусь? — со страхомъ думалъ онъ, слушая брата, говорившаго о продажѣ имѣнія. — И неужели состоится эта ужасная свадьба Дениски съ Молодой? И почему такъ упорно твердитъ Тихонъ, что свадьба эта должна состояться?» «Онъ рехнулся, ей-ей, рехнулся!» — бормоталъ Кузьма на пути домой, вспоминая угрюмое и злое лицо Тихона, его замкнутость, подозрительность и утомительное повтореніе одного и того же. И покрикивалъ на Кошеля, на лошадь, торопясь скрыть въ своемъ домишкѣ и тоску свою, и старую холодную одежду, и одиночество, и нѣжность при мысли о миломъ и печальномъ лицѣ Молодой, о ея женственности—и молчаливости. «Эхъ, да и какъ было ей не пропасть тутъ!» — тоскли-

во думалъ онъ, глядя въ сумерки, на рѣдкіе огоньки Дурновки...

На Святкахъ къ Кузьмѣ повадился Иванушка изъ Басовки. Это былъ старозавѣтный мужикъ, ошалѣвшій отъ долголѣтія, нѣкогда славившійся медвѣжьей силой. Коренастый, согнутый въ дугу, никогда не подымавшій лохматой бурой головы, ходившій носками внутрь, онъ поразилъ Кузьму еще болѣе, чѣмъ Меньшовъ, Акимъ, Сѣрый. Въ холеру девяносто второго года вся огромная семья Иванушки вымерла. Уцѣлѣлъ только сынъ, солдатъ, служившій теперь будочникомъ на чугункѣ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки. Можно было дожить вѣкъ и у сына, но Иванушка предпочелъ бродить, побираться. Онъ легко и косолапо шелъ по двору, съ палкой и шапкой въ лѣвой рукѣ, съ мѣшкомъ въ правой, съ раскрытой головой, на которой бѣлѣлъ снѣгъ — и овчарки почему-то не брехали на него. Онъ входилъ въ домъ, бормоталъ: «Дай Богъ дому сему да хозяина въ дому», — и садился у стѣны на полъ. Кузьма отрывался отъ книги и съ удивленіемъ, съ робостью смотрѣлъ на него поверхъ пенснэ, какъ на какого-то степного звѣря, присутствіе котораго было странно въ комнатѣ. Молча, съ опущенными рѣсницами, съ легкой ласковой улыбкой, мягко ступая лаптями, появлялась Молодая, подавала Иванушкѣ миску вареныхъ картошекъ и цѣлую краюху хлѣба, сѣ-

рую отъ соли, и становилась у притолки. Она носила лапти, въ плечахъ была плотна, широка, и красивое поблекшее лицо ея было такъ крестьянски-просто и старинно, что, казалось, иначе и не могла она называть Иванушку, какъ дѣдушкой. И она, улыбаясь только одному ему, негромко говорила:

— Закуси, закуси, дѣдушка.

А онъ, не поднимая головы, зная ея ласку только по голосу, тихо ылъ въ отвѣтъ, иногда бормоталъ: «Спаси табе Господь, внучкя», широко и неловко, точно лапой, крестился и жадно принимался за ѣду. На его бурыхъ волосахъ, нечеловѣчески густыхъ и крупныхъ, таяло. Съ лаптей текло по полу. Отъ ветхаго бураго чекменя, надѣтаго на грязную посконную рубаху, пахло курной избой. Изуродованныя долгой работой руки, корявые негнущіеся пальцы съ трудомъ ловили картошки.

— Небось, холодно въ одномъ чекменѣ-то? — громко спрашивалъ Кузьма.

— Ась? — слабымъ ытьемъ отзывался Иванушка, подставляя закрытое волосами ухо.

— Холодно тебѣ, небось?

Иванушка думалъ.

— Чѣмъ холодно? — отвѣчалъ онъ съ разстановкой. — Ничаво ня холодно... Въ старину куда стюдянѣй было.

— Подними голову-то, волосы-то поправь!

Иванушка медленно качалъ головою.

— Таперь, братъ, не подымешь... Гнеть къ землѣ-то...

И съ тусклой улыбкой силился поднять свое страшное, заросшее волосами лицо, свои крохотные, сощуренные глазки.

Наѣвшись, онъ вздыхалъ, крестился, собиралъ и дожевывалъ крошки съ колѣнъ; потомъ шарилъ возлѣ себя — искалъ мѣшокъ, палку и шапку, а найдя и успокоившись, начиналъ неторопливую бесѣду. Онъ могъ просидѣть молча весь день, но Кузьма и Молодая разспрашивали — и онъ, какъ во снѣ, откуда-то издалека, отвѣчалъ. Онъ разсказывалъ своимъ неуклюжимъ стариннымъ языкомъ, что царь весь изъ золота, что рыбу царь не можетъ ѣсть — «дюже солна», что пророкъ Илья разъ проломилъ небо и упалъ на землю: «дюже былъ грузенъ»; что Иванъ Креститель родился лохматый, какъ баранъ, и, крестя, билъ крестника костылемъ желѣзнымъ въ голову, чтобы тотъ «очухался»; что всякая лошадь разъ въ году, въ день Флора и Лавра, норовитъ человѣка убить; разсказывалъ, что въ старину ржи были такія, что ужъ не могъ проползти, что косили прежде въ день по двѣ десятины на брата; что у него былъ меринъ, котораго держали «на чѣпи» — такъ силенъ и страшенъ былъ онъ; что однажды, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, у него, у Иванушки, украли такую

дугу, за которую онъ двухъ цѣлковыхъ не взялъ бы... Онъ былъ твердо убѣжденъ, что семья его вымерла не отъ холеры, а оттого, что перешла послѣ пожара въ новую избу, ночевала въ ней, не давъ сперва переночевать кочету, и что онъ съ сыномъ спасся только случайно: спалъ въ ригѣ. Подъ вечеръ Иванушка поднимался и уходилъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, не склоняясь ни на какія увѣщанія остаться до утра... И простудился на смерть — и подъ Крещенье скончался въ будкѣ сына. Сынъ уговаривалъ его причаститься. Иванушка не согласился: онъ сказалъ, что, причастившись, помрешь, а смерти онъ твердо рѣшилъ «не поддаваться». Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ безъ памяти; но даже и въ бреду просилъ невѣстку сказать, что его дома нѣтъ, если постучится смерть. Ночью разъ пришелъ въ себя, собралъ силы, слѣзъ съ печи и сталъ на колѣни передъ образомъ, озаренными лампадкой. Онъ тяжко вздыхалъ, долго бормоталъ, повторялъ: «Господи-Батюшки, прости мои прегрѣшенія»... Потомъ задумался, долго молчалъ, приникнувъ головою къ полу. И вдругъ поднялся и твердо сказалъ: «Нѣ, не поддамся!» Но утромъ увидалъ, что невѣстка разваливаетъ пироги, жарко топитъ печь...

— Ай мнѣ на похороны? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Невѣстка промолчала. Онъ опять собралъ силы, опять слѣзъ съ печи, вышелъ въ сѣнцы: да, вѣрно, — у стѣны стоймя стоялъ громадный лиловый гробъ съ бѣлыми восьмиконечными крестами! Тогда онъ вспомнилъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ съ сосѣдомъ, старикомъ Лукьяномъ: Лукьянъ захворалъ, ему купили гробъ — тоже хорошій, дорогой гробъ, — привезли изъ города муки, водки, соленаго судака; а Лукьянъ возьми да и поправься. Куда было дѣвать гробъ? Чѣмъ оправдать траты? Лукьяна лѣтъ пять проклинали потомъ за нихъ, сжили попреками со свѣту, изморили голодомъ, стравили вшами и грязью... Иванушка, вспомнивъ это, поникъ головой и покорно побрелъ въ избу. А ночью, лежа на спинѣ безъ памяти, сталъ дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ пѣть, да все тише, тише — и вдругъ затрясъ колѣнами, заикалъ, высоко поднялъ грудь вздохомъ и, съ пѣной на раскрытыхъ губахъ, застылъ...

Чуть не мѣсяцъ Кузьма пролежалъ изъ-за Иванушки въ постели. Утромъ на Крещенье говорили, что птица мерзнетъ на лету, а у Кузьмы даже валенокъ не было. И все-таки онъ поѣхалъ взглянуть на мертваго. Руки его, сложенныя и закоченѣвшія подъ огромной грудью на чистой посконной рубахѣ, уродованныя мозолистыми наростами въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ первобытно-тяжкой работы, были такъ грубы и

страшны, что Кузьма поспѣшилъ отвернуться. А на волосы, на мертвое звѣриное лицо Иванушки онъ даже и покоситься не могъ, — поскорѣе кинулъ бѣлый коленкоръ. И изъ-подъ коленкора вдругъ пахнуло удушливо-противной сладковатой вонью... Чтобы согрѣться, Кузьма выпилъ водки и посидѣлъ передъ жарко пылающей печкой. Въ будкѣ было тепло и празднично-чисто, надъ возглавіемъ широкаго лиловаго гроба, закрытаго коленкоромъ, мерцалъ золотистый огонекъ восковой свѣчки, прилѣпленной къ угловому темному образу, пестрѣла яркими красками лубочная картина — продажа братьями Іосифа. Привѣтливая солдатка легко поднимала на рогачѣ и вдвигала въ печь пудовые чугуны, весело говорила о казенныхъ дровахъ и все упрашивала остаться до возвращенія изъ села мужа. Но Кузьму била лихорадка; лицо горѣло, отъ водки, отравой разлившейся по озябшему тѣлу, стали навертываться на глаза безпричинныя слезы... И, не согрѣвшись, Кузьма поѣхалъ по бѣлымъ крѣпкимъ волнамъ полей къ Тихону Ильичу. Заиндивѣвшій, бѣло-кудрявый меринъ бѣжалъ шибко, рыча и екая селезенкой, кидая изъ ноздрей столбы сѣраго пара; козырьки голосили, звонко визжали желѣзными подрѣзами по жесткому снѣгу; сзади, въ морозныхъ кругахъ, желтѣло низкое солнце; спереди, съ сѣвера, несло жгучимъ, захватывающимъ духъ вѣтромъ;

вѣшки клонились въ густомъ кудрявомъ инеѣ, и крупныя сѣрыя овсянки стаей летѣли передъ мериномъ, разсыпались по лоснящейся дорогѣ, клевали мерзлый навозъ, опять взлетали и опять разсыпались. Кузьма глядѣлъ на нихъ сквозь тяжелыя, бѣлыя рѣсницы, чувствовалъ, что задеревянѣвшее лицо его съ бѣлыми кудрями усовъ и бороды стало похоже на святочную маску... Солнце садилось, снѣжныя волны мертвенно зеленѣли въ оранжевомъ блескѣ, отъ ихъ хребтовъ и зазубринъ тянулись голубыя тѣни... Кузьма круто повернулъ лошадь и погналъ ее назадъ, домой. Солнце сѣло, въ домѣ съ запушенными сѣрыми стеклами брезжилъ тусклый свѣтъ, стояли сизыя сумерки, было нелюдимо и холодно. Снѣгирь, висѣвшій въ клѣткѣ возлѣ окна въ садъ, околѣлъ, — вѣрно, отъ махорки, — лежалъ вверхъ лапками, распушивъ перья, раздувъ красный зобикъ.

— Готовъ! — сказалъ Кузьма и понесъ снѣгиря выкидывать.

Дурновка, занесенная мерзлыми снѣгами, такая далекая всему міру въ этотъ печальный вечеръ среди степной зимы, вдругъ ужаснула его. Кончено! Горящая голова мутна и тяжела, онъ сейчасъ ляжетъ и больше не встанетъ... Скрипя по снѣгу лаптями, къ крыльцу подходила съ ведромъ въ рукѣ Молодая.

— Заболѣлъ я, Дунюшка! — ласково сказалъ

Кузьма, въ надеждѣ услыхать и отъ нея ласковое слово.

Но Молодая равнодушно, сухо отвѣтила:

— Самоваръ, что ль, поставить?

И даже не спросила, чѣмъ заболѣлъ. Не спросила ничего и объ Иванушкѣ... Кузьма вернулся въ темную комнату и, весь дрожа, со страхомъ соображая, какъ же это и куда онъ будетъ ходить теперь за нуждой, легъ на диванъ... И вечера смѣшались съ ночами, ночи съ днями, счетъ ихъ потерялся.

Въ первую ночь, часа въ три, онъ очнулся и постучалъ въ стѣну кулакомъ, чтобы попросить воды: мучила во снѣ жажда и мысль, выкинули ли снѣгиря. Но на стукъ никто не отозвался: Молодая ушла ночевать въ людскую. И Кузьма вспомнилъ, почувствовалъ, что онъ смертельно боленъ, и его охватила такая тоска, точно онъ очнулся въ склепѣ. Значитъ, въ прихожей, пахнущей снѣгомъ, соломой и хомутами, было пусто! Значитъ, онъ, больной и безпомощный, совсѣмъ одинъ въ этомъ темномъ ледяномъ домишкѣ, гдѣ тускло сѣрѣютъ окна среди мертвой тишины безконечной зимней ночи и виситъ ненужная клѣтка!

— Господи, спаси и помилуй, Господи, помоги хоть сколько-нибудь, — зашепталъ онъ, поднимаясь и шаря дрожащими руками по карманамъ.

Онъ хотѣлъ зажечь спичку. Но шопотъ его

былъ горячечный, въ пылающей головѣ шумѣло и звенѣло, руки, ноги ледянѣли... Пріѣхала Клаша, быстро распахнула дверь, положила его голову на подушку, сѣла на стулъ возлѣ дивана... Одѣта она была барышней, — бархатная шубка, шапочка и муфта изъ бѣлаго мѣха, — руки ея пахли духами, глаза блестѣли, щеки съ мороза раскраснѣлись... «Ахъ, какъ хорошо распуталось все!» — шепталъ кто-то, но нехорошо было то, что Клаша почему-то не зажгла огня, что пріѣхала она не къ нему, а на похороны Иванушки... что она внезапно запѣла подъ гитару: «Хазъ-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя»... Потомъ все это сразу исчезло, онъ открылъ глаза— и отъ того таинственнаго, тревожнаго и жуткаго, что наполняло его голову сумбуромъ, не осталось и слѣда. Снова увидѣлъ онъ темную холодную комнату, сѣрѣющія окна; понялъ, что все вокругъ просто, слишкомъ просто, — что онъ боленъ и совсѣмъ, совсѣмъ одинъ...

Въ смертельной тоскѣ, отравлявшей душу въ началѣ болѣзни, Кузьма бредилъ снѣгиремъ, Клашей, Воронежемъ, но даже въ бреду не покидала его мысль — сказать кому-то, что-бы хоть въ одномъ сжалились надъ нимъ — не хоронили въ Колодезяхъ. Но, Боже мой, не безуміе ли надѣяться на жалость въ Дурновкѣ! Разъ онъ пришелъ въ себя утромъ, когда топили печку,—и простые, спокойные голоса Кошеля и Молодой пока-

зались ему такъ безпощадны, чужды и странны, какъ всегда кажется безпощадна, чужда и странна больнымъ обыденная жизнь здоровыхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, попросить поставить самоваръ — и онѣмѣлъ и чуть не заплакалъ: послышался сердитый шопотъ Кошеля, говорившаго, конечно, о немъ, о больномъ, и отрывистый отвѣтъ Молодой:

— А, да ну его! Помреть, — похоронять...

Потомъ тоска начала ослабѣвать. Свѣтило въ окна, сквозь голыя вѣтви акацій, предвечернее солнце. Синѣлъ табачный дымъ. Возлѣ постели сидѣлъ старичокъ-фельдшеръ, пахнущій лѣкарствами и морозной свѣжестью, отдиравшій съ усовъ ледяныя сосульки. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Тихонъ Ильичъ, высокій, сѣдой, строгій, заваривалъ, стоя у стола, душистый чай. Фельдшеръ выпивалъ стакановъ восемь, десять, говорилъ о своихъ коровахъ, цѣнахъ на муку и масло, а Тихонъ Ильичъ разсказывалъ, какъ чудесно, богато хоронили Настасью Петровну, какъ онъ радъ, что нашелся наконецъ покупатель на Дурновку. Кузьма понималъ, что Тихонъ Ильичъ только что изъ города, что Настасья Петровна умерла тамъ внезапно, по дорогѣ на вокзалъ; понималъ, что стоили Тихону Ильичу похороны страшно дорого и что онъ уже взялъ задатокъ за Дурновку — и былъ совершенно равнодушенъ...

Проснувшись однажды очень поздно, не чувствуя ни слабости ни дрожи въ ногахъ, онъ сѣлъ за самоваръ. День былъ пасмурный, теплый, наваливало много снѣга. Отпечатывая въ немъ слѣды лаптей, испещренные крестиками, прошелъ подъ окномъ Сѣрый. Вокругъ него, обнюхивая его рваныя полы, бѣжали овчарки. А онъ тянулъ за поводъ высокую грязно-соловую лошадь, безобразную отъ старости и худобы, съ истертыми хомутомъ плечами, съ побитой спиной, съ жидкимъ нечистымъ хвостомъ. Она ковыляла на трехъ ногахъ, четвертую, переломленную ниже колѣна, волочила. И Кузьма вспомнилъ, что третьяго-дня былъ Тихонъ Ильичъ и сказалъ, что велѣлъ Сѣрому полакомить овчарокъ,— найти и зарѣзать старую лошадь, что Сѣрый и прежде промышлялъ иногда этимъ дѣломъ — покупкой дохлой или негодной скотины на шкуру. Съ Сѣрымъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ, былъ недавно страшный случай: готовясь рѣзать какую-то кобылу, Сѣрый забылъ ее спутать, связалъ и затянулъ на сторону только морду,— и кобыла, какъ только онъ, перекрестившись, ударилъ ее тонкимъ ножичкомъ въ жилу возлѣ ключицы, взвизгнула и, съ визгомъ, съ желтыми, оскаленными отъ боли и ярости зубами, съ бьющей на снѣгъ струей черной крови, кинулась на своего убійцу и долго, какъ человѣкъ, гонялась за нимъ — и настигла бы, да «спасибо снѣгъ былъ глубокъ»...

Кузьму такъ поразилъ этотъ случай, что теперь, заглянувъ въ окно, онъ опять почувствовалъ тяжесть въ ногахъ. Онъ сталъ глотать горячій чай — и понемногу оправился. Покурилъ, посидѣлъ... Наконецъ всталъ, вышелъ въ прихожую и взглянулъ на голый рѣдкій садъ за оттаявшимъ окномъ: въ саду, на бѣлоснѣжномъ покровѣ поляны, краснѣла бокастая кровавая туша съ длинной шеей и ободранной головою; собаки, сгорбившись и упершись лапами въ мясо, жадно вырывали и растягивали кишки; два старыхъ черно-сизыхъ ворона бокомъ подпрыгивали къ головѣ, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на нихъ, и опять опускались на дѣвственно-чистый снѣгъ. «Иванушка, Сѣрый, вороны...— подумалъ Кузьма.— Вороны эти, можетъ, еще помнятъ времена Ивана Грознаго... Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!»

Недомоганіе не покидало Кузьму еще съ полмѣсяца. Грустно и радостно трогала мысль о веснѣ, хотѣлось поскорѣе вонъ изъ Дурновки. Онъ зналъ, что зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, съѣдалъ снѣгъ. Деревня чернѣла, между грязными сугробами стояла вода; становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гуськомъ, весь закиданный конскимъ пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ вентилятора тянуло волнующей весенней сы-

ростью... Жить еще хотѣлось — жить, ждать весны, переѣзда въ городъ, жить, покоряясь судьбѣ, и дѣлать какое угодно дѣло, хотя бы за одинъ кусокъ хлѣба... И, конечно, у брата, — какой онъ ни есть. Братъ вѣдь уже предлагалъ ему, больному, переселиться на Ворголъ.

— Куда жъ мнѣ гнать-то тебя, — сказалъ онъ, подумавъ. — Я и лавку съ дворомъ съ перваго марта передаю, — поѣдемъ-ка, братуша, въ городъ, подальше отъ этихъ живорѣзовъ!

И правда: живорѣзы. Была Однодворка и передавала подробности недавней исторіи съ Сѣрымъ. Дениска вернулся изъ Тулы и околачивался безъ дѣла, болтая по деревнѣ, что хочетъ жениться, что у него есть денежки и что скоро заживетъ онъ за первый сортъ. Деревня сперва называла эти розсказни брехнею, потомъ, по намекамъ Дениски, сообразила, въ чемъ дѣло, и повѣрила. Повѣрилъ и Сѣрый и сталъ заискивать въ сынѣ. Но, ободравъ лошадь, получивъ цѣлковый отъ Тихона Ильича и наживъ полтинникъ на шкурѣ, загордѣлъ и загулялъ: пилъ два дня, потерялъ трубку и легъ отлеживаться на печкѣ. Голова болѣла, покурить было не изъ чего. Вотъ онъ и сталъ обдирать на цыгарки потолокъ, который Дениска оклеивалъ газетами и разными картинами. Обдиралъ онъ, конечно, тайкомъ, но разъ таки-засталъ его Дениска за этимъ дѣломъ. Засталъ и заоралъ. Сѣрый съ по-

хмелья тоже заоралъ — и Дениска стащилъ его съ печки и билъ смертнымъ боемъ до тѣхъ поръ, покуда не сбѣжались сосѣди. Правда, миръ былъ заключенъ на другой же день вечеромъ, за кренделями и водкой, но, думалъ Кузьма, не живорѣзъ ли и Тихонъ Ильичъ, съ упорствомъ сумасшедшаго настаивающій на свадьбѣ Молодой съ однимъ изъ этихъ живорѣзовъ?

Услыхавъ объ этой свадьбѣ впервые, Кузьма твердо рѣшилъ, что не допуститъ ея. Какой ужасъ, какая нелѣпость! Потомъ, приходя въ себя во время болѣзни, онъ даже радовался этой нелѣпости. Удивило и поразило его равнодушіе Молодой къ нему, больному. «Звѣрь, дикарь!» —думалъ онъ и, вспоминая о свадьбѣ, злобно прибавлялъ: «И отлично! Такъ ей и надо!» Теперь, послѣ болѣзни, исчезли и рѣшимость и злоба. Какъ-то заговорилъ онъ съ Молодой о намѣреніи Тихона Ильича — и она спокойно отвѣтила:

— Да что жъ, я ужъ балакала съ Тихономъ Ильичемъ объ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ ему добраго здоровья, это онъ хорошо придумалъ.

— Хорошо? — изумился Кузьма.

Молодая посмотрѣла на него и покачала головою:

— Да какъ же не хорошо-то? Чудны вы, ей-Богу, Кузьма Ильичъ! Денегъ сулитъ, свадьбу беретъ на себя... Опять же не вдовца какого-ни-

будь придумалъ, а малаго молодого, безъ порока... не гнилого, не пьяницу...

— А лодыря, драчуна, дурака набитаго, — прибавилъ Кузьма.

Молодая потупила глаза, помолчала. Вздохнула и, повернувшись, пошла къ двери.

— Да какъ знаете, — сказала она съ дрожью въ голосѣ. — Дѣло ваше... Отговаривайте... Богъ съ вами.

Кузьма широко раскрылъ глаза и крикнулъ:

— Стой, да ты съ ума сошла! Развѣ я тебѣ зла желаю?

Молодая обернулась и остановилась.

— А развѣ не зла? — горячо и грубо заговорила она, краснѣя и блестя глазами. — Куда жъ, по-вашему, мнѣ дѣваться? Вѣкъ чужіе пороги обивать? Чужую корку глодать? Бездомной побирушкой шататься? Ай вдовца, старика искать? Мало я слезъ-то поглотала?

И голосъ ея сорвался. Она заплакала и вышла. Вечеромъ Кузьма убѣдилъ ее, что онъ и не думалъ разстраивать дѣла, и она наконецъ повѣрила, ласково и застѣнчиво усмѣхнулась.

— Ну, спасибо вамъ, — сказала она тѣмъ милымъ тономъ, какимъ говорила съ Иванушкой.

Но и тутъ на рѣсницахъ ея задрожали слезы— и опять развелъ руками Кузьма.

— А теперь-то ты о чемъ? — сказалъ онъ.

И Молодая тихо отвѣтила:

— Да авось и Дениска не радость...

Кошель привезъ съ почты газету почти за полтора мѣсяца. Дни стояли темные, туманные, и Кузьма съ утра до вечера читалъ, сидя у окна. И, кончивъ, ошеломивъ себя числомъ новыхъ казней, оцѣпенѣлъ. Ярость душила прежде при чтеніи газетъ, — ярость безплодная, потому что не хватало человѣческой воспріимчивости на то, что читалось. Теперь только похолодѣли пальцы. Да, да, яриться тутъ нечего. Все идетъ какъ по-писаному... По Сенькѣ и шапка... Онъ поднялъ голову: косо неслась бѣлая крупа, падая на черную нищую деревушку, на ухабистыя, грязныя дороги, на конскій навозъ, ледъ и воду; сумеречный туманъ скрывалъ безпредѣльныя поля, всю эту великую пустыню съ ея снѣгами, лѣсами, селеніями и городами, — царство голода и смерти...

— Авдотья! — крикнулъ Кузьма, поднимаясь съ мѣста. — Скажи Кошелю — лошадь въ козырьки запрячь. Къ брату ѣду...

Тихонъ Ильичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, въ одной ситцевой косовороткѣ, смуглый, съ бѣлой бородой, съ насупленными сѣрыми бровями, большой и сильный, и заваривалъ чай.

— А! братуша! — привѣтливо воскликнулъ онъ, не раздвигая бровей. — Вылѣзъ на свѣтъ Божій? Смотри, не рано ли?

— Ужъ очень соскучился, братъ, — отвѣтилъ Кузьма, цѣлуясь съ нимъ.

— Ну, а соскучился, давай грѣться и балакать...

Разспросивъ другъ друга, нѣтъ ли новостей, стали молча пить чай, потомъ закурили.

— Очень ты похудѣлъ, братуша! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, затягиваясь и исподлобья глядя на Кузьму.

— Похудѣешь, — отвѣтилъ Кузьма тихо. — Ты не читаешь газетъ?

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся.

— Брехню-то эту? Нѣтъ, Богъ милуетъ.

— Сколько казней, если бъ ты зналъ!

— Казней? Подѣломъ... Ты не слыхалъ, что подъ Ельцомъ-то было? На хуторѣ братьевъ Быковыхъ?.. Помнишь, небось, — картавые-то?.. Сидятъ эти Быковы, не хуже насъ съ тобою, этакъ вечеркомъ, играютъ въ шашки... Вдругъ — что такое? Топотъ на крыльцѣ, крикъ: «Отворяй!» И не успѣли, братецъ ты мой, эти самые Быковы глазомъ моргнуть — вваливается ихній работникъ, мужичишка на манеръ Сѣраго, а за нимъ — два архаровца какіе-то, золоторотцы, короче сказать... И всѣ съ ломами. Подняли ломы, да какъ заорутъ: «Руки уверхъ, мать вашу такъ!» Быковы, конечно, перепугались не на животъ, а на смерть, вскочили, кричатъ: «Да что такое?» А мужичишка свое: уверхъ да уверхъ!

И Тихонъ Ильичъ сумрачно улыбнулся и, задумавшись, смолкъ.

— Да договаривай же,— сказалъ Кузьма.

— Да и договаривать-то нечего... Подняли, конечно, руки и спрашиваютъ: «Да что вамъ надо-то?» — «Ветчину подавай! Гдѣ ключи у тебя?» — «Да сукинъ ты сынъ! Тебѣ ли не знать? Да вотъ они, на притолкѣ на гвоздикѣ висятъ...»

— Это съ поднятыми-то руками? — перебилъ Кузьма.

— Конечно, съ поднятыми... Ну, да и всыпятъ имъ теперь за эти руки! Удавятъ, конечно. Они ужъ въ острогѣ, голубчики...

— Это за ветчину-то удавятъ?

— Нѣтъ, за транду, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе, — полусердито, полушутливо отозвался Тихонъ Ильичъ. — Будетъ тебѣ, ей-Богу, ерепениться-то, Балашкина изъ себя корчить! Пора бросать...

Кузьма потеребилъ свою сѣренькую бородку. Измученное, худое лицо его, скорбные глаза, косо поднятая лѣвая бровь отражались въ зеркалѣ, и, поглядѣвъ на себя, онъ тихо согласился:

— Ерепениться-то? Вѣрно, что пора... давно пора...

И Тихонъ Ильичъ перевелъ разговоръ на дѣла. Видимо, онъ и задумался-то давеча, среди разсказа, только потому, что вспомнилъ что-то го-

раздо болѣе важное, чѣмъ казни, — какое-то дѣло.

— Вотъ я ужъ сказалъ Денискѣ, чтобы онъ какъ ни можно скорѣе кончалъ эту музыку, — твердо, четко и строго заговорилъ онъ, изъ горсти подсыпая въ чайникъ чаю. — И прошу тебя, братуша, — прими ты участіе въ ней, въ музыкѣ-то этой. Мнѣ, понимаешь, неловко. А послѣ того перебирайся сюда. Гарно, братуша, будетъ! Разъ мы ужъ порѣшили раскассировать все въ дребезги, сидѣть тебѣ тамъ безъ толку нечего. Только расходы двойные. И, переѣхавши, запрягайся со мной рядомъ. Свалимъ съ плечъ обузу, доберемся, Богъ дастъ, до города, — за ссыпку, да ужъ за настоящую примемся. Тутъ, въ этой яругѣ, не развернешься. Отрясемъ отъ ногъ прахъ ея. — и хоть въ тартарары провались она. Не погибать же въ ней! У меня, имѣй въ виду, — сказалъ онъ, сдвигая брови, протягивая руки и стискивая кулаки: — у меня еще не вывернешься, мнѣ еще рано на печи-то лежать! Чорту рога сломлю!

Кузьма слушалъ, почти со страхомъ глядя въ его остановившіеся, сумасшедшіе глаза, въ его косившій ротъ, хищно отчеканивавшій слова, — слушалъ и молчалъ. Потомъ спросилъ:

— Братъ, скажи ты мнѣ за ради Христа, какая у тебя корысть въ этой свадьбѣ? Не пойму, Богъ свидѣтель, не пойму. Дениску твоего я пря-

мо видѣть не могу. Этотъ новенькій типикъ, новая Русь почище всѣхъ старыхъ будетъ. Ты не смотри, что онъ стыдливъ, сантименталенъ и дурачкомъ прикидывается, — это такое циничное животное! Разсказываетъ про меня, что я съ Молодой живу...

— Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь, — нахмуриваясь, перебилъ Тихонъ Ильичъ. — Самъ же долбишь: несчастный народъ, несчастный народъ! А теперь — животное!

— Да, долблю и буду долбить! — горячо подхватилъ Кузьма. — Но у меня умъ за разумъ зашелъ! Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то... Да ты послушай: вѣдь ты же самъ его, Дениску-то, ненавидишь! Вы оба ненавидите другъ друга! Онъ про тебя иначе и не говоритъ, какъ «живорѣзъ, въ холку народу въѣлся», а ты *его* живорѣзомъ ругаешь! Онъ нагло хвастается на деревнѣ, что теперь онъ — кумъ королю...

— Да знаю я! — опять перебилъ Тихонъ Ильичъ.

— А про Молодую онъ, знаешь, что говоритъ? — продолжалъ Кузьма, не слушая. — Она красавица, у нея, понимаешь, такой нѣжный, бѣлый цвѣтъ лица, а онъ, глупое животное, знаешь, что говоритъ? «Чисто кафельная, сволочь!» Да наконецъ пойми ты одно: вѣдь онъ не будетъ жить въ деревнѣ, его, бродягу, теперь арканомъ въ де-

ревнѣ не удержишь. Какой онъ хозяинъ, какой семьянинъ? Вчера, слышу, идетъ по деревнѣ и поетъ блядскимъ голоскомъ: «Прикрасна, какъ андελъ небесный, какъ деманъ коварна и зла...»

— Знаю! — крикнулъ Тихонъ Ильичъ. — Не будетъ жить въ деревнѣ, ни за что не будетъ! Ну, и чортъ съ нимъ! А что онъ не хозяинъ, такъ и мы съ тобой хороши хозяева! Я, помню, объ дѣлѣ тебѣ говорю, — въ трактирѣ-то, помнишь? — а ты перепела слушаешь... Да дальше-то, дальше-то что?

— Какъ что? И при чемъ тутъ перепелъ? — спросилъ Кузьма.

Тихонъ Ильичъ побарабанилъ пальцами по столу и строго, раздѣльно отчеканилъ:

— Имѣй въ виду: воду толочь — вода будетъ. Слово мое есть свято во вѣки вѣковъ. Разъ я сказалъ — сдѣлаю. За грѣхъ мой не свѣчку поставлю, а сотворю благое. Хоть и лепту одну подамъ, да за лепту эту попомнитъ мнѣ Господь.

Кузьма вскочилъ съ мѣста.

— Господь, Господь! — воскликнулъ онъ фальцетомъ. — Какой тамъ Господь у насъ! Какой Господь можетъ быть у Дениски, у Акимки, у Меньшова, у Сѣраго, у тебя, у меня?

— Постой, — строго спросилъ Тихонъ Ильичъ. — У какого такого Акимки?

— Я вонъ околѣвалъ лежалъ, — продолжалъ Кузьма, не слушая: — много я о Немъ думалъ-

то? Одно думалъ: ничего о Немъ не знаю и думать не умѣю! — крикнулъ Кузьма. — Не наученъ!

И, оглядываясь бѣгающими страдальческими глазами, застегиваясь и разстегиваясь, прошелъ по комнатѣ и остановился передъ самымъ лицомъ Тихона Ильича.

— Запомни, братъ, — сказалъ онъ, и скулы его покраснѣли. — Запомни: наша съ тобой пѣсня спѣта. И никакія свѣчи насъ съ тобой не спасутъ. Слышишь? Мы — дурновцы. Мы — ни Богу свѣча ни чорту кочерга.

И, не находя словъ отъ волненія, смолкъ. Но Тихонъ Ильичъ уже опять думалъ что-то свое и внезапно согласился:

— Вѣрно. Ни къ чорту негодный народъ! Ты подумай только...

И оживился, увлеченный новой мыслью:

— Ты подумай только: пашутъ цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше! — а пахать путемъ — то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! «Какъ люди, такъ и мы» — только и всего. Замѣть! — строго крикнулъ онъ, сдвигая брови, какъ когда-то кричалъ на него Кузьма. — «Какъ люди, такъ и мы»! Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь, — верх-

няя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой — кислая вода!

И Кузьма опѣшилъ. Мысли его спутались.

«Онъ рехнулся!»—подумалъ онъ, безсмысленными глазами слѣдя за братомъ, зажигавшимъ лампу.

А Тихонъ Ильичъ, не давая ему опомниться, съ азартомъ продолжалъ:

— Народъ! Сквернословы, лѣнтяи, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Замѣть, — заоралъ онъ, не видя, что зажженный фитиль полыхаетъ и чуть не до потолка бьетъ копотью, — не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ! — закричалъ онъ плачущимъ голосомъ и съ трескомъ надѣлъ стекло на лампу.

За окнами посинѣло. На лужи и сугробы летѣлъ молодой бѣлый снѣгъ. Кузьма смотрѣлъ на него и молчалъ. Разговоръ принялъ такой неожиданный оборотъ, что даже горячность Кузьмы пропала. Не зная, что сказать, не рѣшаясь взглянуть въ бѣшеные глаза брата, онъ сталъ свертывать папиросу.

«Рехнулся,— думалъ онъ безнадежно. — Да туда и дорога. Все равно! Все — все равно. Шабашъ».

Закурилъ, сталъ успокаиваться и Тихонъ Ильичъ. Сѣлъ и, глядя на огонь лампы, тихо забормоталъ:

— А ты—«Дениска»... Слышалъ, что Макаръ Ивановичъ-то,странникъ-то,надѣлалъ? Поймали, съ дружкомъ со своимъ, бабу на дорогѣ, оттащили въ караулку въ Ключикахъ — и четыре дня ходили насиловали ее... поочередно. Ну, теперь въ острогѣ...

— Тихонъ Ильичъ, — ласково сказалъ Кузьма: — что ты городишь? Къ чему? Ты нездоровъ, должно быть. Перескакиваешь съ одного на другое, сейчасъ одно утверждаешь, а черезъ минуту другое... Пьешь ты, что ли, много?

Тихонъ Ильичъ промолчалъ. Онъ только махнулъ рукою, и въ глазахъ его, устремленныхъ на огонь, задрожали слезы.

— Пьешь? — тихо повторилъ Кузьма.

— Пью, — тихо отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ. — Да запьешь! Ты думаешь, легко мнѣ досталась эта клѣтка-то золотая? Думаешь, легко было кобелемъ цѣпнымъ всю жизнь прожить, да еще со старухою? Ни къ кому у меня, братуша, жалости не было... Ну, да и меня немного жалѣли! Ты думаешь, я не знаю, какъ меня ненавидятъ-то? Ты думаешь, не убили бы меня на смертъ лютую, кабы попала имъ, мужичкамъ-то этимъ, шлея подъ хвостъ, какъ слѣдуетъ, — кабы повезло имъ въ этой революціи-то? Погоди, погоди, —будетъ дѣло, будетъ! Зарѣзали мы ихъ!

— А за ветчину — давить? — спросилъ Кузьма.

— Ну, ужъ и давить, — отозвался Тихонъ Ильичъ страдальчески. — Это вѣдь я такъ, къ слову пришлось...

— Да вѣдь удавятъ!

— А это — не наше дѣло. Имъ отвѣчать Всевышнему.

И, сдвинувъ брови, задумался, закрылъ глаза.

— Ахъ, — сокрушенно сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. — Ахъ, братъ ты мой милый! Скоро, скоро и намъ на судъ передъ престоломъ Его! Читаю я вотъ по вечерамъ требникъ — и плачу, рыдаю надъ этой самой книгой. Диву даюсь: какъ это можно было слова такія сладкія придумать! Да вотъ, постой...

И онъ быстро поднялся, досталъ изъ-за зеркала толстую книжку въ церковномъ переплетѣ, дрожащими руками надѣлъ очки и со слезами въ голосѣ, торопливо, какъ бы боясь, что его прервутъ, сталъ читать:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду въ гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безгласну, не имущую вида...

— Воистину суета человѣческая, житіе же — сѣнь и соніе. Ибо всуе мятется всякъ земнородный, яко же рѣче писаніе: егда міръ пріобрящемъ, тогда во гробъ вселимся, идѣ же вкупѣ царіе и нищіи...

— Царіе и нищіи! — восторженно-грустно

повторилъ Тихонъ Ильичъ и закачалъ головою.— Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха нѣмая, подарилъ я ей, дурѣ, платокъ заграничный, *а она взяла да и истаскала его на изнанку*... Понимаешь? Отъ дури да отъ жадности. Жалко на лицо по буднямъ носить, — праздника, молъ, дождусь, — а пришелъ праздникъ — лохмотья одни остались... Такъ вотъ и я... *съ жизнью-то своей*. Истинно такъ!

Возвращаясь въ Дурновку, Кузьма чувствовалъ только одно — какую-то тупую тоску. Въ тупой тоскѣ прошли и всѣ послѣдніе дни его въ Дурновкѣ.

Шелъ снѣгъ эти дни, а снѣгу только и ждали въ дворѣ Сѣраго, чтобы дорога поправилась къ свадьбѣ.

Двѣнадцатаго февраля, передъ вечеромъ, въ сумракѣ холодной прихожей произошелъ негромкій разговоръ. У печки стояла Молодая, надвинувъ на лобъ желтый съ чернымъ горошкомъ платокъ, глядя на свои лапти. У дверей — коротконогій Дениска, безъ шапки, въ тяжелой, съ обвислыми плечами поддевкѣ. Онъ тоже смотрѣлъ внизъ, на полусапожки съ подковками, которые вертѣлъ въ рукахъ. Полусапожки принадлежали Молодой. Дениска починилъ ихъ и пришелъ получить пятакъ за работу.

— Да у меня нѣту, — говорила Молодая. —

А Кузьма Ильичъ никакъ заснулъ. Ты подожди до завтра-то.

— Мнѣ, былъ, ждать-то нельзя, — пѣвуче и задумчиво отвѣтилъ Дениска, ковыряя ногтемъ подковку.

— Ну, какъ же теперь быть?

Дениска подумалъ, вздохнулъ и, тряхнувъ своими густыми волосами, вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что-жъ языкъ-то даромъ трепать, — громко и рѣшительно сказалъ онъ, не глядя на Молодую и пересиливая застѣнчивость. — Говорилъ съ тобой Тихонъ Ильичъ?

— Говорилъ, — отвѣтила Молодая. — Надоѣлъ даже.

— Такъ я приду сейчасъ съ отцомъ. Все равно ему, Кузьмѣ-то Ильичу, вставать сейчасъ, чай пить...

Молодая подумала.

— Дѣло твое...

Дениска поставилъ полусапожки на подоконникъ и, не напоминая больше о деньгахъ, ушелъ. А черезъ полчаса на крыльцѣ послышался стукъ обиваемыхъ отъ снѣга лаптей: Дениска вернулся съ Сѣрымъ — и Сѣрый былъ зачѣмъ-то подпоясанъ по чекменю, по кострецамъ красной подпояской. Кузьма вышелъ къ нимъ. Дениска и Сѣрый долго крестились въ темный уголъ, потомъ тряхнули волосами и подняли лица.

— Сватъ, не сватъ, а добрый человѣкъ! — не спѣша началъ Сѣрый необычно-развязнымъ и ладнымъ тономъ. — Тебѣ нареченную дочь отдавать, мнѣ сына женить. По доброму согласію, на ихнее счастье давай рѣчь промежъ себя держать.

— Да вѣдь у ней мать есть, — сказалъ Кузьма.

— Мать ея не хозяйка, вдова бездомная, изба ея забита, сама она невѣсть гдѣ, — отвѣтилъ Сѣрый, не сбиваясь съ тона. — Обдумай сироту!

И степенно, низко поклонился.

Сдерживая болѣзненную улыбку, Кузьма велѣлъ кликнуть Молодую.

— Бѣги, ищи,— шопотомъ, какъ въ церкви, приказалъ Сѣрый Денискѣ.

—Да я тутъ, — сказала Молодая, выходя изъ-за двери, отъ печки, и поклонилась Сѣрому.

Наступило молчаніе. Самоваръ, стоявшій на полу и краснѣвшій въ темнотѣ рѣшеткой, кипѣлъ и клокоталъ. Лицъ не было видно, но чувствовалось, что всѣ смущены.

— Ну, какъ же, дочка, — рѣшай, — сказалъ Кузьма.

Молодая подумала.

— Я малаго не корю...

— А ты, Денисъ?

Дениска тоже помолчалъ.

— Что-жъ, жениться все равно когда-нибудь надо... Може, Богъ дастъ, ничего...

И сваты поздравили другъ друга съ начатіемъ дѣла. Самоваръ унесли въ людскую. Однодворка, раньше всѣхъ узнавшая новость и прибѣжавшая съ Мыса, зажгла въ людской лампочку, послала Кошеля за водкой и подсолнухами, посадила невѣсту съ женихомъ подъ святыхъ, налила имъ чаю, сама сѣла рядомъ съ Сѣрымъ и, чтобы нарушить неловкость, высоко и рѣзко запѣла, поглядывая на Дениску, на его землистое лицо и большія рѣсницы:

Какъ у насъ да по садику,
Зеленомъ виноградику,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Пригожъ, бѣлъ-бѣлешенекъ...

А Кузьма бродилъ изъ угла въ уголъ по темному залу и, качая головой, морщась, бормоталъ:

— Ай, батюшки! Ай, какой стыдъ, какая чепуха, какое убожество...

На другой день всякій, кто слышалъ отъ Сѣраго объ этомъ пирѣ, ухмылялся и совѣтовалъ: «Ты бы хоть немножко-то помогъ молодымъ!» То же сказалъ и Кошель: «Дѣло ихъ молодое, молодымъ помогать надо». Сѣрый молча ушелъ домой и принесъ Молодой, которая гладила въ прихожей, два чугунчика и мотокъ черныхъ нитокъ.

— Вотъ, невѣстушка,—сказалъ онъ смущен-

но: — на, свекровь прислала. Можетъ, на что годится... Нѣту вѣдь ничего, — кабы было что, изъ рубахи выскочилъ бы...

Молодая поклонилась и поблагодарила. Она гладила гардину, присланную Тихономъ Ильичемъ «замѣсто фаты», и глаза ея были влажны и красны. Сѣрый хотѣлъ утѣшить, сказать, что и ему «не медъ», но помялся, вздохнулъ и, поставивъ чугунки на подоконникъ, вышелъ.

— Нитки-то я въ чугунчикъ положилъ, — пробормоталъ онъ.

— Спасибо, батюшка, — еще разъ поблагодарила Молодая тѣмъ ласковымъ и особеннымъ тономъ, какимъ говорила только съ Иванушкой, и, какъ только вышелъ Сѣрый, неожиданно улыбнулась слабой насмѣшливой улыбкой и запѣла: «Какъ у насъ да по садику»...

Кузьма высунулся изъ зала и строго посмотрѣлъ на нее поверхъ пенснэ. Она смолкла.

— Слушай, — сказалъ Кузьма. — Можетъ, кинуть всю эту исторію?

— Теперь поздно, — негромко отвѣтила Молодая. — Ужъ и такъ страму не оберешься... Ай не знаютъ всѣ, на чьи деньги пировать-то будемъ? Да и расходъ ужъ начали...

Кузьма пожалъ плечами. Правда, вмѣстѣ съ гардиной, Тихонъ Ильичъ прислалъ двадцать пять рублей, мѣшокъ крупичатой муки, пшена и

худую свинью... Но не пропадать же изъ-за того, что свинью эту зарѣзали!

— Охъ, — сказалъ Кузьма. — Измучили вы меня! «Срамъ, расходъ»... Да ай ты дешевле свиньи?

— Дешевле, не дешевле, — мертвыхъ съ погоста не носятъ, — просто и твердо отвѣтила Молодая и, вздохнувъ, аккуратно сложила выглаженную, теплую гардину. — Обѣдать-то сейчасъ будете?

Лицо ея стало спокойно. «Ну, шабашъ, — тутъ пива не сваришь!» — подумалъ Кузьма и сказалъ:

— Ну, какъ знаешь, такъ и краешь...

Пообѣдавъ, онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно. Темнѣло. Въ людской, онъ зналъ, уже спекли ржаную витушку — «ряженый пирогъ». Готовились варить два чугуна студня, чугунъ лапши, чугунъ щей, чугунъ каши — все съ убоиной. И Сѣрый хлопоталъ на снѣжномъ бугрѣ между амбарами и сараемъ. На бугрѣ, въ синеватыхъ сумеркахъ, оранжевымъ пламенемъ пылала солома, которой завалили убитую свинью. Вокругъ пламени, поджидая добычи, сидѣли овчарки, и бѣлыя морды ихъ, груди были шелковисто-розовы. Сѣрый, утопая въ снѣгу, бѣгалъ, поправлялъ костеръ, замахивался на овчарокъ. Полы зипуна онъ высоко поднялъ, заткнулъ за поясъ, шапку все сдвигалъ на затылокъ кистью правой руки,

въ которой блестѣлъ ножъ. Бѣгло и ярко озаряемый то съ той, то съ другой стороны, Сѣрый кидалъ на снѣгъ большую пляшущую тѣнь, — тѣнь язычника. Потомъ мимо амбара, по тропинкѣ на деревню, пробѣжала и скрылась подъ снѣжнымъ бугромъ Однодворка — созывать игрицъ и просить у Домашки елку, сберегаемую въ погребѣ, переходившую съ дѣвишника на дѣвишникъ. А когда Кузьма, причесавшись и перемѣнивъ пиджакъ съ продранными локтями на завѣтный длиннополый сюртукъ, одѣлся и вышелъ на побѣлѣвшее отъ падающаго снѣга крыльцо, въ мягкой сѣрой темнотѣ, у освѣщенныхъ оконъ людской, уже чернѣла большая толпа дѣвокъ, ребятъ, мальчишекъ, стоялъ гамъ, говоръ, играли сразу на трехъ гармоникахъ и все разное. Кузьма, горбясь, перебирая пальцы и хрустя ими, дошелъ до толпы, протолкался и, нагнувшись, вошелъ въ темь, въ сѣни. Было людно, тѣсно и въ сѣняхъ. Мальчишки шныряли между ногъ, ихъ хватали за шеи и выталкивали вонъ, — они снова лѣзли...

— Да пустите, ради Бога! — сказалъ Кузьма, сдавленный у дверей.

Его сдавили еще больше — и кто-то рванулъ дверь. Въ клубахъ пара онъ перешагнулъ порогъ и остановился у притолки. Тутъ тѣснился народъ почище — дѣвки въ цвѣтныхъ шаляхъ, ребята во всемъ новомъ. Пахло краснымъ това-

ромъ, полушубками, керосиномъ, махоркой, хвоей. Маленькое зеленое деревцо, убранное кумачными лоскутами, стояло на столѣ, простирая вѣтки надъ тусклой жестяной лампочкой. Вокругъ стола, подъ мокрыми, оттаявшими окошечками, у черныхъ сырыхъ стѣнъ, сидѣли наряженныя игрицы, грубо нарумяненныя и набѣленныя, съ блестящими глазами, всѣ въ шелковыхъ и шерстяныхъ платочкахъ, съ радужными вьющимися перьями изъ хвоста селезня, заткнутыми на вискахъ въ волосы . Какъ-разъ когда Кузьма вошелъ, Домашка, хромая дѣвка съ темнымъ, злымъ и умнымъ лицомъ, съ черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затянула грубымъ и сильнымъ голосомъ старинную величальную пѣсню:

Какъ у насъ при вѐчеру-вечеру,
При послѣднемъ концу вечера,
При Авдотьиномъ дѣвишнику...

Дѣвки дружнымъ и нестройнымъ хоромъ подхватили ея послѣднія слова — и всѣ обернулись къ невѣстѣ: она сидѣла, по обычаю, возлѣ печки, неубранная, съ головой накрытая большой темной шалью, и должна была отвѣтить пѣснѣ громкимъ плачемъ и причитаніями: «Родный мой батюшка, родимая матушка, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать, замужемъ горе горевать?» Но невѣста молчала. И дѣвки, кончивъ пѣсню, недовольно покосились на нее. Потомъ пошептались и, нах-

муривишсь, медленно и протяжно запѣли «сиротскую»:

Растопися, банюшка,
Ты ударь, звонкій колоколъ!

И у Кузьмы задрожали крѣпко сжатыя челюсти, пошелъ морозъ по головѣ и по голенямъ, сладостно заломило скулы и глаза налились, помутились слезами. Невѣста завернулась въ шаль и вдругъ затряслась отъ такихъ рыданій, что всѣ тревожно переглянулись.

— Будя, дѣвки! — крикнулъ кто-то.

— Будя, родная, будя! — заговорила Однодворка, слѣзая съ лавки. — Непристойно.

Но дѣвки не слушали:

Ты ударь, звонкій колоколъ,
Разбуди мово батюшку...

И невѣста со стономъ стала падать лицомъ на свои колѣни, на руки, захлебываясь отъ слезъ... Дрожащую, шатающуюся и вскрикивающую, какъ отъ лютой боли, ее увели наконецъ въ холодную половину избы — наряжать.

А потомъ Кузьма благословилъ ее. Женихъ пришелъ съ Васькой, сыномъ Якова. Женихъ надѣлъ его сапоги; волосы жениха были подстрижены, шея, окаймленная воротомъ голубой рубахи съ кружевомъ, докрасна выбрита. Онъ умылся съ мыломъ и очень помолодѣлъ, былъ даже недуренъ и, зная это, степенно и скромно опус-

калъ темныя рѣсницы. Васька, дружко, въ красной рубахѣ, въ романовскомъ полушубкѣ нараспашку, стриженый, рябой, крѣпкій, какъ всегда, походилъ на арестанта. Онъ вошелъ, насупился и покосился на игрицъ.

— Будя драть-то! — сказалъ онъ грубо и строго. — Вылязайте, вылязайте.

Игрицы хоромъ отвѣтили:

— Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ — изба не кроется. Положь по рублю на кажномъ углу, пятый — по середкѣ, да бутылку водки.

Васька вытащилъ изъ кармана полштофъ и поставилъ его на столъ. Дѣвки взяли — и поднялись. Стало еще тѣснѣе. Опять распахнулась дверь, опять понесло паромъ и холодомъ — вошла, расталкивая народъ, Однодворка съ фольговой иконкой, а за ней невѣста, въ голубомъ платьѣ съ баской, и всѣ ахнули: такъ была она блѣдна, покорна, спокойна и красива. Васька наотмашь далъ затрещину въ лобъ широкоплечему головастому мальчишкѣ на кривыхъ, какъ у такса, ногахъ — и кинулъ на солому посреди избы чей-то старый полушубокъ. На него стали женихъ и невѣста. Кузьма, не поднимая головы, взялъ икону изъ рукъ Однодворки — и стало такъ тихо, что слышно было свистящее дыханіе любопытнаго головастаго мальчишки. Женихъ и невѣста разомъ упали на колѣни и поклонились

въ ноги Кузьмѣ. Поднялись и опять упали. Кузьма взглянулъ на невѣсту, и въ глазахъ ихъ, встрѣтившихся на мгновеніе, мелькнулъ ужасъ. Кузьма поблѣднѣлъ и съ ужасомъ подумалъ: «Сейчасъ брошу образъ на полъ»... Но руки его невольно сдѣлали иконой крестъ въ воздухѣ — и Молодая, чуть приложившись къ ней, поймала губами и руку его и робко потянулась къ губамъ. Онъ сунулъ икону кому-то въ сторону, схватилъ голову Молодой съ отцовской болью и нѣжностью и, цѣлуя новый пахучій платокъ, сладко заплакалъ. Потомъ, ничего не видя отъ слезъ, повернулся и, расталкивая народъ, шагнулъ въ сѣни. Тамъ уже было пусто. Снѣжный вѣтеръ ударилъ въ лицо. Занесенный порогъ бѣлѣлъ въ темнотѣ, крыша гудѣла. А за порогомъ несла непроглядная вьюга, и свѣтъ, падавшій изъ окошечекъ, изъ толщи снѣжной завалинки, стоялъ дымными столбами...

Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой несущейся мути не было видно ни Дурновки ни мельницы на Мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ побѣлѣлъ, гулъ его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыльца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозь свѣжесть вьюги теплый вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленныя снѣгомъ овчарки, съ трудомъ

различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольцовъ. Подъ жениха запрягли пару, подъ невѣсту одиночку. Сани покрыли казанскими войлоками съ черными разводами на концахъ. Поѣзжане подпоясались разноцвѣтными подпоясками. Бабы надѣли ватныя шубки, накрылись шалями, шли къ санямъ опасливо, мелкими шажками, церемонно приговаривая: «Батюшки, свѣту Божьяго не видно!..» Рѣдко на комъ были свои наряды: все было собрано по сосѣдямъ, сосѣдкамъ, и потому требовалась особенная осторожность — не упасть, поднять подолы повыше. На невѣстѣ и шубку и голубое платье завернули на голову — она сѣла въ сани прямо на бѣлую юбку. Голова ея, убранная вѣнкомъ бумажныхъ цвѣтовъ, была закутана шалями, подшальниками. Она такъ ослабѣла отъ слезъ, что какъ во снѣ видѣла темныя фигуры среди вьюги, слышала шумъ ея, говоръ, праздничный звонъ колокольцовъ. Лошади прижимали уши, воротили морды отъ снѣжнаго вѣтра, вѣтеръ разносилъ говоръ, крикъ приказанія, слѣпилъ глаза, бѣлилъ усы, бороды, шапки, и поѣзжане съ трудомъ узнавали другъ друга въ туманѣ и сумракѣ.

— Ухъ, мать твою не замать! — бормоталъ Васька, нагибая голову, беря вожжи и садясь рядомъ съ женихомъ.

И грубо, равнодушно крикнулъ на вѣтеръ:

— Господа бояре, бословите жениха по невѣсту ѣхать!

Кто-то отозвался:

— Богъ бословитъ...

И бубенцы заныли, полозья заскрипѣли, сугробы, разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло въ сторону...

А на селѣ, въ церковной сторожкѣ, гдѣ отогрѣвались въ ожиданіи священника, всѣ угорѣли. Угарно было и въ церкви, угарно, холодно и сумрачно — отъ вьюги, низкихъ сводовъ и рѣшетокъ въ окошечкахъ. Свѣчи горѣли только въ рукахъ жениха и невѣсты да въ рукѣ чернаго, съ большими лопатками священника, наклонявшагося къ книгѣ, закапанной воскомъ, и быстро читавшаго сквозь очки. По полу стояли лужи,— на сапогахъ и лаптяхъ натаскали много снѣгу,— въ спины дулъ вѣтеръ изъ отворяемыхъ дверей. Священникъ строго поглядывалъ то на двери, то на жениха съ невѣстой, на ихъ напряженныя, ко всему готовыя фигуры, на лица, застывшія въ покорности и смиреніи, золотисто освѣщенныя снизу свѣчами. По привычкѣ, онъ произносилъ нѣкоторыя слова какъ бы съ чувствомъ, выдѣляя ихъ съ трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словахъ, ни о тѣхъ, къ кому они относились.

«Боже пречистый и всея твари содѣтелю...— говорилъ онъ торопливо, то понижая, то повышая

голосъ.— Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина... иже Исаака Ревекцѣ даровавый... Іакова Рахили сочетавый... подаждь рабомъ Твоимъ симъ...»

— Имя? — строгимъ шопотомъ, не мѣняя выраженія лица, перебивалъ онъ самого себя, обращаясь къ псаломщику. И,поймавъ отвѣтъ:«Денисъ. Авдотья...»— продолжалъ съ чувствомъ:

«Подаждь рабомъ Твоимъ симъ Денису и Евдокіи животъ миренъ, долгоденствіе, цѣломудріе... сподоби я видѣть чада чадовъ... и даждь има отъ росы небесныя свыше... исполни домы ихъ пшеницы, вина и елея... возвыси я яко кедры ливанскіе...»

Но окружающіе, если бы даже слушали и понимали его, все же помнили бы о вьюгѣ, о чужихъ лошадяхъ, о возвращеніи въ сумеркахъ въ Дурновку, о домѣ Сѣраго, а не Авраама и Исаака — и усмѣхнулись бы сравненію Дениски съ кедромъ ливанскимъ. Да и ему самому, коротконогому, въ чужихъ сапогахъ, въ старой поддевкѣ, было неловко сознавать,что онъ ниже ростомъ невѣсты, неловко и страшно держать на неподвижной головѣ царскій вѣнецъ — мѣдный огромный вѣнецъ съ крестомъ наверху, надѣтый глубоко, на уши. И рука Молодой, казавшейся въ вѣнцѣ еще красивѣй и мертвѣе, дрожала, и воскъ тающей свѣчи капалъ на оборки ея голубого платья...

Возвращаться было легче. Вьюга въ сумеркахъ была страшнѣе, но бодрило сознаніе, что обуза съ плечъ свалилась: дурно ли, хорошо ли, а дѣло кончили. И гнали лошадей шибко, наугадъ, довѣряясь только мутнымъ призракамъ вѣшекъ, и горластая жена Ваньки Краснаго стояла въ переднихъ саняхъ, приплясывала, махала платочкомъ и орала на вѣтеръ, въ буйную темную муть, въ снѣгъ, летѣвшій ей въ губы и заглушавшій ея волчій голосъ:

У голубя, у сизова,
Золотая голова...

1909.

СУХОДОЛЪ.

ПОЭМА.

I.

Въ Натальѣ всегда поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что заставилъ онъ ее выстрадать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ степь смотритъ: выходивъ, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходолъ.

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею:

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господъ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григорьевна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже моего батюшки съ матушкой.

— Отчего жъ они померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего такъ рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ сол-

даты отдали за провинности, матушка вѣку недожила изъ-за индюшатъ господскихъ. Я-то, конечно, не помню-съ, гдѣ мнѣ, а на дворнѣ сказывали: была она птишницей, индюшатъ подъ ея начальствомъ было нѣсть числа, захватилъ ихъ градъ на выгонѣ и запоролъ всѣхъ до единаго... Кинулась бѣчь она, добѣжала, глянула — да и духъ вонъ выскочилъ.

— А отчего ты замужъ не пошла?

— Да женихъ не выросъ еще.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Да говорятъ, будто госпожа, ваша тетенька, заказывала. За то-то и меня, грѣшную, барышней ославили.

— Ну-у, какая же ты барышня!

— Въ акуратъ-съ барышня! — отвѣчала Наталья, съ тонкой усмѣшечкой, морщившей ея губы и обтирала ихъ темной старушечьей рукой. — Я вѣдь молочная Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша...

Подрастая, все внимательнѣе прислушивались мы къ тому, что говорилось въ нашемъ домѣ о Суходолѣ: все понятнѣе становилось непонятное прежде, все рѣзче выступали странныя особенности суходольской жизни. Мы ли не чувствовали, что Наталья, полъ-вѣка своего прожившая съ нашимъ отцомъ почти одинаковой жизнью,—истинно родная намъ, столбовымъ господамъ Хрущевымъ! И вотъ оказывается, что господа эти за-

гнали отца ея въ солдаты, а мать — въ такой трепетъ, что у нея сердце разорвалось при видѣ погибшихъ индюшатъ!

— Да и правда, — говорила Наталья, — какъ было не пасть замертво отъ такой оказіи? Господа за Можай ее загнали бы!

А потомъ узнали мы о Суходолѣ вещи еще болѣе странныя: узнали, что проще, добрѣй суходольскихъ господъ «во всей вселенной не было», но узнали и то, что не было и «горячѣе» ихъ; узнали, что теменъ и сумраченъ былъ старый суходольскій домъ, что сумасшедшій дѣдъ нашъ Петръ Кириллычъ былъ убитъ въ этомъ домѣ собственнымъ сыномъ своимъ, Герваськой, другомъ отца нашего и двоюроднымъ братомъ Натальи; узнали, что давно сошла съ ума — отъ несчастной любви — и тетя Тоня, жившая въ одной изъ старыхъ дворовыхъ избъ возлѣ оскудѣвшей суходольской усадьбы и восторженно игравшая на гудящемъ и звенящемъ отъ старости фортепіано экоссесы; узнали, что сходила съ ума и Наталья, что еще дѣвчонкой на всю жизнь полюбила она покойнаго дядю Петра Петровича, а онъ сосладъ ее въ ссылку, на хуторъ Сошки... Наши страстныя мечты о Суходолѣ были понятны. Для насъ Суходолъ былъ только поэтическимъ памятникомъ былого. А для Натальи? Вѣдь это она, какъ бы отвѣчая на какую-то свою думу, съ великой горечью сказала однажды:

— Что жъ! Въ Суходолѣ съ татарками за столъ садились! Вспомнить даже страшно.

— Какъ съ татарками? Съ арапниками? — спросили мы.

— Да это все едино-съ, — сказала она.

— А зачѣмъ?

— А на случай ссоры-съ.

— Въ Суходолѣ все ссорились?

— Борони Богъ! Дня не проходило безъ войны! Горячіе всѣ были — чистый порохъ.

Мы-то млѣли при ея словахъ и восторженно попереглядывались: долго представлялся намъ потомъ огромный садъ, огромная усадьба, домъ съ дубовыми бревенчатыми стѣнами подъ тяжелой и черной отъ времени соломенной крышей — и обѣдъ въ залѣ этого дома: всѣ сидятъ за столомъ, всѣ ѣдятъ, бросая кости на полъ, охотничьимъ собакамъ, косятся другъ на друга — и у каждаго арапникъ на колѣняхъ; мы мечтали о томъ золотомъ времени, когда мы выростемъ и тоже будемъ обѣдать съ арапниками на колѣняхъ. Но вѣдь хорошо понимали мы, что не Натальѣ доставляли радость эти арапники. И все же ушла она изъ Лунева въ Суходолъ, къ источнику своихъ темныхъ воспоминаній. Ни своего угла ни близкихъ родныхъ не было у ней тамъ; и служила она въ Суходолѣ уже давно не прежней госпожѣ своей, не тетѣ Тонѣ, а женѣ покойнаго

Петра Петровича. Да вотъ безъ усадьбы-то этой и не могла жить Наталья.

— Что дѣлать-съ: привычка, — скромно говорила она. — Ужъ куда иголка, туда, видно, и нитка. Гдѣ родился, тамъ годился...

И не одна она страдала привязанностью къ Суходолу; да и не привязанность это была, а нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо болѣе сильное. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе дворовые наши! А ужъ про тетю Тоню, про отца и говорить нечего.

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходолъ. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ:

— Да лучше камень въ горѣ бить!

Отецъ былъ беззаботный человѣкъ; для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей. Но глубокая грусть слышалась и въ его разсказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ-давно выселился онъ изъ Суходола въ Лунево, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался на свою жизнь, чуть не до самой кончины своей:

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь въ свѣтѣ. Да и тотъ не въ Суходолѣ!

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими словами, задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— А и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ! — прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ была суходольская, мужицкая, — душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалася въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ — мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами — вотъ и разница вся. Кровь Хрущевыхъ мѣшалась съ кровью дворни и деревни споконъ вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кириллычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Герваськи, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кириллычъ. Откуда истекало столь

рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Герваськой онъ крестами мѣнялся... Давно, давно пора Хрущевымъ посчитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣньи къ Суходолу, въ обольщеніи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли одну семью. Правили этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня — отрава для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели, —гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ нашемъ домѣ? Петръ Петровичъ погибъ рано. Клавдію Марковну никто не считалъ Хрущевой, хотя даже и она, рожденная Ганешина, любила твердить: «наша, хрущевская кровь...» Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первыя повѣствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ — тоже суходольскія,

Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ, — съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабовольной задушевностью про «вѣрную-манерную сударушку свою»? Могъ ли кто-нибудь разсказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры — вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ и не видали мы въ дѣтствѣ Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ въ Задонскъ. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими дуплистыми ветлами; запомнили улей на одной изъ такихъ ветелъ, далеко отошедшей съ дороги въ хлѣба, — улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ; запомнили широкій поворотъ подъ изволокъ, огромный голый выгонъ, на который глядѣли бѣдныя курныя избы, и желтизну каменистыхъ овраговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ дни-

щамъ... Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваськой. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, куда-то уходящими оврагами: все казалось, что по нимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и «канувъ какъ ключъ на дню моря».

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а насчетъ земельки больше; но и они какъ въ родной входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, тряхнувъ волосами, троекратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, конопляный какой-то запахъ, что ощущали, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ — цвѣтущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца — пуньками, курными избами временъ дѣдушки... Мужики суходольскіе ничего не разсказывали. Да что имъ и разсказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы безыменны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій

хлѣбъ, что съѣдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь ненадежны —высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны: при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они... Такъ что же тянуло насъ всѣхъ, — а Наталью всѣхъ больше, — даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола? Развѣ не она, не эта древняя семейственность, не кровное родство наше съ глухоманью степи?

II.

Нянекъ, старыхъ дворовыхъ величаютъ по отчеству. Ее звали всегда по имени: прежде Наташкой, потомъ Натальей. Непохожа она была на няньку: съ колыбели до могилы осталась она истою крестьянкою. Да мало похожъ былъ и Суходолъ на то, что обычно разсказывается о помѣщичьихъ гнѣздахъ.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всей ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми, огненными змѣ-

ями молній, когда мы подъ-вечеръ подъѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжко свалилась къ сѣверо-западу, величаво заступила полънеба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ ея огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрыя, точно сразу похудѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самаго поворота въ Суходолъ, увидали мы въ высокихъ мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбѣжала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ. Со страхомъ глядя въ черные безумные глаза, чувствуя прикосновеніе остраго холоднаго носа и крѣпкій запахъ избы, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга, подумали мы, не Иванъ ли Грозный возсталъ изъ гроба? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ на головѣ Грознаго, на голое тѣло его былъ надѣтъ рваный и по поясъ мокрый халатъ, не закрывавшій тощихъ грудей. И кричалъ Грозный такъ, точно мы были глухіе, точно съ цѣлью затѣять

яростную брань. И по крику мы поняли: это тетя Тоня.

Закричала, но весело, институтски-восторженно и Клавдія Марковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородкой, съ необыкновенно живыми глазками, сидѣвшая у открытаго окна, въ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный носокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на выгонъ, слившійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклонилась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья — дробненькая, загорѣлая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣрой рубахѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной, сморщенной шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на устало-грустные глаза, помню, подумалъ я: это она росла съ нашимъ отцомъ — давнымъ давно, но вотъ именно здѣсь, гдѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшаго, остался вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада — кустарники да нѣсколько старыхъ березъ и тополей, отъ службъ и людскихъ — изба, амбаръ, глиняный сарай, да ледникъ, заросшій полынью и подсвекольникомъ... Запахло самоваромъ, посыпались разспросы; стали появляться изъ столѣтнихъ горокъ хрустальныя вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончившіяся до кленоваго листа, сахарныя сушки, сбереженныя на случай гостей. И, пока разгорался разговоръ, усиленно дружелюбный послѣ

долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣющимъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ.

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пустыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ то же расположеніе, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чернѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того, чьи желѣзныя сандаліи и шлемъ хранятся на солеѣ въ древнемъ соборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знатный, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края гласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы. Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами. Тогда, взявъ свою главу въ руки, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ, дабы исповѣдать бывшее... И жутко было глядѣть на суздальское изображеніе безглаваго человѣка, держащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ, а въ другой икону Путеводительницы, — на этотъ, какъ говорили, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько страшныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писанную подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя задвижки и вверху и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомѣр-

но широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самаго, гдѣ Хрущевы садились за столъ съ татарками, мы прошли въ гостиную. Тутъ, противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепіано, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зіяли раскрытыя двери въ диванную, въ угольную, — туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои...

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами вырубленнаго сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Трошина лѣса, что темнѣлъ далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доходилъ сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всѣмъ...

— Чай кушать пожалуйте-съ, — окликнулъ насъ негромкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими гла-

зами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старомодное барежевое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— Où êtes-vous, mes enfants ? — жантильно улыбаясь, кричала она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попугая, странно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ...

Велико было наше разочарованіе! Вѣдь какъ долго и жадно слушали мы повѣствованія о Суходолѣ. Всѣ говорили о немъ такъ, точно былъ онъ великокняжескимъ помѣстьемъ. Увидѣли же мы скудость, убожество, увидѣли полудикую женщину, образъ которой романтизировали. Не по усадьбамъ Лариныхъ, Лаврецкихъ, этимъ оазисамъ, представляли мы себѣ Суходолъ. И все же всѣ преданія, всѣ поэтическія были Суходола померкли для насъ въ этотъ вечеръ, въ этой бѣдной глуши. До правды тогда намъ еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаемъ ее! Да, ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущевы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными бы-

лями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущевыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуетъ меня теперь. На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой.

Господиномъ Суходола считался отецъ нашъ. А на дѣлѣ-то и самъ онъ былъ рабомъ Суходола. И его загубилъ Суходолъ. Въ суходольскомъ домѣ изо всѣхъ выдѣлялся онъ. Даже обликомъ непохожъ онъ былъ на прочихъ Хрущевыхъ. Но поистинѣ суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его, потомка вырождающагося клана. Послѣднюю рубашку готовъ онъ былъ снять съ себя для другого; да былъ ли хоть единый случай, когда не пропала бы она даромъ, а пошла въ путныя, дѣльныя руки? Добръ онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено вспыльчивъ—какъ звѣрь. Однимъ строгимъ окрикомъ можно было порою привести его въ страхъ и смиреніе. Но порою онъ могъ съ голыми руками полѣзть на толпу съ рогатинами. И остротой и живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случалось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ

и окружающимъ: «вотъ такъ-то долженъ сдѣлать я»,—въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ и отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмъ, что отбрасывалъ его отъ себя въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить и курить такъ, что не зналъ себѣ равнаго въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо-щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его, кажется, на то только и была направлена, чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подъ старость и намъ на молодость нищенскую суму.

Мы застали въ молодости начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она! Ужели, думали мы, вся причина ея въ разрывѣ крѣпостныхъ узъ, вязавшихъ господина и холопа? Непонятной казалась та быстрота, съ которой исчезали съ лица земли старыя барскія гнѣзда. Но не преувеличена-ли, думаю я теперь, ихъ старость, прочность и—барство? Вольно же называть насъ, мужиковъ,

феодалами! Вольно же было вѣрить въ устои Суходола, невзирая на первобытность суходольскую! Въ нѣсколько лѣтъ, — не вѣковъ, а лѣтъ, — до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ-ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ-ли, что гибель вырождающагося суходольца шла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, разора, страха жизни?

III.

Какъ въ Натальѣ, въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было спрыгивать, тонулъ въ крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осѣвшія стеклянныя двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подъ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла

она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а *онъ* стоялъ сзади, крѣпко подпирая талію лѣвой рукой, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки— и въ ситцевыхъ пестренькихъ платьицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ бархатныхъ шаляхъ — залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышкѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее, съ тетей Тоней сдѣлалась истерика... Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски — и думали, думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно - бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями, вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей — и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ развалившихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ; вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу, — и въ тишинѣ

слышался только ровный, струящійся, какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, слившихся съ хлѣбами, въ прадѣдовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые трусы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили свои далеко разставленные, выпученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей терпъ и вишенникъ! А въ полураскрытой ригѣ жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на переметѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкативъ желтые слѣпые зрачки — и видъ у него былъ дикій, чортовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жалейки старика-пастуха Степы... Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало — и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вкругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу — и болѣзненно вскрикивалъ... Тетя просыпалась на лавкѣ у печки:

— Иисусе Сладчайшій, помилуй мя, — шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой, темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы; то крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепіано и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголъ; то старый черный котъ съ зелными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу; или же прилеталъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду. И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, въ темнотѣ лѣзшихъ въ глаза, ругаясь и шепча молитвы, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью — и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо, скалку. Филинъ, съ шорохомъ, задѣвая крыльями солому, срывался съ крыши — и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребетъ. И въ усадьбу опять доносился его плачъ. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая, — и вдругъ испускалъ вопль изумленія; смолкалъ — и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать; опять смолкалъ — и разражался стонами, всхлипываніями, рыданіями... А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и стру-

ился лепетъ сонныхъ тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ— и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди тучъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ Скорпіонъ...

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью степи, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставали Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая, поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ, — и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ и милостивымъ.

— Наталья? — тихо окликали мы.

— Я-съ? — тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наспимся...

Мы садились на коникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Таинственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко въ росистой степи. Предостерегающе-тревожно крякала проснувшаяся на прудѣ утка...

— Гуляли-съ?

— Гуляли.

— Что жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча, такъ-то всѣ ночи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонитъ, другая загонитъ...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричитъ? — говорила сестра.

— Не судомъ кричитъ-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы барчукъ изъ ружья потращалъ. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой? И все барышню пугаетъ. А она вѣдь до смерти пуглива!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣе съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая арапники, мы спрашивали:

— Не дружно, значитъ, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петръ Петровичъ. Горячіе всѣ были — чистый порохъ!

— А пороли дворовыхъ часто?

— Этого у насъ и въ заведеньи не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего-навсего, что приказали Петръ Петровичъ голову мнѣ

овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть да на хуторъ отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Разсказывала Наталья порою съ удивительной прямотой и тщательностью; но порою запиналась, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась... Я вѣдь ужъ сказывала... Молода-глупа была-съ. «Пѣлъ на грѣхъ, на бѣду соловей во саду»... А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье...

Сестра ласково просила ее:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-съ, а пѣсня... Да я ее и не упомню-съ теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-съ...

И скороговоркой кончала:

— «Какъ на грѣхъ, на бѣду»... То бишь: «Пѣлъ на грѣхъ, на бѣду соловей во саду — пѣсню томную... Глупой спать не давалъ — въ ночку темную»...

— Да тамъ не «глупой» сказано, а еще какъ-то.

— Анъ глупой-съ.

Пересиливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю?

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-съ.

— Ты всегда поминаешь его въ молитвѣ?

— Всегда-съ.

— Ты, говорятъ, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ оморокъ-съ. Мы, дворовые, страшные нѣжные были... жидки на расправу... не сравнять же съ сѣрымъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху...Въ городѣ чуть не задвохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулся офицеръ навстрѣчу, похожій на нихъ, — крикнула я, да и замертво! А пришедчи въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надомно, а онѣ погордилися, да и тронулись...Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что жъ? Тѣ слабы умомъ были. А, конечно, и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе... Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали. Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ, — энтого и слѣдовало! — а вечеромъ, глядь, ужъ на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундятъ...

— А скажи, — онъ хорошъ былъ, Войткевичъ то?

Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сурьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напугивалъ: молъ, помру и приду за тобой...

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и домъ у насъ былъ сумраченъ, — не веселый. Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова...

И неторопливымъ шопотомъ начинала Наталья долгое, долгое повѣствованіе.

Были въ этомъ повѣствованіи шутки, недомолвки, отступленія; была живость, задумчивость, простота необыкновенная. Но рядомъ съ этимъ было и другое: таинственность, строгій и пѣвучій полушопотъ. Преобладала же какая-то давнишняя грусть. И все было проникнуто чувствомъ древней вѣры въ предопредѣленіе, никогда

не высказываемаго, смутнаго, но постояннаго самовнушенія, что каждый, каждый изъ насъ долженъ взять на себя ту или иную роль, соответственно тому или иному назначенію.

IV.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человѣкъ богатый,только подъ старость переселился изъ-подъ Курска въ Суходолъ: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глуши, лѣсовъ. Да, — вѣдь это вошло въ пословицу: «въ старину вездѣ лѣса были»... Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь глухіе лѣса. Въ лѣсу терялись и рѣчка Каменка, и тѣ верхи, гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистыя поля вокругъ. Однако уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полустепной просторъ, голые косогоры, на поляхъ — рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ — рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху — только бѣлый голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Только садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акацін, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окрап-

нахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, но такой толстой, темной и плотной, что ни одно желѣзо не сравнится. И глядѣлъ онъ на дворъ, по сторонамъ котораго шли длиннѣйшія службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ разстилался безконечный зеленый выгонъ и широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и — беззаботная.

— Вся въ господъ-съ! — говорила Наталья. —И господа беззаботны были — не хозяйственны, не жадны. Семенъ Кирилычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли что побольше да полутче, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходолъ да четыре ста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чуть не половина разбѣжалася...

Дѣдушка Петръ Кириллычъ былъ слабоуменъ. Онъ и состарился рано, да и умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался Петръ Кириллычъ послѣ того, какъ на него, заснувшаго на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ обрушилъ цѣлый ливень крупнѣйшихъ яблокъ. А на дворнѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что захворалъ Петръ Кириллычъ отъ тоски — вскорѣ послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня, когда скончалась она,

что тотъ ураганъ, что налетѣлъ съ черной тучей на спящаго Петра Кириллыча, потрясъ его мыслью о приближеніи собственной смерти. И доживалъ Петръ Кириллычъ, — сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожей на тетю Тоню, — въ тихомъ помѣшательствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать, и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и, оглядываясь, совалъ въ трещины дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданое,—бормоталъ онъ, когда захватывали его. — Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе... Ну, а за всѣмъ тѣмъ — воля ваша: не хочете — я не буду...

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залѣ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то пріѣзда, хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловался на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю — неумѣло толокъ и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящійся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда, жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбредались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зналъ куда дѣваться одинокій, даже и по ночамъ мало

спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: «да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!» — торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...

И уходилъ дальше, — минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый, — а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогѣ и снова еще осторожнѣе окликалъ, выдумывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками, — «ужъ не Петенька ли изъ полка въ побывку», — или что заходитъ страшная градовая туча.

— Они, голубчики, ужъ очень грозы боялись, — разсказывала Наталья. — Я-то еще дѣвчонкой простоволосой была, ну, а все-таки помню-съ. Домъ у насъ какой-то черный былъ... невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ — годъ. Дворни дѣвать было некуды... однихъ лакеевъ пять человѣкъ... Да, извѣстно, започиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а, глядючи на нихъ, и мы, холопы вѣрные. Дѣвки — въ дѣвичьей: погремятъ послѣ обѣда коклюшками

для видимости, распустятъ пухъ по горницѣ, — у насъ все перины набивали, — да и завалятся гдѣ попало. А лакеи, такъ тѣ и совсѣмъ охальничали: сидятъ, бывалыча, въ лакейской, вьютъ спрохвала кнуты, плетутъ сѣти перепелиныя, жундятъ на балалайкахъ — и горюшка мало! А налопаются толокна, соломаты — спать. И тутъ ужъ Петръ Кирилычъ не приступайся къ нимъ,—особливо къ Герваськѣ. «Лакеи! Лакеи! Вы спите?» А Герваська подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: «А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ мотню набью?» — «Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакій?» — «Домовому, сударь: спросонья...» Ну вотъ, Петръ Кирилычъ и ходили все больше къ намъ: «Аркаша, ты спишь? Натка, ты спишь?...» Вскочишь, задрожишь вся... А они — «ну, спи, спи, душа моя, я тебя будить не буду...» И опять пойдутъ по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно ли тучи? А грозы, и правда, куда какъ часто въ старину сбирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки... потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ... прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образовъ зажигать, полотенце завѣтное съ

покойника прадѣдушки вѣшать, — боялась я того полотенца до смерти! — али ножницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы. Изстрекаешься, бывалыча, вся по-поясъ, какъ заставятъ потомъ лѣзть за ними въ крапиву, въ кастрику-то эту самую: она у насъ дремучая росла!

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы, — сперва какой-то Луи Ивановичъ, мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху и нещадно бившій дворовыхъ чубукомъ, а потомъ пожилая, вѣчно зябнувшая мадмазель Сизи, — когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашу: «идьите и больше не вернитесь!» — когда слышалось въ классной: «maître corbeau sur un arbre perché!» и на фортепіано училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, чтобы не скучно было Петру Кириллычу, и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернскій городъ, покинули же его передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркашу ни Тонечку: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Пе-

теньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья и безъ призора... Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ. Ну, а Герваська съ папашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріятели-съ. Только, правда говорится, — волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись даже крестами, а Герваська въ скорости же и напереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. «Что-жъ, — говоритъ разъ барчуку: — ты подрастете, будете меня пороть?» — «Буду». — «Анъ нѣтъ». — «Какъ такъ?» — «А такъ»... И надумалъ: стояла у насъ бочка надъ прудами, на самомъ косогорѣ, а онъ и запримѣть ее, да и подучи Аркадь Петровича залѣсть въ нее и покатиться внизъ. «Перва, — говоритъ, — ты, барчукъ, прожжете, а тамъ я»... Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣть подъ гору, въ воду, какъ пошелъ... Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась!... Ужъ спасибо вблизи пастухи оказалися...

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ и господа и хозяева, и власть и подчиненіе, и парадные покои и семейные, и будни и праздники. Видимость всего этого дер-

жалась и при французахъ. Но французы уѣхали, и домъ остался совсѣмъ безъ хозяевъ. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто кѣмъ владѣлъ: онъ дворовыми или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть съ дубоваго стола исчезла, — обѣдали безъ скатерти и когда попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому, — и темныя бревенчатыя стѣны, темные полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образа, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголъ въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, раскрывалось, распахивалось надъ садомъ дрожащее розово-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары, — по ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ — сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устиновна, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнивой усмѣшкой говоря иногда: «что жъ, я своихъ господъ не обижаю»...Тонечка подросла, уже била Дарью Усти-

новну, но дѣвки еще ни въ грошъ ее не ставили. Отцу, юношѣ, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка, любовь къ Герваськѣ, который хотя и числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещерскихъ болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жалеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-съ, — говорила Наталья: — въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ, — значитъ, либо на деревнѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимою — зайцы, осенью — лисицы, лѣтомъ — перпела, утки, либо дряхвы; сядутъ на дрожки бѣговыя, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Діанку, да и съ Господомъ: нынче на Середнюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣзавтра на степя. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бывалыча, скажутъ: — «Ну, давай, Гервасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, *«Закатилось солнце красное за лѣсъ»*... А Герваська посмотритъ на нихъ, пуститъ въ ноздри дымъ и этакъ съ усмѣшечкой: «Одна рѣчь — не пословица. Поцѣлуйте перва ручку у меня». Побѣлѣютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣ-

ста, бацъ его, что есть силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще чернѣй сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. «Встать, негодяй!» Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовыя висятъ... молчитъ. «Проси прощенья». — «Виноватъ, сударь»... А барчукъ задвохнутся — и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. «То-то «сударь»! — кричатъ. — Я, молъ, норовлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ обойтиться, я, молъ, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты нарочно меня озлобляешь? Нарочно?..»

— Диковинное дѣло! — говорила Наталья: —надъ барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надо мной — барышня. Барчукъ,—а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка, — въ Герваськѣ души не чаяли, а я — въ ней... какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да малепько образумилась после своей провинности...

V.

Съ этой-то провинности и началась ея любовь. И вся суходольская душа ея сказалась въ этой любви.

Съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя

Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Іисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тронулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья — изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходолъ Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились.

Имъ казалось сперва, что просто стало веселѣе жить. Онѣ впервые почувствовали себя дѣвушками и отдались прелести этого ощущенія.

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходолѣ на новый ладъ — на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, Войткевичемъ, привезъ съ собой повара, бритаго алкоголика съ водянисто-блестящими глазами, съ пренебреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатыя формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ — и дѣлалъ это неумѣло, по-мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ, мальчикомъ

смѣлымъ и самоувѣреннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій, — сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолѣ: — помнится, была у насъ въ погребѣ мадера недурная?

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не насмѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ изумился:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь, — сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки. — У насъ, и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да все мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дуромъ, замѣсто квасу.

— Это еще что такое? — крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ. — Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Петенька! Фора! — радостно, тонкимъ голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ. — Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову тол-

качомъ мѣднымъ... Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесъ всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ,— возразилъ онъ, насупясь.— А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно - дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: «Сію минуту выйди вонъ!» А потомъ даже устыдился своей горячности—и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ очаровательные глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья.

Счастье ея было необыкновенно кратко — и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣлъ и донынѣ,хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это — длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно, былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена; да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола. А провинилась Наташка

тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла складное, оправленное въ серебро, зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце — и такъ была поражена красотой его,— какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу, — что не устояла. И нѣсколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило утро: празднично было въ домѣ, который сразу наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ съ пріѣздомъ красавца-барчука, наряднаго, напомаженнаго, съ высокимъ краснымъ воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но нѣжнымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтѣ, она сразу вспоминала, что въ мірѣ — радость, потому что у порога стояли, ждали чистки такіе легонькіе сапожки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего страшнѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось двойное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ, — за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобъ насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на по-

рогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженья, а потомъ опять скрыть, схоронить и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась-то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка, ибо самое сокровенное, что было въ душѣ ея, поняли всѣ. Кончилось тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ приказалъ остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурьмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собой. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку дворовой дѣвчонки, которую, въ затрапезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, посадили на навозную телѣгу и, опозоренную, внезапно оторванную отъ всего родного, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ, на хуторѣ, она должна будетъ стеречь цыплятъ, индюшекъ и бахчи; тамъ она спечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ токутъ горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что

спалъ бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слушать осторожнаго треска пересохшаго гороха, домовитой возни насѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустной переклички индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: «шу-у!»... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хохлушка, получившая власть надъ ея жизнью и смертью и, вѣрно, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшая свою жертву! Единственное преимущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться. И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку, — конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она ни насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! Пока еще оставался возлѣ нея близкій человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Наплакавшись, она захотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговаривалъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула — и очнулась уже въ городѣ. И городъ поразилъ ее

только скукой, сушью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не разскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ престранно гремитъ телѣга, что издалека пахнетъ городъ желѣзными крышами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадь, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ «обжорныхъ» навѣсовъ, — пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки котораго, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго-настрого приказалъ Наташкѣ «поглядывать» и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, придавленная какими-то тупыми думами, не сводила глазъ съ купола тогда только-что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами, — сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ колачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевишна, маленько! — оживленно бормоталъ онъ, обращаясь

не то къ лошади, не то къ Наташкѣ. — Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ... Я и назадъ гнать не стану, — мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твоего хайла, — говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна. —Разинулъ хайло: «Ты у меня смотри! Я,въ случаѣ чего, догляжусь, что у тебя въ порткахъ-то»... А-ахъ! — думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, молъ, господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... А не тебѣ чета, чернонебому. — «Смотри!» — А зачего мнѣ смотрѣть? Авось, не дурѣй тебя. Захочу — и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки либо старчики какіе мимо хуторя — только слово сказать: въ одинъ ментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: «удавлюсь» — смѣнилась въ стриженой головѣ Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга заскрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колодцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалося солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ противъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ. Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старчики выжигаютъ ворованнымъ дѣвкамъ и

ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдають ихъ за убогенькихъ, а чумаки завозятъ къ морю и продаютъ нагайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говоритъ Гераська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались, — нѣтъ, бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣлъ и Евсей.

— Припоздали, дѣвка, — уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забилась, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее, — не то думала, не то чувствовала Наташка, — повернуть, доскакать до Суходола — и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома — и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало блѣдно-синее, сухое... А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, пахло изъ топившейся поварской; далеко за равнинами хлѣбовъ, за серебристыми тополями на окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ,

алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платья изъ оранжеваго шелка, пристально смотрѣла въ ноты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-пѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера — приземистаго, темноликаго, подпиравшаго талію лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками...

«У ней — свой, а у меня — свой», — не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро пахнущихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго, — того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увидитъ её и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами — и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука...

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, идущій взадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми

дверями... И зачѣмъ поѣхалъ тутъ Евсей, думала она, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ... Опять знакомо запахло прѣсной теплой водой, иломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума... Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму — и глянула въ глаза каменная, пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ синь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцой, а, миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на землѣ и въ небѣ, — только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе — и слился наконецъ съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ... Тройкой правилъ вольный молодой ямщикъ, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поровнявшись съ телѣгой, на мгновеніе поднялъ онъ голову — и вдругъ увидѣла Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каскою, похожей на ве-

дерко.. Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознаніе...

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ея нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: близости къ нему... Евсей кинулся поливать ея стриженую, отвалившуюся къ плечу голову водой изъ дорожнаго жбана.

Тогда она очнулась отъ приступа тошноты — и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложилъ ей подъ холодный лобъ ладонь...

А потомъ, облегченная, озябнувшая, съ мокрымъ воротомъ лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчалъ, думая,что она уснула,—только головой покачивалъ, — и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвчонкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея—одна душа. И душѣ этой было «такъ хорошо, ровно въ царствѣ небесномъ»...

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ея любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, побороть первыя, сладкія и жгучія муки ея, а потомъ надолго, навѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души

VI.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей — и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвѣстно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ — и обѣдъ удался на славу. Было и шумно и весело, дѣдушкѣ — веселѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда и родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ «поневолѣ» долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболѣе просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими — просто не порывать отношеній. И сначала все въ точности исполнялъ, посѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣстныхъ, даже хуторъ тетушки Ольги Кирилловны, чудовищно - толстой старухи, страдавшей сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже

никто не дивился, что Петръ Петровичъ правитъ имѣніемъ единовластно. Да онъ и видъ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выхолился, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзою. Прекрасные глаза его, къ удивленію всѣхъ, оказались не черными, а карими, какъ подобаетъ смуглому. Аркадій Петровичъ почему-то стѣснялся смотрѣть въ эти глаза, не зналъ, о чемъ говорить, первое время во всемъ уступалъ Петру Петровичу и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Петръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до единаго своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно-счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощей и въ новомъ, не въ мѣру широкомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ портнымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ ранняго утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и внизу и вверху, самъ придвигалъ стулъ и,

весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца,— и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай,— топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣлалъ па, подпрыгивалъ, кидая ногу за ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, говорилъ всѣмъ, даже незнакомымъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Милости прошу, милости прошу!

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладываетъ объ отъѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. «Тонечка больна тоской, уѣхала къ тетенькѣ на всю осень» — что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна. Войткевичъ, можетъ статься, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, играя съ ней въ четыре руки, глухимъ голосомъ читая ей «Людмилу» или говоря въ мрачной задумчивости: «Ты мертвецу святыней слова обручена...» Но Тонечка бѣше-

по вспыхивала при каждой его даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства,— поднести, напримѣръ, ей цвѣтокъ,— и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ, Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать — и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрестанный дождикъ. Затѣмъ шелъ успокаивать. Шли успокаивать и заспанныя дѣвки, иногда тревожно прибѣгалъ дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топать ногами, кричать: «Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!» — и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми,— бѣшено шипѣлъ Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, захлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку:— пойми, змѣя, что могутъ вообразить!

— Ай!— неистово взвизгивала Тонечка.— Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты.

Вцѣпиться въ голову не разъ хотѣлось и на Покровъ. Да тревожилъ и Герваська: какъ бы не нагрубилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ?

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблуковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ — подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: «ротъ до ушей, хоть завязочки пришей». Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькою головою и глубокими орбитами, тонкими пепельно синими губами и крупными голубоватыми зубами, онъ, этотъ древній аріецъ, парсъ изъ Суходола, уже получилъ кличку: борзой. Глядя на его оскалъ, слушая его покашливанія, многіе думали: «А скоро ты, борзой, издохнешь!» Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молокососа Гервасіемъ Аѳанасьевичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что у холоповъ: или властвовать, или бояться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни, ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: «Положи-

тельно скотина ты, братъ!» — на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: «Терпѣть его не могу я, сударь!» А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіянъ и горячій, сударь, — сказалъ онъ безразлично, играя черными глазищами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ «горячій» намекъ, струсилъ.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется!—притворно-строго крикнулъ онъ. — Выйди вонъ! Я тебя, дерзкаго, видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, поскалилъ по-собачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни единаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгодѣ этой манеры — ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже въ глаза ему смотрѣть.

Такъ же безразлично, загадочно держался

Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, чистя синѣющимъ мѣломъ темное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватитъ вилокъ, что пережарятся налевашники, хворостики; одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казимиру, алкоголику-повару: «Потише, отецъ дьяконъ, подрясникъ лопнетъ!»

— Смотри не напейся,—разсѣянно, волнуясь изъ-за предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— С'отроду не пилъ, — какъ равному кинулъ ему Герваська. — Не антересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе кричалъ на весь домъ:

— Гервасій Аѳанасичъ! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя какъ безъ рукъ.

А Герваська вѣжливѣйше и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, безпокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и пред-

ставить себѣ не можете! Но положительно умница! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнитъ ее? Дѣдушка услыхалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой на слугу моего! Вотъ на этого, на этого — на Гервасія Аѳанасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно, насмѣшливымъ, что онъ сдался и почувствовалъ себя опять дѣтски-счастливымъ. Герваська стоялъ у стѣны строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый, и что особенно много волосъ именно на затылкѣ,— крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шеей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ темное лицо Герваськи мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой ки-

далъ взгляды на Герваську, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Особливо же прошу, не уѣзжайте на-вечеръ. Какъ дѣло на-вечеръ, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ, въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бонапартишкиныхъ поймали... Я безпремѣнно помру вечеромъ,— попомните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ-таки: «ради него» много народу осталось ночевать; весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много и все разное, такъ что можно было подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ, и по комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковскаго табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значитъ, впереди былъ не только новый веселый день, но и большія хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленнаго и богатаго обѣда!

— Да, да,—волнуясь, думалъ дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ пе-

редъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія. — Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ вашемъ!

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ столикѣ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь и, развернувъ, снова съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ поднялъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ напалъ на то, что хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ — убилъ бы его, нѣтъ старика — купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнущихъ табакомъ, стояла та особенная тишина, что бываетъ только послѣ праздника, осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднялъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, на серебро утренника, покрывшаго и балконъ, и перила, и коричневую листву въ голыхъ заросляхъ подъ балкономъ, и далекую крышу бани на окраинѣ сада, среди тополей, листвы еще не потерявшихъ. Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько

и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ терялся въ зимней свѣжести. И все было неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрустъ этотъ напомнилъ зиму — и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставлять тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось голубое небо. Вдругъ неслышно и быстро вошелъ Герваська — безъ казакина, заспанный, «злой, какъ чортъ», какъ онъ самъ же разсказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шопотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шопотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь, какой ты Гервасій! Я простилъ тебя вчерась, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюнтяй, хуже осени! — перебилъ Герваська. — Пусти.

Дѣдушка со страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступавшій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ и загородилъ собою ломберный столъ, который хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ. — Это ты долженъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А! — досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами,— и наотмашь ударилъ его въ грудь.

Доска стола была сложена, половина его была открыта. Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками — и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ.

Увидя кровь, безсмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ еще съ теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ... оглянулся, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца... Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной — и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изъ всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло въ Суходолѣ еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она почти черезъ два года: о ней забыли. И, вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходолъ.

Въ тотъ лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, заскрипѣла возлѣ хуторской хаты и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля удивленно воскликнулъ:

— Ужли это ты, Наташка?

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добре ты не хороша-то стала!

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженой дѣвчонки, круглоликой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, но стройную дѣвку, худощавую, но не болѣзненную, сдержанную въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она была боса, въ старенькой плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ по-нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конеч-

но, казались некрасивыми. Да она и сама полагала, что это некрасиво. Однако всякій могъ замѣтить, — по той тонкой улыбкѣ, съ которой было сказано: «а то кто же?», — что и горда она перемѣнами, совершившимися въ ней, и даже какъ будто довольна, что не хороша.

На пути въ Суходолъ Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости? — спросилъ Евсей и даже трубку изо рта вынулъ.

И не спѣша, полушутя, полусерьезно она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть; отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрекла себя Богу и, значитъ, замужъ ее не пуститъ; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Что жъ ты видѣла? — спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое, — сказала она. — Напугалъ меня тогда Герваська до-смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говоритъ: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте сперва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли.

какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ разсказалъ мнѣ за угломъ все дочиста, да и пошелъ себѣ...

— Да что жъ ты хозяевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До обѣда не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ, — спать подъ анбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разспросами подруги и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было, — повторяла она.

А разъ сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленій вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками по доброй волѣ, что барышня тронулась и бродитъ по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что правитъ Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня, — маленькая, полная, очень живая, беременная — московская институтка, бывшая гувернантка господъ Черкизовыхъ, а теперь называющая Петра Петровича Петрушей.

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... какъ ее?... Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголъ, образамъ, потомъ барынѣ и барышнѣ — и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня, — барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроносая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнѣ. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-съ.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ и, яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что неумѣло дернула съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала: а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванныя пряди, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы.

— Ну, люта-а! — сказала она. — Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проснувшись утромъ, долго лежала въ постели, а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное лицо.

— Что жъ видѣла во снѣ? — спросила барышня такъ равнодушно, точно кто-то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-съ.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ вчера, вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку съ чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала. Отъ чашки Наташка увернулась — и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ: «ничего-съ не видала» — барышня кричала иногда: «Ну, солги что-нибудь!» Но такъ какъ лгать Наташка была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь опредѣлилъ «опечененіе легкихъ» и прописалъ много пилюль, много черныхъ капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку — и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подъ-рядъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда узнала она, что барышня ждала ее «какъ свѣта бѣлаго»: барышня-то и вспомнила о ней — всѣ глаза проглядѣла, не ѣдутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совсѣмъ здорова, освободится отъ всякой боли и тоски, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась — и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго разочарованія?

Не была ли жестокая выдумка заставить пробовать лѣкарства лютой жаждой выздоровленія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ коридоръ, сѣла на рундукъ и опять заплакала. Плакала она тихо, наслаждаясь своими слезами, подолгу, пристально смотрѣла сквозь слезы куда-то въ одну точку, — подражала бабамъ, а вспоминала зеркальце, свой отъѣздъ въ Сошки, все пережитое тамъ, и опять по-дѣтски косила лицо и принималась чуть слышно голосить.

— Что жъ, лучше тебѣ? — спросила барышня, когда она вошла къ ней съ опухшими глазами.

— Лучше-съ, — шопотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя, горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью и къ ней и къ своему одиночеству.

— У, хохлушка подколодная! — крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперсницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натыкавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А что жъ, — сказала она задумчиво. — И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ...

Но сказала она неправду. Сошекъ не могла она забыть, многое съ восторгомъ разсказала бы о нихъ, если бы не роль, взятая на себя. Но отцомъ-матерью хохловъ она никогда не считала.

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придала значенія тому новому, что окружало ее. Пріѣхали подъ утро — и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, топившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохолъ не слушалъ Евсея. Евсей мололъ безъ умолку — и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что ѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ, конечно, о зеркальцѣ, — а хохолъ, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣянно глянулъ на него и превесело занылъ подъ-носъ: «Круть, верть, метелиця»... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя — и дивоваться на Сошки, находить въ нихъ все больше прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила — ея бѣлизна, ея

ладная, ровная, очеретяная крыша! Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивные бумажные цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А ряды сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи!.. Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженую, въ густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы, — онъ только усы носилъ, — тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя отъ загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, опредѣленныхъ, нужныхъ почему-то. Ходилъ онъ неловко, — тяжелы были его сапоги, — въ сапоги заправлялъ портки изъ грубаго бѣленаго холста, въ портки — такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулся слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдины не старили его: не было ни усталости нашей ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго од-

пажды въ Суходолъ съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ.

А хохлушку Марину суходольцы прозвали Копьемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ гладкую, не суходольскую кожу ея широкоскулаго лица, грубоватаго, но почти красиваго своей прямотой и строгой живостью глазъ — не то агатовыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣнявшихся, какъ у кошки. Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ; черная, короткая плахта, рѣзко оттѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облегала удлиненныя, почти дѣвичьи формы. Обувалась она на босу ногу въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки, но округлы, стали отъ солнца какъ полированное желто-коричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдвинувъ брови, сильнымъ груднымъ голосомъ, пѣсню объ осадѣ невѣрными Почаева, о томъ —

Як зійшла зоря вечірова
Та над Почаевом стала,

какъ сама Божья Матерь святой монастырь «рятувала», въ голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, чего-то церковнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы, что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли; Наташка была сирота. И, живи она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой пріемной, а порой и воровкой, то жалѣли бы ее, то глаза кололи. А хохлы были почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любопытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали за ихъ пестрые сарафаны «распошонками». Тогда на хуторѣ было шумно, говоръ стоялъ немолчный. Но распошонокъ она чуждалась: слыли онѣ распутными, дурноболѣзными, были грудасты, охальны и дерзки, ругались скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали, на лошадь садились по-мужичьи, скакали какъ угорѣлыя. Разсѣялось бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровенностяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да не въ ладъ съ другими шли ея пѣсни. Распошонки затягивали свои грубыми голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно, съ еканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣшливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила, —

тоскливо-протяжно разсказывала она — и прибавляла, понижая голосъ, твердо и безнадежно:

Нема того,
Кого я любила.

А что знала Наташка? Что осталось въ Суходолѣ отъ выродившейся, измельчавшей въ немъ славянской пѣсни? Только жалобы на судьбу, на батюшку съ матушкой, что «неволей за немилаго замужъ отдаютъ — къ лютому свекру, къ лютой свекрови, къ лютымъ невѣсткамъ», или несмѣлые укоры тому, кто наболталъ да кинулъ:

Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?

И въ одиночествѣ, въ глуши, медленно испила она первую, горько-сладкую отраву нераздѣленной любви, перестрадала свой стыдъ, ревность, страшные и милые сны, часто снившіеся ей по ночамъ, несбыточныя мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые степные дни. Часто жгучая обида смѣнялась въ ея сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе — покорностью, желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существованія близъ *него*, любви, навѣки скрытой ото всѣхъ и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти, новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не было долго вѣстей, не было ощущенія будничной суходольской жизни — и начиналъ казаться Суходолъ такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хватало силъ терпѣть одиночество и горе... Вдругъ явился Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ суходольскія новости, въ полчаса разска-

залъ то, чего другой не сумѣлъ бы и въ день разсказать,—вплоть до того, какъ онъ на-смерть «толконулъ» дѣда, и твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай до-вѣку!

Онъ, прожигая ее, ошеломленную, своими глазищами, крикнулъ, выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься... Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости, пришла въ себя — и образумилась.

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ тѣ богомолки, что шли и шли по шоссе мимо хутора, вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію да надеждѣ на Господа Бога, имя котораго произносилось тупо, жалобно, а пуще всего правилу: не думать.

— Думай, не думай — по-нашему не будетъ, — говорили богомолки, перевязывая лапти, морща измученныя лица и разслабленно глядя въ степную даль. — У Господа Бога всего много... Сорви-ка ты намъ, дѣушка, лучку украдкой...

А иныя, какъ водится, и стращали — грѣхами, тѣмъ свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И однажды приснилось ей чуть не подърядъ два ужасныхъ сна. Все думала она о Суходолѣ, — трудно было сначала не думать-то! — думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ, о своемъ будущемъ, гадала, выйдетъ ли она замужъ, и если

выйдетъ, то когда, за кого... Думы такъ незамѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно явственно увидала она предвечернее время знойнаго, пыльнаго, тревожно-вѣтренаго дня и то, что бѣжитъ она на прудъ съ ведрами — и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ косогорѣ безобразнаго, головастаго мужика-карлика въ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклоченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ. — «Дѣдушка!— крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ. — Ай пожаръ?» — «До шпенту все слетитъ сейчасъ! — тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ. — Туча идетъ несказанная! И думать не моги замужъ собираться!...» А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припертая кѣмъ-то снаружи, замирала, ждала чего-то — и вотъ выпрыгнулъ изъ-за печки громадный сѣрый козелъ, вскинулся на дыбы — и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшеными и молящими глазами. «Я твой женихъ!» — крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами — и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣнцахъ, чуть не умирала она отъ серд-

цебіенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Исусе, — скороговоркой шептала она. — Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе.

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась, — недаромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину! — что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ — въ простотѣ и смиреніи. И такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка.

VIII.

У нея ноги отяжелѣли отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наканунѣ Петрова дня, поняла она, что Бодуля — за нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала рваную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную боро-

ду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несоразмѣрности чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ, — мутносѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густоопушенной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но Бодуля удивился — и она овладѣла собою, почувствовала гордость, вошла въ роль. Бодуля плелъ, что въ голову влѣзетъ, о войнѣ, то какъ-будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка разсудительно говорила:

— Что жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то...

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошелъ въ жуткомъ ощущеніи — смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному углу, прежнюю самое себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходолъ съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочный поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Ѳомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній Назарушка, сидѣвшій въ пустой те-

лѣгѣ уже не по-мужичьи, а по-бабьи, — съ прямо вытянутыми ногами, — съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что «нечего въ гробъ положить», безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постояннаго лежанія въ печкѣ. И опять содрогнулось сердце, — вспомнилось, какъ года три тому назадъ добрѣйшій и беззаботнѣйшій Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди дворни, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не каляньси: видно, ужъ придется подгузники скидавать! Не минуешь!

А какъ забилось сердце, когда увидала она выгонъ, рядъ избъ — и усадьбу: садъ, высокую крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ; чей-то бѣлый въ коричневыхъ пятнахъ теленокъ тонулъ среди овсовъ, стоялъ въ нихъ, объѣдая кисти. Все вокругъ было мирно, просто, обычно — все необычнѣе, все тревожнѣе становилось только въ ея умѣ, который и совсѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга по широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ погостъ камнями, когда,

впервые послѣ двухлѣтняго пребыванія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо пахнущій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной, казацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ въ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣвшими надъ окномъ, — и робко взглянула на Меркурія, перенесеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголъ прихожей...

Попрежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солнцемъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищалъ, бродя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухалъ на горячихъ, яркихъ подоконникахъ... Казалось, — все старое, что окружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ послѣ покойника. Во всемъ, во всемъ — и особенно въ запахѣ цвѣтовъ — чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣтства, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ, умершихъ, измѣнившихся — самое себя, барышню. Выросли ея сверстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, качавшіе отъ дряхлости головами и порою тупо выглядывавшіе съ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ этого міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ по-дѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ овладѣвать имъ медленно, пріуготовляя

его къ страшному часу, и такъ неожиданно, молніеносно скошенный ея косою. И не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ возлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣрилось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равнодушная, то бѣшеная, то тревожно-болтливая и откровенная съ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы, — барышня Тонечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ какая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными усиками... Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, увидала роковое зеркальце въ серебряной оправѣ — и сладостно прихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежніе страхи, радости, нѣжность, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ на вечерней зарѣ... Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала она въ себѣ — и все укрощала, все успокаивала словами богомолокъ, казавшимися ей верхомъ мудрости: «у Бога всего много»... Старая, старая суходольская кровь текла въ ней! Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходолъ. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки. Ни плети ни дыбы не боялась она; боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющіе будни — пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная

темнота, буря, громъ и — огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. И онѣ пришли, пришли даже черезчуръ скоро, нарушили будни — и уже навсегда уступили имъ мѣсто.

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательства тому. И не сровнялось года съ пріѣзда ея въ Суходолъ, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Өедосью-птичницу произвели въ няньки — и Өедосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушечье платье, стала смиренной, богобоязненной. Еще едва таращилъ молочные безсмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, безпомощно падалъ впередъ, одолѣваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ, — уже слышались изъ дѣтской старыя, старыя причитанія:

— Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ... Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать...

И Наташка подражала Өедосьѣ, считая себя тоже нянькой — нянькой и подругой больной барышни. Зимой умерла Ольга Кирилловна — и она выпросилась ѣхать со старухами, доживав-

шими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла тамъ кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ и приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходолъ, съ умиленіемъ разсказывала, что лежала барыня «почесть совсѣмъ какъ живая», хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чермашного, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, простого въ рѣчахъ обычно, но преображавшагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпка и опрятна была его одежда — поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта, красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глаза, истово искалъ онъ ими образа, осторожно, немного согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣловито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ, о дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, потомъ опять крестился — и уже послѣ всего этого, сразу мѣняя тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька... темняетъ... пора, — говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была покатиться въ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ спальнѣ, ожидала она появленія

на порогѣ Клима. Съ ногъ до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ нея. Стихалъ весь домъ, — даже барыня набивала дѣвками свою комнату и разговаривала шопотомъ. Ни единаго огня не смѣлъ никто зажечь, ни единаго голоса возвысить. У веселой Солошки, дежурившей въ коридорѣ, — на случай зова, приказаній Клима, — мутилось въ глазахъ и колотилось въ горлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, развязывая на ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками. Затѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его громкій, необычный голосъ:

— Встань, раба Божія!

Затѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску, — кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ покойникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья лицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страннымъ, отдаленнымъ какимъ-то голосомъ:

— Взыдетъ Филатъ... Окна откроетъ... Двери растворитъ... Кликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска! — восклицалъ онъ съ внезапной силой и грозной властью.—Ты иди, тоска, во темные лѣса — тамъ твои мяста! На морѣ, на окіянѣ, — бормоталъ онъ глухой зловѣщей

скороговоркой: — на морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ сучница, на ей сѣрая руница...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея душу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно - грубаго міра. И нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не могъ не вѣрить въ нее и самъ Климъ, дѣлавшій порою прямо чудеса надъ одержимыми недугомъ, — тотъ же Климъ, что такъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхвованія въ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять принимаясь за чай:

— Ну, теперь еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ дастъ, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ нонѣшнемъ годѣ,сударыня? Хороши, говорятъ, нонче гречихи! Дюже хороши!

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ «страховое» письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться — по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. Послали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала,защелкала пальцами,что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барыш-

нѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Но съ конца Петровокъ опять началось: опять тоска и такой страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, что она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданіями бѣдъ и тѣмъ, что держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтреное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи — о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами. Приходилъ Дроня, длинный, рыжій, не въ мѣру оборванный. Былъ онъ просто пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору прямо къ дому, что стукался головой въ стѣну и съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои! — фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая все тѣло и

правую руку, дѣлая изъ нея какъ бы щитокъ отъ солнца. — Полетѣли, полетѣли по поднебесью мои птушечки!...

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей: тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Дроніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленькій, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ косого младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желтоволосый, въ бѣлой коленкоровой рубахѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступалъ онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда! — бормоталъ онъ, задыхаясь. — Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣлъ и жадно чавкалъ. А начавкавшись, опять вскидывалъ мѣшокъ за спину и тревожно искалъ свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша? — кричала ему барышня.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая имя барышни:

— О Святой, Лукьяновна!

И жалостно вопила вослѣдъ ему барышня — тономъ, уже близкимъ къ признанію:

— Угодниче Божій! Моли Бога за грѣшную Марію Египетскую!

А прочіе крестились, вздыхали, ибо и впрямь чуть не каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ — о грозахъ и пожарахъ. И все возросталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усадьбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣй всего усмиряется огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки... Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барышня. Прежде она говорила, что гроза — «явленіе природы». Теперь она тоже крестилась и

жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ и страхъ окружающихъ, все разсказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1771-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человѣкъ. А слушательницы подхватывали — торопились разсказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, пришибленной на-дняхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ пути, что вся она упала на колѣни...Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрялъ нѣкто Юшка, «провиненый монахъ», какъ онъ называлъ себя.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. Но палецъ о палецъ не ударилъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя за-хлѣбъ, за-соль разсказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей «провинности». — «Я, братъ, мужикъ, да уменъ и на горбатаго похожъ,—говорилъ онъ. — Что жъ мнѣ работать!»

И, правда, смотрѣлъ онъ какъ горбунъ — ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной клѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти; пальцы его, которыми онъ поминутно закидывалъ назадъ

длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахать показалось ему «непристойно и скучно». Вотъ онъ и пошелъ въ Кіевскую лавру, «подросъ тамъ» — и былъ изгнанъ «за провинность». Тогда, сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу, — старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣльемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзетъ, — онъ никогда не пьянѣлъ, — издѣваться надъ лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно, — разсказывалъ онъ мужикамъ, подмигивая: — извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду, молъ!

И точно — не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спасающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты навѣкъ работать? — спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи ѣдкихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзывался Юшка. — Набалованъ, братъ! Яровитъ я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя, —

мнѣ бабы и даромъ не надобны! — боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что жъ! Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строенъ!

Явившись въ суходольскую усадьбу, онъ, какъ однодворецъ и человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ сидѣла Наташка, напѣвая: «Я мела, млада, сѣнюшки, нашла себѣ сахарцу»... Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да кто-й-то? — крикнула она.

— Человѣкъ,—отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы. — Доложи барынѣ.

— Кто это? — крикнула и барыня изъ зала.

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывшій монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрно, подумала, что онъ возвращается на родину — и проситъ обыскать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямотой барыню, что на другой же день могъ перебраться въ опустѣвшую съ отъѣзда господъ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ устали забавлялъ хозяекъ разсказами, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, помогалъ дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки коси-

лись на него, чувствуя на себѣ его быстрые, похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ коридорѣ быстрымъ шопотомъ: «влюбился я въ тебя, дѣвка!» — глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадокъ ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрясникъ, и страшенъ, страшенъ.

Она уже твердо знала, что будетъ. Она спала одна, въ коридорѣ, возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже отрубилъ ей: «Приду. Хоть зарѣжь, приду. А закричишь — до тла васъ сожгу»... Но что пуще всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто *неминучее*, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь: по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барышню, что заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, передъ которыми ничто самые оглушительные удары грома. Она вопила: «Змій эдемскій, іерусалимскій душитъ мя!...» А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый козелъ, что входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома

и отблесками молній по черным иконамъ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминучемъ часѣ, сидя ночью на полу въ коридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимся сердцемъ вглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, уже чувствовала она первые приступы той тяжкой болѣзни, что долго мучила ее впослѣдствіи: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ — и бѣжала, изувѣрски сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня...

И неминучее свершилось. Юшка пришелъ — какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго, древняго огнеметателя. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала — и вдругъ, какъ отъ толка, очнулась. Было самое глухое время — она поняла это своимъ безумно колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ коридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами мол-

чалпвое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала — и остановилась, какъ вкопанная: осиновыя бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно бѣлѣли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ, — и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золотомъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей.

— На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ...— зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губитъ себя колдовскими заклинаніями. —Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая руница...

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, Юшку, съ поднятыми плечами стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Озарилось лицо его молніей—блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро обхватилъ ее длинными руками за талію — и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ сперва на колѣни, потомъ навзничь, на холодный полъ прихожей...

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь.

Ходилъ и еще много ночей,— и она, теряя сознаніе отъ ужаса и отвращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ наслаждавшемуся ею, какъ, говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачу, отчаянному негодяю и вору, сосланному въ концѣ концовъ въ Сибирь, на поселеніе... Наконецъ наскучила Наталья Юшкѣ, наскучилъ ему и Суходолъ — и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ сентябрѣ, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполнилось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ проливной дождь, отъ молніи, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая, увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани,— отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ, — разсказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ: онъ тоже бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мо-

крымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достовѣрно только то, что ужасъ, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка.

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ, — разстройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ бѣшеной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья — и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, ужъ нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни приготовлялась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, что было въ ея несчастіи, — вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ ужасъ пожара! — и поломничество къ угоднику дали ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу: самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ барышней губительнымъ перстомъ Своимъ — имъ ли

было бояться людей! Черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія, вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновеніе дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, по-дѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично стало въ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ — и вызвали даже тревогу и на дворнѣ и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать — начинать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господамъ, а они и по-старому-то не умѣли. Смерть дѣдушки, потомъ война, комета, наводившая ужасъ на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ — все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость другъ къ другу: начались «нелады», какъ говорилъ отецъ, дошло до татарокъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоятельной необходимости поправить какъ-нибудь дѣла, въ конецъ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо-жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой — нелѣпо-щедръ, добръ и довѣр-

чивъ. Столковавшись кое-какъ, рѣшились они на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ захудавшихъ лошадей,— собрали ихъ чуть не со всего уѣзда при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотѣли выправить за зиму и съ барышомъ распродать весной. Но, истребивъ огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, къ веснѣ поколѣли...

И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы новое несчастіе не свалилось на Суходолъ. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Лунево, гдѣ была у него любовница. Онъ прожилъ на хуторѣ двое сутокъ, все время пилъ тамъ хмельной и домой поѣхалъ. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытыя ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую въ рыхломъ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туманныя, сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ Евсею Бодулѣ, котораго онъ часто бралъ съ собой вмѣсто кучера Васьки Казака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлоби-

вшаго противъ себя дворню побоями,—крикнулъ: «пошелъ!», и ударилъ Евсея въ спину ногой. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мокрый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную муть глухого поля, навстрѣчу все густѣющей, хмурой зимней ночи... А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали всѣ въ Суходолѣ, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лавки, босикомъ выбѣжала на крыльцо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Евсей.

— Бѣда, дѣвка, бѣда, — забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ: — барина лошадь убила...пристяжная...Набѣжала, осунулась и — копытомъ... Все лицо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ... Не я, не я, вотъ те Христосъ, не я!

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекрестилась, упала на колѣни, обхватила ледяную окровавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ рыданій и хохота.

X.

Когда случалось намъ отдыхать отъ городовъ въ тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова разсказывала Наталья повѣсть своей погибшей

жизни. И порою глаза ея темнѣли, останавливались, голосъ переходилъ въ строгій, ладный полушопотъ. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святого, висѣвшій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезглавленный, пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову — во свидѣтельство своего повѣствованія...

Уже исчезали и тѣ немногіе вещественные слѣды прошлаго, что застали мы когда-то въ Суходолѣ. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлежностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погибло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задеревянѣвшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть не сто лѣтъ тому назадъ, — дѣдовскій сундукъ съ выдвижными ящичками изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до-нельзя засаленными, закапанными воскомъ. Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжкая мебель, что стояла въ залѣ, гостиной... Домъ ветшалъ, осѣдалъ все болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь разсказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія... И все легендарнѣе становилось его прошлое.

Росли суходольцы среди жизни глухой, сумра-

чной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, «жидки на расправу» были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали на нашихъ глазахъ и гнѣзда суходольскія. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались, тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не бытъ, не жизнь, а лишь воспоминанія о нихъ, полудикую простоту существованія. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и «мужами именитыми», ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выроди-

лось, сошло съ ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадѣдовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ воображать даже то, что было полвѣка тому назадъ!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распахано и засѣяно, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ другихъ усадьбъ. Суходолъ еще кое-какъ держался. Но, вырубивъ послѣднія березы въ саду, по частямъ сбывъ почти всю пахотную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея,сынъ Петра Петровича, — ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы старыя обитательницы Суходола — Клавдія Марковна, тетя Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осэнь зимою... Онѣ потеряли счетъ этимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: далеко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самаго балкона. Да что лѣто! «Лѣтомъ намъ рай!» — говорили старухи. Долги, тяжки были

дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Суходолѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный сарматскій вѣтеръ. А топить — топили очень рѣдко. По вечерамъ скудно свѣтила изъ оконъ, изъ горницы старой барыни, — единственной жилой горницы, — жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ, наклоняясь къ ней. Наталья дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ своей избѣ и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на столъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ слабомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ея ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на-бокъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепкахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба. Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было

такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для этого надо сдѣлать усиліе, посидѣть, подумать надъ родной могилой, — если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могилъ дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ — возлѣ алтаря старенькой церкви въ селѣ Черкизовѣ. Зимой туда не проберешься: тамъ по-поясъ сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній день проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темнозеленой стѣной стоятъ, пекутся въ знoѣ елки. За откинутой калиткой, за бѣлой церковью съ ржавымъ куполомъ — цѣлая роща невысокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь и прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ, покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменнымъ плитамъ, почти ушедшимъ въ землю, пористымъ отъ дождей, поросшимъ чернымъ разсыпчатымъ мохомъ... Вотъ два-три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено-золотисты стали они, что уже не прочесть надписей на нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки? А Богъ вѣдаетъ! Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь, близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себѣ всѣми забытыхъ Хрущевыхъ. И то безко-

вечно далекимъ, то такимъ близкимъ начинаетъ казаться ихъ время. Тогда съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ синемъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же... что такъ же желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, а здѣсь была тѣнь, прохлада, кусты... и въ кустахъ этихъ такъ же бродила, паслась вотъ такая же, какъ эта, старая бѣлая кляча съ облѣзлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами.

1911.

